Записки русского исторического об-ва в Праге. Кн. 2

ЗАПИСКИ

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ПРАГѢ

— —

КНИГА ВТОРАЯ

ПРАГА ЧЕШСКАЯ

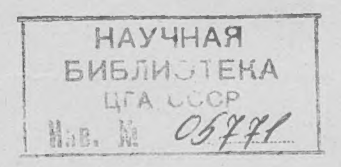
1930

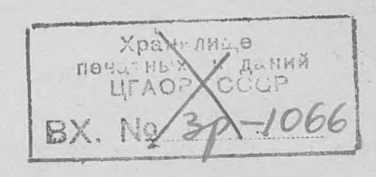
ЗАПИСКИ

РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ПРАГѢ

— —

КНИГА ВТОРАЯ





ПРАГА ЧЕШСКАЯ

1930

Первая книга „Записокъ Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ“ вышла въ 1927 году. Она была напечатана на средства, полученныя отъ г-на Президента Чехословацкой Республики д-ра Т. Г. Масарика, и обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ его желанію оказать поддержку пребывающимъ на чужбинѣ русскимъ историкамъ въ печатаніи ихъ научныхъ трудовъ. Расходы по изданію настоящей, второй, книги „Записокъ“ покрыты изъ суммъ, ассигнованныхъ Славянскимъ Институтомъ въ Прагѣ, которому Общество считаетъ своимъ долгомъ принести живѣйшую признательность.

Отчетъ о дѣятельности Общества за первые годы его существованія былъ помѣщенъ въ первой книгѣ „Записокъ“; въ концѣ же настоящей, второй, книги дается краткій отчетъ о дѣятельности Общества съ апрѣля 1927 года по май 1930 года.

Настоящая книга посвящена изслѣдовательскимъ работамъ членовъ Общества въ области Русской исторіи.

Правленіе Общества.

Къ вопросу о значеніи „Конференціи, учрежденной при Дворѣ Императрицы Елисаветы Петровны“.

Еще при жизни Петра Великаго обнаружилось, что возведенное имъ зданіе государственнаго управленія не доведено до конца. Вся система учрежденій замыкалась Сенатомъ, гдѣ въ первое время постоянно лично присутствовалъ самъ государь. Но, когда, въ послѣдніе годы царствованія, императоръ сталъ рѣже посѣщать Сенатъ, обнаружился тотъ прорывъ между высшими государственными учрежденіями и монархомъ, попытки заполнить который продолжаются въ теченіе всего XVIII в. и благопріятно завершаются только реформами Александра I. Обычно къ числу такихъ попытокъ, наряду съ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ и Кабинетомъ Министровъ, относятъ и учрежденіе Елизаветой при дворѣ ея Конференціи. Между тѣмъ, самое учрежденіе ея и дѣятельность не носятъ того характера, какой имѣли Верховный Тайный Совѣтъ и Кабинетъ Министровъ. Въ этомъ смыслѣ изученіе дѣятельности Конференціи представляетъ особый интересъ.

Къ сожалѣнію, до настоящаго времени матеріаловъ по интересующему насъ вопросу издано очень мало. Протоколы Конференціи изданы лишь за первый годъ ея существованія, съ 14 марта 1756 г. по 13 марта 1757 г. (Сборникъ Импер. Русск. Истор. Общества т. 136). Нѣкоторыя выдержки изъ ея протоколовъ за послѣдующіе годы можно найти у С. М. Соловьева (Исторія Россіи т. 24). Наконецъ, изложеніе важнѣйшихъ моментовъ и небольшія выдержки — въ статьѣ А. Е. Прѣснякова „Правительствующій Сенатъ въ царствованіе Елизаветы Петровны“ (Исторія Правительствующаго Сената за двѣсти лѣтъ 1711-1911 гг. т. II).

Въ силу, быть можетъ, отсутствія до сихъ поръ достаточнаго количества опубликованнаго матеріала, въ наукѣ до сихъ поръ не установилось опредѣленнаго взгляда на значеніе Конференціи. Въ то время, какъ проф. Владимірскій-Будановъ

приравниваетъ ее по значенію къ Кабинету Министровъ[1]), А. Д. Градовскій совершенно отрицаетъ ея обще-государственное значеніе[2]). А. Е. Прѣсняковъ занимаетъ средину въ этомъ вопросѣ и считаетъ, что „по сути дѣла Конференція была дѣйствительно ... военнымъ совѣтомъ... органомъ верховной власти по руководству военными и дипломатическими дѣйствіями и по распоряженію боевой силой и финансовыми средствами страны"[3]). Создавшееся впечатлѣніе о ея значеніи, равномъ Кабинету Министровъ, онъ объясняетъ личнымъ составомъ членовъ Конференціи и ея близостью къ монарху при отсутствіи точной регламентаціи ея закономъ[4]). Насколько туманно опредѣлено въ законѣ положеніе Конференціи, показываетъ уже то, что Владимірскій-Будановъ даже смѣшиваетъ ее съ тѣми „собраніями гг. министровъ и генералитета", которыя имѣли мѣсто въ первые годы царствованія Елизаветы[5]).

Настоящая работа не претендуетъ на окончательное разрѣшеніе вопроса о значеніи Конференціи, но лишь стремится, на основаніи доступнаго въ существующихъ условіяхъ матеріала, попытаться выяснить роль этого учрежденія въ общемъ ходѣ государственнаго управленія въ связи съ Семилѣтней войной. При этомъ приходится считаться съ доступностью лишь печатнаго матеріала, да и то въ предѣлахъ наличности его въ Пражскихъ библіотекахъ.

Прежде всего, необходимо выяснить самую исторію возникновенія Конференціи и возможность отождествленія ея съ „собраніемъ гг. министровъ и генералитета". А. Е. Прѣсняковъ совершенно справедливо считаетъ, что этотъ „высокій совѣтъ" былъ упраздненъ съ момента учрежденія Елизаветинскаго Сената, такъ какъ фактически почти весь составъ собранія вошелъ

---

[1]) „Когда имп. Елизавета по восшествіи на престолъ тотчасъ уничтожила Кабинетъ, то это означаетъ только, что лица, составлявшія его, были удалены отъ дѣлъ. Но та же императрица опять образовала свой Кабинетъ изъ другихъ (болѣе ей угодныхъ) лицъ, который, по словамъ Панина, сдѣлался „злоключительнымъ интерваломъ между государемъ и правительствомъ". Однако, имп. Елизавета не находила уже возможнымъ управлять при помощи личнаго кабинета и, сообщивъ сенату значительную часть политической власти, въ то же время учредила Конференцію (изъ 4 членовъ), сначала только для обсужденія „важныхъ иностранныхъ дѣлъ". Но затѣмъ къ концу царствованія Елизаветы (съ 1757 г.) вѣдомство Конференціи расширено на „весьма важныя государственныя дѣла"; въ качествѣ учрежденія, вѣдающаго важнѣйшія внутреннія дѣла, Конференція вступила въ коллизію съ сенатомъ". Обзоръ исторіи русскаго права изд. 4-ое. Кіевъ. 1905, стр. 257 прим. I.

[2]) Высшая администрація въ Россіи XVIII ст. Собраніе сочиненій т. I стр. 215-216.

[3]) Исторія Сената въ царств. Елиз. Петр. стр. 94.

[4]) Тамъ же, стр. 125-128.

[5]) См. прим. 1.

въ новый Сенатъ[1]). Очевидно, императрица разсматривала и самое собраніе это, какъ Сенатъ, такъ какъ въ указѣ 12 декабря 1741 г. докладъ собранія названъ докладомъ Сената. Въ собраніе входили членами: кн. И. Ю. Трубецкой, гр. Лесси, кн. А. М. Черкасскій, ген. Г. П. Чернышевъ, ген. А. И. Ушаковъ, ген. В. Я. Левашовъ, гр. Н. Ф. Головинъ, кн. А. Б. Куракинъ, А. П. Бестужевъ-Рюминъ, кн. Н. Ю. Трубецкой, А. Л. Нарышкинъ. Изъ ихъ числа въ Сенатъ не вошли занятые особенными обязанностями гр. Лесси и В. Я. Левашовъ; кн. Н. Ю. Трубецкой, назначенный генералъ-прокуроромъ. Вновь назначены въ Сенатъ: гр. С. А. Салтыковъ, кн. М. М. Голицынъ, кн. Г. А. Урусовъ, И. И. Бахметьевъ, В. Я. Новосильцевъ, кн. А. Д. Голицынъ. Изъ числа этихъ лицъ въ составъ будущей „Конференціи, учрежденной при Высочайшемъ дворѣ" войдутъ только А. П. Бестужевъ-Рюминъ и кн. Н. Ю. Трубецкой. Такимъ образомъ, по личному составу „собранія гг. министровъ и генералитета" можно отождествлять только съ будущимъ Сенатомъ, равно, какъ и по существу дѣла, ибо до 12 декабря 1741 г. Сенатъ въ старомъ составѣ дѣйствовалъ лишь по „сообщеніямъ" изъ „учрежденнаго при дворѣ Ея Величества министерскаго и генералитетскаго собранія"[2]).

Далѣе, проф. Владимірскій-Будановъ, какъ указано выше, повидимому, отождествляетъ Конференцію съ тѣми періодическими собраніями „гг. министровъ и генералитета", установленными указомъ 12 декабря 1741 г., которыя происходили при дворѣ Елизаветы для обсужденія вопросовъ внѣшней политики[3]). Однако, эти конференціи по составу своему не постоянны, въ нихъ приглашается значительное число свѣдущихъ лицъ, наконецъ, самый порядокъ хода ихъ, какъ увидимъ, не имѣетъ ничего общаго съ веденіемъ дѣла въ Конференціи: каждый членъ такого совѣщанія долженъ былъ подать свое мнѣніе письменно, всѣ поданныя записки читались и обсуждались въ засѣданіи, послѣ чего императрица давала свое заключеніе, которое получало силу именного указа[4]).

Такимъ образомъ, Конференція, учрежденная при высочайшемъ дворѣ, есть учрежденіе самостоятельное, не развившееся ни изъ генералитетскихъ собраній до указа 12 декабря 1741 года, ни изъ такихъ же собраній послѣ этого указа.

Учрежденіе Конференціи находится въ тѣсной связи съ направленіемъ внѣшней политики, и иниціаторомъ ея надо считать гр. А. П. Бестужева-Рюмина. 19 января 1756 г. имъ была

---

[1]) Прѣсняковъ, цит. статья стр. 12.
[2]) Прѣсняковъ, цит. соч. стр. 8-9.
[3]) „Обзоръ истор. русск. права" стр. 257 прим. 1.
[4]) Прѣсняковъ, цит. соч. стр. 21.

подана записка императрицѣ по поводу ратификаціи „субсиднаго" договора съ Англіей. Имѣя въ виду экспедиціонный корпусъ, который долженъ былъ быть отправленъ за-границу въ случаѣ угрозы Ганноверскимъ владѣніямъ Англіи, онъ пишетъ въ этой запискѣ: „Въ самое послѣднее и главное утѣшеніе канцлеръ пріемлетъ смѣлость Ея Императорскому Величеству, какъ суще вѣрный рабъ и подданный, и такъ, какъ бы онъ теперь на судѣ передъ самимъ Богомъ стоялъ, всенижайше представить, что какъ бы сіе дѣло ни обратилось, нынѣ ли бы готчасъ ратификовано было или бы послѣ другими передѣлано было, Ея всевысочайшая служба и польза государства необходимо требуютъ — *управленіе онаго и всего къ нему принадлежащаго подъ своимъ монаршимъ руководствомъ поручить такой комиссіи, которая бы изъ такихъ и столькихъ людей составлена была, какихъ Ея Императорское Величество сама избрать изволитъ, и которые бы наипаче ея высочайшую довѣренность къ себѣ имѣли и, имѣя свое собраніе и засѣданіе при дворѣ, могли тотчасъ на все получить монаршія Е. И. В. резолюціи и повелѣнія и потому потребной скоростью и силой управлять и двигать такую великую махину, какова есть отправленіе корпуса въ 55.000 человѣкъ моремъ и сухимъ путемъ, удовольствительное онаго тамо содержаніе, предпріемлемые имъ операціи и множество сопряженныхъ съ тѣмъ околичностей*[1])". Уже въ этой запискѣ достаточно опредѣленно намѣчается программа дѣятельности будущей Конференціи. Въ запискѣ отъ 3 марта того же года, говоря о необходимости заставить Европу считаться съ желаніями и интересами русскаго двора, канцлеръ пишетъ: „Ничего къ сему способнѣе быть не можетъ, какъ когда-бъ *Ея Императорское Величество*, избравъ наидостойнѣйшихъ монаршей своей довѣренности персонъ, *учредило изъ нихъ при своемъ дворѣ Тайный Военный Совѣтъ, не только для нынѣшняго времени, но и навсегда...*" и далѣе: „Весьма много сему первому распоряженію важности прибавится, ежели-бъ при томъ еще угодно было повелѣть, чтобъ сей Тайный Военный Совѣтъ *началъ исправленіе своей должности приведеніемъ генерально всѣхъ здѣшнихъ сухопутныхъ и морскихъ силъ въ такую готовность и состояніе, чтобъ тотчасъ все въ движеніе прійти и каждый полкъ въ 24 часа въ походъ выступить могъ*"[2]). Этими двумя записками опредѣляется вся программа будущей Конференціи. Изъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія ея дѣятельности видно будетъ, насколько она осуществила намѣченную А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ программу.

---

[1]) С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XXIV стр. 896-897.
[2]) Соловьевъ, Исторія Россіи, т. XXIV стр. 902-903.

14 марта 1756 г. Конференція имѣла свое первое засѣданіе. Собравшіяся по повелѣнію императрицы лица обсуждали порученные имъ вопросы. Характерно, что ни указа, ни манифеста, никакого другого законодательнаго акта объ учрежденіи Конференціи издано не было. Собравшіяся лица просто перешли къ дѣловой программѣ. Протоколъ № 1 гласитъ, что „Ея Императорское Величество разсуждать и повелѣть соизволила", что 1. надобно стараться о умноженіи торговли въ Ригѣ, привлекая туда польскую, нынѣ черезъ Пруссію производимую; 2. справиться и донести Ея Императорскому Величеству, въ какое время Франція отказала датскому двору постановленныя субсидіи платить; 3. писать посланнику кн. Голицыну въ Лондонъ, чтобъ онъ тамошнему двору напсильнѣйшія учинилъ представленія, стараясь не допустить оный до принятія прусской медіаціи, о чемъ и здѣсь послу Вилліамсу также серьезно говорить; 4. и послу гр. Головину писать, чтобъ старался о смѣнѣ отсюда голландскаго посланника Шварца; 5. что надобно въ Вѣну на смѣну гр. Кайзерлинга и въ Польшу отправить министровъ россійскихъ [1]). И только протоколъ № 2 отъ того же 14 марта, т. е. второй параграфъ протокола засѣданія этого дня, занимается вопросомъ существованія Конференціи. Онъ гласитъ: „1756 года Марта 14 дня Ея Императорское Величество... нижеподписавшимся объявить и указать соизволила, чтобъ для произведенія съ лучшимъ успѣхомъ и порядкомъ въ оной дѣлъ и для скорѣйшаго исполненія объявленной Ея Монаршей воли и повелѣній собираться нижеподписавшимся въ каждой недѣлѣ по два раза, а именно: по понедѣльникамъ и по четвергамъ на конференцію при дворѣ" [2]). Цѣль работы Конференціи „трудиться о составленіи такого генеральнаго статскаго или систематическаго плана, которому бы, прямо слѣдуя, все служило къ главному устремленію, а именно, чтобъ *короля прусскаго до пріобрѣтенія новой знатности не допустить, но паче силы его въ умѣренные предѣлы привести и однимъ словомъ не опаснымъ уже его для здѣшней имперіи сдѣлать*". Этимъ уже намѣчается основное назначеніе Конференціи, какъ и увидимъ это въ дальнѣйшемъ. Далѣе, Конференція намѣчаетъ первые шаги своей дѣятельности. „Не соизволитъ ли Ея Императорское Величество указать, чтобы нижеподписавшіеся... начали отправленіе должности своей (этими словами ясно указывается, что Конференція есть учрежденіе только сейчасъ возникающее, а не отдѣльныя засѣданія обычныхъ конференцій, какъ это думаетъ Владимірскій-Будановъ) собраніемъ всѣхъ и отвсюду потребныхъ вѣдомостей и извѣстій, принадлежащихъ къ тому, а именно:" „пребывающихъ до нынѣ въ своей силѣ трактатовъ";

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. О-ва, т. 136, стр. 1-2.
[2]) Тамъ же, стр. 2-3.

„изъясненія или описанія всѣхъ европейскихъ дѣлъ генерально, а сосѣдей особливо“; „реляцій здѣшнихъ при другихъ дворахъ находящихся министровъ и къ нимъ отправленныхъ рескриптовъ, кои до нынѣшняго принадлежатъ и принадлежать и приходить будутъ“; „и всего прочаго, что потребно по учрежденію выше помянутаго плана“ [1]). Все это необходимо Конференціи для того, чтобы „имѣя сіи нужныя свѣдѣнія, столь лучшимъ успѣхомъ и основаніемъ ихъ Всеподданнѣйшую должность, а Монаршее Ея Императорскаго Величества повелѣніе исполнить и дальнѣйшіе Ея Высочайшіе указы испрашивать могли“ [2]). Протоколъ подписали: В. кн. Петръ Федоровичъ, гр. Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ, гр. Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, князь Н. Трубецкой, Александръ Бутурлинъ, гр. Михаилъ Воронцовъ, кн. Михаилъ Голицынъ, Степанъ Апраксинъ, гр. Александръ Шуваловъ, гр. Петръ Шуваловъ. Протоколъ утвержденъ императрицей: „Быть по сему. Марта 15 дня 1756 г.“ — чѣмъ онъ получилъ характеръ высочайшаго указа [3]).

Этотъ протоколъ — единственный учредительный актъ Конференціи. Интересно сопоставить его съ проектомъ манифеста объ учрежденіи Военнаго Тайнаго Совѣта, составленнымъ А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ. Манифестъ поручаетъ проектируемому учрежденію „подъ единственнымъ нашимъ руководствомъ и повелѣніями, о всемъ томъ свѣдѣніе и попеченіе имѣть, что къ безопасности и благополучію Нашихъ государствъ, Нашей и Нашей Имперіи славѣ принадлежитъ и принадлежать можетъ“ [4]). Въ столь широкую формулу можетъ быть вложено любое содержаніе — и внѣшняя политика, и дѣла военныя, и финансы, и внутреннее управленіе и т. д. Единственное назначеніе Конференціи „трудиться надъ составленіемъ... генеральнаго... плана“, чтобы сократить силы и значеніе короля прусскаго. Проектъ манифеста опредѣляетъ порядокъ сношеній Тайнаго Военнаго Совѣта съ высшими государственными учрежденіями и силу его опредѣленій: „объявляемъ, хощемъ и повелѣваемъ, чтобы по опредѣленіямъ сего нашего Тайнаго военнаго совѣта неотмѣнно исполняемо и поступаемо было, предписывая симъ, что помянутый Нашъ Тайный военный совѣтъ о потребномъ сноситься имѣетъ съ Нашимъ Синодомъ и Сенатомъ вѣдѣніями, по которымъ однакоже сіи мѣста тѣмъ не меньше скорое и немедленное исполненіе чинить должны, а во всѣ прочія мѣста безъ изъятія и къ каждому, кто бы какого чина и званія ни

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же.
[4]) Архивъ кн. Волконскаго, кн. III, стр. 356-367. Прѣсняковъ, цитир. соч., стр. 24-25.

былъ, Нашими указами"[1]). Такимъ образомъ, всѣ учрежденія ставятся въ полное подчиненіе Совѣту и только Синодъ и Сенатъ оказываются какъ бы на равной ногѣ съ нимъ, но и тутъ сейчасъ же оговоркой о необходимости „тѣмъ не меньше скорое и немедленное исполненіе чинить" — это видимое равенство уничтожается. Протоколъ порядка сношеній и взаимоотношеній съ учрежденіями не затрагиваетъ. Но, просматривая дальнѣйшіе протоколы, увидимъ, что Конференція сносится съ Сенатомъ, Коллегіей Иностранныхъ дѣлъ и др. учрежденіями экстрактами изъ протоколовъ. Такимъ образомъ, видно, что А. П. Бестужевъ-Рюминъ своей цѣли не достигъ. Елизавета твердо осталась на занятой съ первыхъ дней царствованія позиціи и не захотѣла подъ видомъ Тайнаго Военнаго Совѣта или Конференціи учредить скрытый Кабинетъ Министровъ. Учрежденная Конференція получила узкое назначеніе по вопросамъ внѣшней политики и то не по всѣмъ, а лишь тѣсно связаннымъ съ „сокращеніемъ силъ короля прусскаго".

Въ тотъ же день, 14 марта, Конференція заслушала предложенія императрицы по основному вопросу ея назначенія, формулированныя въ 5 пунктахъ[2]).

На слѣдующій день, 15 марта, Конференція имѣла два засѣданія. Въ первомъ Конференція намѣтила ближайшія мѣропріятія — привлечь къ союзу противъ Пруссіи Вѣну, „приласкать" Францію, дабы она спокойно смотрѣла на предстоящее „сокращеніе силъ короля прусскаго", исподволь подготовить Польшу къ пропуску русскихъ войскъ черезъ ея территорію и принять мѣры, чтобы удержать въ нейтралитетѣ Турцію и Швецію. Для исполненія всѣхъ этихъ намѣреній намѣчены ближайшіе шаги: переформированіе драгунскихъ полковъ въ новые кирасирскіе и гренадерскіе, введеніе вновь изобрѣтенныхъ гаубицъ, новая дислокація войскъ на случай возможности начать военныя дѣйствія; назначеніе новаго посла въ Вѣну, предложеніе Вѣнѣ союза противъ Пруссіи, каковой союзъ даетъ ей удобный случай вернуть отнятую у нея Силезію, сообщеніе Вѣнѣ о готовности для боевыхъ операцій 80-тысячной арміи; предписаніе всѣмъ посланникамъ особо благожелательныхъ отношеній къ Франціи; обѣщаніе Польшѣ въ видѣ компенсаціи за пропускъ войскъ всей завоеванной Пруссіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ Конференція установила непосредственные интересы Россіи во всей этой операціи: обезвредить для Россіи Пруссію, ослабивъ ея военную мощь и значеніе; усиливъ Австрію возвращеніемъ ей Силезіи, тѣмъ самымъ сдѣлать союзъ съ ней противъ Турціи болѣе дѣйствительнымъ; наконецъ, получивъ отъ Польши, въ обмѣнъ

---

[1]) Архивъ кн. Волконск. III, стр. 356-357. Прѣсняковъ, стр. 24-25.
[2]) Сборн. Имп. Русск. Истор. О-ва, т. 136 стр. 3-5. Протоколъ № 3.

на завоеванную Пруссію, Курляндію и часть польской территоріи, соединить въ своихъ рукахъ всю торговлю Балтійскаго моря съ Чернымъ и такимъ образомъ сосредоточить у себя всю левантійскую торговлю[1]). Въ другомъ засѣданіи намѣчены кандидаты въ послы[2]).

Послѣ этого засѣданія Конференціи слѣдуютъ регулярно и Конференція переходитъ къ дѣловой работѣ по осуществленію намѣченныхъ плановъ.

Дальнѣйшее изученіе дѣятельности и значенія Конференціи приходится разбить на двѣ части: сначала изучить ее по протоколамъ ея засѣданій за первый годъ ея существованія, изданнымъ въ Сборникѣ Имп. Русскаго Историч. Общества т. 136, а затѣмъ намѣтить дальнѣйшій путь ея изученія, опираясь лишь на тѣ матеріалы, которые опубликованы въ различныхъ работахъ, затрагивающихъ вопросъ о Конференціи.

Судя по протоколамъ за первый годъ существованія Конференціи, ея работа шла слѣдующимъ образомъ: собираясь дважды въ недѣлю, Конференція знакомилась съ текущими дѣлами, реляціями пословъ, докладами лицъ, получившихъ отъ нея порученія, выслушивала повелѣнія и предложенія императрицы, часть дѣлъ рѣшала сама, направляя ихъ для исполненія по принадлежности, часть дѣлъ представляла въ видѣ всеподданнѣйшихъ докладовъ или „записокъ въ докладъ Ея Императорскому Величеству“ на рѣшеніе императрицѣ. Иногда Елизавета лично присутствовала въ засѣданіяхъ Конференціи, что происходило въ случаяхъ рѣшенія вопросовъ чрезвычайной важности, причемъ тутъ же бывали объявляемы высочайшія повелѣнія по возбужденнымъ вопросамъ. За первый годъ существованія, съ 14 марта 1756 года по 13 марта 1757 года включительно, Конференція имѣла 104 засѣданія. Императрица присутствовала на 7 изъ нихъ. Въ засѣданіи первомъ, 14 марта, были объявлены задачи, возложенныя Императрицей на Конференцію, и выработанъ порядокъ ея дѣятельности[3]). Въ 18-мъ засѣданіи, 4 іюня, былъ заслушанъ актъ заключеннаго въ Парижѣ между Австріей и Франціей оборонительнаго союза, обсуждено создавшееся въ силу этого положеніе и заслушано согласіе императрицы на возобновленіе дипломатическихъ сношеній съ Франціей (обмѣнъ послами)[4]). Въ 24-мъ засѣданіи, 9 іюля, утвержденъ принятый Конференціей планъ „къ сокращенію силъ короля прусскаго“[5]). Въ 34-мъ засѣданіи, 28 августа, заслушаны высочайшія повелѣнія о наборѣ рекрутъ для арміи, флота и

[1]) Сборникъ Имп. Русск. Истор. Общ. т. 136 стр. 31-34, протоколъ № 12.
[2]) Тамъ же, стр. 35-36, протоколъ № 13.
[3]) Сборникъ Имп. Русск. Ист. Общ. т. 136 стр. 1-3, №№ 1-2.
[4]) Тамъ же, стр. 124-133, № 42.
[5]) Тамъ же, стр. 155-159, № 52.

артиллеріи, о наборѣ лошадей, о командировкѣ въ Малороссію гетмана и рѣшеніе атаковать Пруссію въ случаѣ ея нападенія на Австрію[1]). Въ 43-мъ засѣданіи, 26 сентября, заслушаны высочайшія повелѣнія объ увеличеніи числа рекрутовъ, уплатѣ Саксоніи за пріобрѣтенное у нее въ 1736 году оружіе, кандидатѣ на польскій престолъ въ случаѣ смерти короля польскаго, порученіи формированія запаснаго корпуса гр. П. И. Шувалову, вербовкѣ людей въ Лифляндіи, Эстляндіи, Финляндіи и Малороссіи, по вопросу о переводѣ денщиковъ въ строй и переформированіи драгунскаго слободскаго полка въ гусарскій[2]). Въ 47-мъ засѣданіи, 5 октября, установленъ порядокъ сношеній Конференціи съ высшими учрежденіями и лицами[3]). Въ 72-мъ засѣданіи, 11 декабря, рѣшено присоединеніе Россіи къ Версальскому трактату между Австріей и Франціей[4]). Такимъ образомъ, въ присутствіи императрицы рѣшены дѣла по вопросамъ, связаннымъ съ дѣятельностью Конференціи (засѣданія 1 и 47), вопросы внѣшней политики, связанные съ планомъ „сокращенія силъ короля прусскаго“ (засѣданія 18, 43 и 72), и вопросы военнаго характера, связанные съ осуществленіемъ этого плана (засѣданія 24, 34 и 43).

За тотъ же періодъ времени представлены императрицѣ 32 доклада, изъ нихъ 15 *всеподданнѣйшихъ докладовъ* и 17 *„записокъ Ея Величеству въ докладъ“*. По содержанію эти доклады затрагиваютъ вопросы: „планъ къ сокращенію силъ короля прусскаго“, выработанный Конференціей[5]); по вопросамъ дипломатическимъ, связаннымъ съ осуществленіемъ названнаго плана — о привлеченіи Саксоніи къ союзу противъ Пруссіи[6]), о возстановленіи дипломатическихъ сношеній съ Франціей и назначеніи туда посломъ гр. М. П. Бестужева-Рюмина[7]), а также о размѣрѣ жалованія послѣднему[8]); объ отказѣ императрицы отъ предложенія, сдѣланнаго ей Англіей, принять на себя посредничество для заключенія мира между Пруссіей и Австріей[9]), о назначеніи резидентовъ[10]) и о посылкѣ отвѣтной грамоты королевѣ Австрійской съ командированнымъ въ австрійскую армію ген. Чернышевымъ[11]); по вопросамъ о подготовкѣ войны съ Пруссіей — о командировкѣ штабъ-офицера агентомъ въ Польшу

---

1) Тамъ же, стр. 202-210, №№ 70-71.
2) Тамъ же, стр. 257-258, № 93.
3) Тамъ же, стр. 308-330, № 108.
4) Тамъ же, стр. 468-477, № 190.
5) Тамъ же, стр. 39-41, № 15.
6) Тамъ же, стр. 140-143, № 48.
7) Тамъ же, стр. 163-169, № 57.
8) Тамъ же, стр. 170-182, № 60.
9) Тамъ же, стр. 372-380, № 139.
10) Тамъ же, стр. 381-391, № 144.
11) Тамъ же, стр. 602-615, № 254.

для поддержки русской партіи и подготовки общественнаго мнѣнія къ проходу русскихъ войскъ черезъ Польшу[1]), о новой дислокаціи войскъ, чтобы въ любой моментъ можно было начать военныя дѣйствія[2]), о выполненіи этой дислокаціи[3]), представленіе о назначеніи главнокомандующимъ фельдмаршала С. Ф. Апраксина и другихъ назначеніяхъ[4]), о производствѣ набора въ Малороссіи въ денщики съ тѣмъ, чтобы денщиковъ перевести въ строй[5]), о пріемѣ въ русскую службу ген. Сибильскаго, котораго сманиваетъ къ себѣ на службу Пруссія[6]), объ утвержденіи новыхъ штатовъ артиллеріи[7]), о назначеніи флагмановъ флота[8]), представленіе о назначеніи оберъ-кригсъ-комиссара[9]), о назначеніи лейбъ-гвардіи офицеровъ на должности въ новомъ обсерваціонномъ корпусѣ[10]), о пополненіи младшими офицерами флота[11]), о назначеніяхъ и переводахъ въ дѣйствующую армію[12]), о наградахъ[13]), объ изготовленіи орудій новыхъ типовъ[14]), о пріемѣ въ русскую армію полковника саксонской службы Билау[15]), о снятіи солдатъ съ работъ и караульной службы для занятій, дабы повысить боеспособность арміи[16]), о порядкѣ укомплектованія полковъ штабъ-офицерами[17]); по вопросамъ, связаннымъ съ войной — объ утвержденіи наслѣдникомъ Калмыцкаго хана его сына[18]), о проектѣ гр. П. И. Шувалова съ мѣдной монетой[19]) и ходатайство объ утвержденіи этого проекта, такъ какъ иначе придется сократить расходы въ текущемъ году или истратить теперь часть доходовъ будущаго года[20]); наконецъ, о чинахъ и размѣрѣ жалованія чинамъ канцеляріи Конференціи[21]).

Въ дальнѣйшемъ Конференція обсуждала вопросы, связанные съ выполненіемъ намѣченнаго ею плана, а именно: о

---

[1]) Тамъ же, стр. 46-48, № 19.
[2]) Тамъ же, стр. 66-82, № 25.
[3]) Тамъ же, стр. 190-191, № 66.
[4]) Тамъ же, стр. 225-230, № 81 и стр. 348-355, № 125.
[5]) Тамъ же, стр. 348-355, № 126.
[6]) Тамъ же, стр. 363-365, № 134.
[7]) Тамъ же, стр. 438-446, № 168 и стр. 489-495, № 201.
[8]) Тамъ же, стр. 447-451, № 173 и стр. 524-535, № 222.
[9]) Тамъ же, стр. 454-455, № 177.
[10]) Тамъ же, стр. 539-541, № 229.
[11]) Тамъ же, стр. 548, № 234.
[12]) Тамъ же, стр. 550-558, № 236.
[13]) Тамъ же, стр. 584-588, № 242 и стр. 602-615, № 252.
[14]) Тамъ же, стр. 584-588, № 244.
[15]) Тамъ же, стр. 592-594, № 248.
[16]) Тамъ же, стр. 616-619, № 261.
[17]) Тамъ же, стр. 620-625, № 262.
[18]) Тамъ же, стр. 620-625, № 264.
[19]) Тамъ же, стр. 513-521, № 216.
[20]) Тамъ же, стр. 616-619, № 260.
[21]) Тамъ же, стр. 163-169, № 56.

подготовкѣ союза съ Австріей противъ Пруссіи, привлеченіи къ этому союзу Саксоніи и убѣжденіе поляковъ принять участіе въ войнѣ [1]); возстановленіе дипломатическихъ сношеній съ Франціей и присоединеніе къ Версальскому трактату [2]); мѣропріятія по поводу удержанія Швеціи въ нейтралитетѣ [3]); удержаніе Турціи въ нейтралитетѣ [4]); проходъ русскихъ войскъ черезъ территорію Польши [5]); отношенія съ Англіей — отказъ отъ субсидіи и разрывъ „субсиднаго трактата", отказъ отъ „медіаціи" между Пруссіей и Австріей, заключеніе „коммерцъ-трактата", отношенія къ Пруссіи и проч. [6]); о кандидатѣ на польскій престолъ, въ случаѣ смерти короля польскаго [7]); общія указанія посламъ и резидентамъ [8]); мѣропріятія по подготовкѣ военныхъ дѣйствій [9]); формированіе и снаряженіе войскъ [10]); нарядъ инородческихъ войскъ [11]); назначенія, переводы, награды [12]); заготовка фуража и провіанта [13]); мобилизаціонные вопросы [14]); дислокація войскъ [15]); передвиженіе войскъ [16]); развѣдка [17]); готовность флота къ перевозкѣ войскъ и боевымъ операціямъ [18]); ассигновка денегъ и изысканіе средствъ [19]) и прочіе соприкасающіеся вопросы.

Конференція рѣшала всѣ эти вопросы, намѣчала необходимыя мѣропріятія, а исполненіе ихъ возлагала на существующія государственныя учрежденія по принадлежности, о чемъ и поступали въ нихъ соотвѣтствующія извѣщенія. За первый годъ существованія изъ Конференціи были направлены бумаги: въ

---

[1]) Тамъ же, №№ 34, 42, 48, 51, 52, 53, 61, 68, 87, 91, 109, 195, 215, 239.
[2]) Тамъ же, №№ 61, 68, 123, 191, 196, 230.
[3]) Тамъ же, №№ 49, 164, 169.
[4]) Тамъ же, №№ 62, 68, 86, 158, 250.
[5]) Тамъ же, №№ 68, 73, 97, 136, 137, 209.
[6]) Тамъ же, №№ 35, 45, 46, 55, 63, 73, 83, 96, 156, 278.
[7]) Тамъ же, №№ 87, 93, 203.
[8]) Тамъ же, №№ 21, 28, 45, 59, 93, 127, 142, 155, 157, 161, 189, 196.
[9]) Тамъ же, №№ 25, 27, 33, 36, 58, 85, 88, 93, 94, 109, 115, 119, 143, 144.
[10]) Тамъ же, №№ 21, 93, 131, 168, 176, 212.
[11]) Тамъ же, №№ 25, 30, 38, 69, 72, 237, 251.
[12]) Тамъ же, №№ 23, 35, 40, 80, 84, 89, 93, 109, 113, 120, 122, 124, 128, 130, 145, 146, 155, 162, 184, 190, 197, 208, 221, 222, 230, 255, 256, 259, 265, 266, 267, 271, 272, 274, 279, 281.
[13]) Тамъ же, №№ 33, 37, 38, 54.
[14]) Тамъ же, №№ 30, 38, 69, 70, 72, 77, 93, 124, 156, 181, 194, 246, 248.
[15]) Тамъ же, №№ 25, 235, 237.
[16]) Тамъ же, №№ 25, 29, 30, 37, 38, 52, 69, 72, 183, 225, 235, 237, 251.
[17]) Тамъ же, №№ 35, 79.
[18]) Тамъ же, №№ 25, 29, 36, 38, 52, 67, 69, 109, 147, 174, 276.
[19]) Тамъ же, №№ 22, 27, 54, 60, 68, 70, 71, 78, 79, 83, 87, 109, 120, 129, 145, 147, 149, 155, 157, 162, 193, 197, 208, 213, 221, 239, 256, 259, 267, 271, 272, 277.

Правительствующій Сенатъ 78 бумагъ по вопросамъ: о переводахъ, назначеніяхъ, наградахъ [1]); связаннымъ съ мобилизаціей [2]); о формированіяхъ и снаряженіи [3]); заготовкѣ фуража и провіанта [4]); передвиженіи войскъ [5]); объ отпускѣ въ связи съ войной хлѣба заграницу [6]); поѣздкѣ гетмана въ Малороссію [7]); о шпіонажѣ [8]); о выходѣ албанцевъ изъ предѣловъ Турціи въ Россію [9]); о прекращеніи постройки крѣпости св. Елизаветы [10]); о предоставленіи убѣжища князю Радзивиллу [11]); объ операціи съ мѣдью гр. П. И. Шувалова [12]) и проч. Кромѣ того, Сенатъ получалъ постоянныя требованія на израсходованіе денегъ. Прежде всего на расходы военные, которые быстро растутъ съ начала военныхъ операцій. Постоянно поступаютъ требованія на иностранную монету и золото для отправки въ походный комиссаріатъ экспедиціоннаго корпуса [13]). Затѣмъ — на расходы, связанные съ войной: изготовленіе картъ [14]), сманиванье дезертировъ [15]), производство развѣдки [16]), удовлетвореніе частныхъ претензій лицъ, пострадавшихъ отъ военныхъ дѣйствій [17]). Расходы на заготовку фуража и провіанта [18]). Единовременныя выдачи посламъ и чинамъ посольствъ [19]). На изготовленіе церкви для посольства въ Парижъ [20]). Жалованіе чинамъ канцеляріи Конференціи, чинамъ посольствъ и др. [21]). Пособія и награды различнымъ лицамъ [22]). Въ распоряженіе Конференціи на экстренные расходы [23]). Въ распоряженіе Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ на особые расходы, именно послу при Саксонскомъ дворѣ Гроссу на чрезвычайные расходы въ связи съ переѣздомъ

---

[1]) Тамъ же, №№ 23, 40, 84, 89, 93, 94, 109, 120, 122, 128, 130, 155, 162, 193, 208, 221, 222, 259, 266, 271, 272, 274.
[2]) Тамъ же, №№ 30, 38, 69, 70, 72, 77, 93, 124, 156, 181, 194, 246, 248.
[3]) Тамъ же, №№ 21, 93, 100, 131, 168, 178, 212.
[4]) Тамъ же, №№ 33, 37, 38, 54.
[5]) Тамъ же, №№ 25, 30.
[6]) Тамъ же, №№ 88, 91, 164, 176.
[7]) Тамъ же, №№ 82, 156.
[8]) Тамъ же, № 207.
[9]) Тамъ же, № 23.
[10]) Тамъ же, № 14.
[11]) Тамъ же, № 227.
[12]) Тамъ же, №№ 98, 114.
[13]) Тамъ же, №№ 68, 70, 78, 109, 239, 277.
[14]) Тамъ же, № 22.
[15]) Тамъ же, № 27.
[16]) Тамъ же, № 79.
[17]) Тамъ же, № 129.
[18]) Тамъ же, №№ 54, 147.
[19]) Тамъ же, №№ 83, 145, 155, 197, 267.
[20]) Тамъ же, № 60.
[21]) Тамъ же, №№ 60, 213, 221, 251, 259, 271, 272.
[22]) Тамъ же, №№ 71, 120, 155, 203.
[23]) Тамъ же, № 162.

короля въ Польшу [1]), въ подарокъ принцессѣ кур-саксонской вмѣсто покупки ея цѣнныхъ вещей [2]), въ подарокъ королевѣ польской [3]), пособіе въ домъ умершаго датскаго посла Мальцана [4]). При этомъ Конференція только предъявляла требованіе на расходы, а деньги должны были направляться въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, Военную Коллегію, Адмиралтейскую и т. д. по принадлежности, кромѣ тѣхъ денегъ, которыя выписывались Конференціей въ свое распоряженіе.

Въ *Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ* отправлено 109 бумагъ: указанія и наставленія посламъ и резидентамъ по общимъ вопросамъ и особенно въ связи съ создавшимся положеніемъ [5]). Въ виду возникшаго намѣренія „сократить силы короля прусскаго" необходимо было, согласно принятаго плана, убѣдить Вѣну согласиться на выступленіе противъ Пруссіи. Вѣна, находившаяся подъ угрозой удара со стороны Пруссіи, заключила союзъ съ Франціей. Необходимо было войти въ соглашеніе и съ Франціей, т. е. приходилось перемѣнить все направленіе политики и вмѣсто существовавшаго согласованія дѣятельности съ Англіей, перейти къ соглашенію съ Австріей и Франціей. Между тѣмъ, съ Англіей былъ заключенъ трактатъ, по которому за опредѣленную субсидію Россія должна была выставить корпусъ войскъ въ случаѣ нападенія какой либо державы на англійскія владѣнія на материкѣ, на Ганноверъ. Россія предпочитала трактовать это соглашеніе какъ направленное противъ аггресивной политики Пруссіи, Англія была бы готова требовать выступленія русскаго корпуса и противъ Франціи. Урегулированію этого вопроса посвящено много вниманія Конференціей. Въ результатѣ заключенный трактатъ не былъ конфирмованъ, а вмѣсто того Россія присоединилась къ Версальскому трактату, заключенному между Австріей и Франціей противъ Пруссіи. Однако, отказываясь отъ конфирмаціи „субсиднаго" договора, Россія должна была сохранить дружественныя отношенія съ Англіей, что тоже занимало извѣстное мѣсто въ работѣ Конференціи. Для активнаго выступленія противъ Пруссіи русскіе войска надо было провести черезъ территорію Польши, къ чему необходимо было подготовить общественное мнѣніе Польши, получить согласіе Франціи, убѣдить Турцію, что ей это ничѣмъ не угрожаетъ и т. д. Въ то же время разгоралась внутренняя

---

[1]) Тамъ же, № 87 — 10.000 руб.

[2]) Тамъ же, № 149 — 20.000 руб. золотомъ.

[3]) Тамъ же, № 157 — 100.000 руб. имперіалами и полуимперіалами.

[4]) Тамъ же, № 193 — 3.000 руб.

[5]) Тамъ же, №№ 17, 20, 21, 28, 34, 35, 42, 45, 46, 48, 49, 51, 52, 53, 55, 59, 61, 62, 63, 68, 73, 83, 86, 87, 89, 91, 93, 97, 109, 123, 136, 137, 142, 143, 144, 149, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 164, 167, 169, 170, 171, 172, 185, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 195, 196, 198, 202, 203, 204, 205, 206, 209, 215, 227, 230, 231, 239, 240, 248, 250, 263, 268, 278.

борьба между королемъ и государственнымъ совѣтомъ въ Швецiи, что отчасти ослабляло опасность вмѣшательства Швецiи, однако, надо было внимательно слѣдить за конфликтомъ и вообще за дѣятельностью Швецiи и также постараться вовлечь ее въ коалицiю противъ Пруссiи. Начавшаяся война Пруссiи противъ Австрiи и разгромъ Саксонiи поставилъ новыя задачи передъ Конференцiей — ускорить военныя дѣйствiя и облегчить положенiе Саксонiи. Тяжелое положенiе короля саксонскаго позволило Конференцiи предпринять шаги къ тому, чтобы попытаться побудить Польшу объявить Пруссiи войну.

Всѣ перечисленные вопросы разрабатываются Конференцiей, причемъ самыя предписанiя посламъ, не говоря уже о нотахъ, договорахъ, трактатахъ (присоединенiе къ Версальскому договору), текстуально разрабатываются въ Конференцiи и уже въ готовомъ видѣ отправляются Коллегiи Иностранныхъ Дѣлъ. Однако, сама Конференцiя ни съ кѣмъ изъ пословъ и резидентовъ русскихъ и тѣмъ болѣе аккредитованныхъ иностранныхъ при Русскомъ дворѣ въ сношенiя не вступаетъ. Официальнымъ органомъ, съ которымъ сносятся какъ наши послы за-границей, такъ и иностранные въ Россiи, является Коллегiя. Нельзя также считать, что Коллегiя является просто ширмой для Конференцiи или ея канцелярiей. Конференцiя часто, разсмотрѣвъ дѣло или релящiю посла, отправляетъ ее въ Коллегiю съ постановленiемъ — Коллегiи отвѣтить [1]). Иногда, сообщая сущность необходимаго къ отправленiю кому либо сношенiя, Конференцiя добавляетъ: „Коллегiи дополнить краткость“ [2]). Наконецъ, въ нѣкоторыхъ вопросахъ Конференцiя требовала отъ Коллегiи сообщенiя ея мнѣнiя, какъ, напримѣръ, въ вопросѣ о заключаемомъ съ Англiей коммерцъ-трактатѣ [3]).

Остальныя дѣла, направленныя въ Коллегiю Иностранныхъ Дѣлъ изъ Конференцiи, касались: назначенiй и переводовъ лицъ дипломатическаго корпуса и другихъ, состоявшихъ въ вѣдѣнiи Коллегiи [4]), наряда инородческихъ войскъ въ дѣйствующую армiю, такъ какъ инородцы состояли въ вѣдѣнiи Коллегiи [5]), и, наконецъ, ряда мѣръ по подготовкѣ войны [6]).

Военная Коллегiя получила 40 бумагъ. Онѣ касаются: формированiй [7]), обмундированiя и снаряженiя [8]), развѣдки [9]),

---

[1]) Тамъ же, № 91 пунктъ 3, № 195.
[2]) Тамъ же, № 73
[3]) Тамъ же, № 127.
[4]) Тамъ же, №№ 35, 146, 190, 197, 221, 230, 256, 259, 265, 257, 272.
[5]) Тамъ же, №№ 25, 30, 38, 69, 72, 237, 251.
[6]) Тамъ же, №№ 18, 25, 27, 33, 35, 58, 73, 85, 87, 88, 93, 94, 109, 115, 119, 143, 144, 154, 157, 167, 172, 188, 198, 209, 239.
[7]) Тамъ же, №№ 80, 100, 163, 226.
[8]) Тамъ же, № 61.
[9]) Тамъ же, № 79.

вопросовъ мобилизаціоннаго характера [1]), дислокаціи войскъ и перегруппировки частей [2]), заготовки провіанта и фуража [3]), назначеній и производствъ по арміи [4]).

Адмиралтействъ-Коллегія получила 13 бумагъ: о перевозкѣ моремъ войскъ [5]), о боевой готовности флота [6]), объ увеличеніи числа пакетботовъ [7]) и объ операціяхъ [8]).

Кромѣ того, были направлены бумаги въ слѣдующія учрежденія:

Въ Святѣйшій Синодъ: о передачѣ въ войска пригоднаго оружія, хранящагося въ монастыряхъ [9]) и объ изготовленіи церкви для отправляемаго во Францію посольства [10]).

Въ Штатсъ-Контору — о жалованьи чинамъ канцеляріи Конференціи [11]) и о выдачѣ денегъ въ распоряженіе Конференціи [12]).

Въ Монетную Канцелярію — объ отпускѣ денегъ гр. П. И. Шувалову на формированіе обсерваціоннаго корпуса и о расходованіи опредѣленной суммы по распоряженію Конференціи [13]) и объ отпускѣ гр. П. И. Шувалову денегъ на снабженіе вновь формируемаго корпуса артиллеріей [14]).

Въ Главный Кригсъ-Комиссаріатъ — объ исполненіи требованій главнокомандующаго С. Ф. Апраксина [15]), разрѣшеніе сдать подряды безъ троекратной публикаціи и по „штатскимъ“ цѣнамъ [16]), разрѣшеніе расходовать на армію всякія имѣющіяся на лицо деньги [17]) и объ окраскѣ сукна для выдачи на обмундированіе башкирамъ [18]).

Въ Главную Провіантскую Канцелярію — объ исполненіи требованій главнокомандующаго С. Ф. Апраксина [19]).

Въ Генеральный Почтамтъ — о назначеніи чиновника для шифрованія въ распоряженіе С. Ф. Апраксина [20]).

---

[1]) Тамъ же, №№ 27, 30, 38, 52, 70, 72, 181, 262.
[2]) Тамъ же, №№ 25, 29, 37, 38, 52, 69, 72, 183, 225, 235, 237, 251.
[3]) Тамъ же, №№ 33, 37, 54, 58.
[4]) Тамъ же, №№ 80, 113, 124, 174, 184, 255, 256, 266, 273, 274, 279, 281.
[5]) Тамъ же, №№ 25, 29, 67, 69, 147, 174, 276.
[6]) Тамъ же, №№ 38, 52, 109, 233.
[7]) Тамъ же, № 36.
[8]) Тамъ же, № 65.
[9]) Тамъ же, № 166.
[10]) Тамъ же, № 265.
[11]) Тамъ же, № 21[illegible].
[12]) Тамъ же, № 280.
[13]) Тамъ же, № 121.
[14]) Тамъ же, № 228.
[15]) Тамъ же, № 109.
[16]) Тамъ же, № 131.
[17]) Тамъ же, № 148.
[18]) Тамъ же, № 237.
[19]) Тамъ же, № 109.
[20]) Тамъ же, № 119.

Въ Академію Наукъ — о цензурѣ военныхъ извѣстій [1]) и о напечатаніи манифеста для оккупированныхъ мѣстностей [2]).

Въ Ямской приказъ — о дежурствѣ лошадей для курьеровъ Конференціи [3]).

Губернаторамъ: Рижскому, Ревельскому, Новгородскому, Смоленскому и Кіевскому — объ исполненіи требованій С. Ф. Апраксина [4]).

Полковымъ канцеляріямъ — лейбъ-гвардіи Коннаго полка о передачѣ 300 лошадей во вновь сформированные кирасирскіе полки [5]) и лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка о командировкѣ офицера.

Этими учрежденіями и ограничивался кругъ непосредственныхъ сношеній Конференціи. Конференція непосредственно сносилась съ Правительствующимъ Сенатомъ, какъ высшимъ государственнымъ учрежденіемъ; съ коллегіями — Иностранныхъ Дѣлъ, Военной и Адмиралтейской, какъ съ высшими центральными учрежденіями. Сношеній съ Святѣйшимъ Синодомъ было всего два по частнымъ вопросамъ, связаннымъ съ прямой дѣятельностью Конференціи, равно какъ и съ другими учрежденіями Штатсъ-конторой, Монетной канцеляріей, Главнымъ Кригсъ-Комиссаріатомъ, Главной Провіантской канцеляріей, Генеральнымъ Почтамтомъ, Академіей Наукъ, Ямскимъ приказомъ, Губернаторами пограничныхъ губерній и полковыми канцеляріями также по вопросамъ случайнымъ и иногда не терпящимъ отлагательства.

Изъ отдѣльныхъ должностныхъ лицъ Конференція писала:

Главнокомандующему С. Ф. Апраксину — по вопросамъ, связаннымъ съ ввѣренной ему арміей: объ отсутствіи препятствій къ вводу войскъ въ Курляндію [6]), о курсѣ рубля за границей [7]), о размѣрѣ пособія фуражирамъ [8]), о цифрахъ для переписки [9]), о составѣ конницы [10]), о заготовкѣ провіанта [11]), о жалованіи и расходахъ [12]); съ своей стороны главнокомандующій присылаетъ реляціи и получаетъ на нихъ отвѣты, а также указанія о желательномъ направленіи хода военныхъ дѣйствій,

---

[1]) Тамъ же, № 99.
[2]) Тамъ же, № 210.
[3]) Тамъ же, № 214.
[4]) Тамъ же, № 109.
[5]) Тамъ же, № 133.
[6]) Тамъ же, № 94.
[7]) Тамъ же, № 115.
[8]) Тамъ же, № 116.
[9]) Тамъ же, № 119.
[10]) Тамъ же, № 110.
[11]) Тамъ же, №№ 154, 167, 239, 270.
[12]) Тамъ же, №№ 269, 277.

которыя иногда разворачиваются въ цѣлыя диспозиціи [1]); вмѣстѣ съ тѣмъ Конференція постоянно держитъ его въ курсѣ дипломатическихъ сношеній и даетъ иногда порученія дипломатическаго характера [2]); по поводу прохода войскъ черезъ Польшу [3]); о назначеніяхъ и переводахъ [4]); о связи съ союзниками [5]); наконецъ, о данномъ ему императрицей разрѣшеніи на принятіе иностраннаго ордена [6]).

Генералъ-фельдцейхмейстеру гр. П. И. Шувалову — по вопросамъ, входящимъ въ его компетенцію: о новыхъ изобрѣтенныхъ имъ гаубицахъ [7]), о разрѣшеніи продать излишекъ стараго пороха[8]), объ изъятіи пригоднаго оружія изъ монастырей[9]), о новыхъ штатахъ артиллеріи[10]), объ изготовленіи новыхъ орудій[11]), и по поводу спеціально данныхъ ему порученій: по вопросамъ, связаннымъ съ формированіемъ резервнаго (обсерваціоннаго) корпуса[12]), по поводу переводовъ и назначеній въ этотъ корпусъ[13]) и о порученной ему операціи съ мѣдью[14]).

Малороссійскому Гетману — объ исполненіи требованій главнокомандующаго С. Ф. Апраксина[15]), о необходимости ему лично пребывать въ Малороссіи для удержанія запорожцевъ отъ набѣговъ на Турцію и наблюденія, чтобы не было сношеній съ Пруссіею[16]), и о снабженіи солдатъ компанейскаго полка каждаго двумя лошадьми[17]).

Генералу-адъютанту *А. Б. Бутурлину* — въ связи съ порученнымъ гр. П. И. Шувалову формированіемъ обсерваціоннаго корпуса, о командированіи въ его распоряженіе офицеровъ и солдатъ изъ полковъ лейбъ-гвардіи[18]).

Генералу *Ливену* — о разрѣшеніи императрицей ему принять иностранный орденъ[19]).

---

[1]) Тамъ же, №№ 174, 181, 183, 194, 219, 225, 233, 236, 237, 238, 240, 241, 248, 251, 268.

[2]) Тамъ же, №№ 138, 143, 144, 156, 170, 176, 179, 187, 207, 219, 224, 227, 240, 253, 263, 275.

[3]) Тамъ же, №№ 152, 209, 250.

[4]) Тамъ же, №№ 128, 145, 208, 220, 236, 255, 271, 273, 274.

[5]) Тамъ же, №№ 169, 239, 253.

[6]) Тамъ же, № 190.

[7]) Тамъ же, №№ 47, 94.

[8]) Тамъ же, № 50.

[9]) Тамъ же, № 168.

[10]) Тамъ же, № 212.

[11]) Тамъ же, №№ 244, 276.

[12]) Тамъ же, №№ 93, 100, 114, 121, 131, 163, 178, 200, 226, 228, 245, 257, 258, 262, 266, 279, 281.

[13]) Тамъ же, №№ 255, 274, 279, 281.

[14]) Тамъ же, №№ 98, 114.

[15]) Тамъ же, № 109.

[16]) Тамъ же, № 156.

[17]) Тамъ же, № 174.

[18]) Тамъ же, № 100.

[19]) Тамъ же, № 190.

Князю *М. Волконскому* — о назначеніи его посломъ въ Польшу [1]).

Князю *Юсупову* — о выпускѣ произведенныхъ офицеровъ во вновь формируемый корпусъ [2]).

Всѣ эти сношенія также касаются лишь вопросовъ, тѣсно соприкасающихся съ порученнымъ Конференціи дѣломъ.

Такимъ образомъ, мы можемъ утверждать, что по существу вопросовъ, разрабатывавшихся Конференціей въ теченіе перваго года ея существованія, она не вышла изъ круга, ей назначеннаго. Нѣкоторыя сомнѣнія можетъ вызывать лишь операція съ мѣдью, порученная гр. П. И. Шувалову, но и она имѣетъ тѣсную связь съ „сокращеніемъ силъ короля прусскаго", такъ какъ производилась съ исключительной цѣлью на доходъ отъ нея содержать обсерваціонный корпусъ, который формировался гр. П. И. Шуваловымъ же спеціально для предполагавшейся войны съ Пруссіей.

Что касается формы сношеній Конференціи съ различными учрежденіями, то до 5 октября 1756 года никакихъ нормъ для нихъ установлено не было, а на практикѣ Конференція сносилась экстрактами изъ своихъ протоколовъ. Первое сношеніе, вышедшее изъ Конференціи, было въ Правительствующій Сенатъ по вопросу о постройкѣ крѣпости Св. Елизаветы въ Новой Сербіи, который былъ разрѣшенъ Конференціей въ связи съ намѣченнымъ ею планомъ „сокращенія силъ короля прусскаго" въ томъ смыслѣ, что „строеніе помянутой крѣпости до усмотрѣнія впредь не производить и о томъ въ Правительствующій Сенатъ для исполненія экстрактомъ сообщить, какъ то симъ и чинится" [3]). Такой же экстрактъ тогда же былъ направленъ и въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ [4]). Въ дальнѣйшемъ, очевидно, по инерціи сношенія продолжали итти экстрактами или копіями протоколовъ. Въ протоколахъ Конференціи находятся такія записи: „сообщить въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ экстрактомъ изъ сего протокола слѣдующаго содержанія... и понеже все сіе до Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ принадлежитъ то оной симъ экстрактомъ ко исполненію и сообщается" [5]), „для исполненія сообщить въ Правительствующій Сенатъ экстрактомъ же изъ сего протокола слѣдующаго содержанія... и понеже сей Высочайшій Ея Императорскаго Величества Именной указъ принадлежитъ до Правительствующаго Сената, то для исполненія по оному симъ экстрактомъ и сообщается" [6]). И ниже въ томъ же протоколѣ отмѣчено, что апробованный всеподданнѣйшій докладъ

---

1) Тамъ же, № 145.
2) Тамъ же, № 266.
3) Тамъ же, стр. 41, № 16.
4) Тамъ же, стр. 42, № 17.
5) Тамъ же, стр. 51-57, № 21.
6) Тамъ же.

вторично нынѣ „для дѣйствительнаго исполненія копіей при семъ сообщается“[1]) Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Обычны слѣдующія формы: Сенату — „а для исполненія того сообщить симъ экстрактомъ, какъ то и чинится, въ Правительствующій Сенатъ“[2]), „симъ экстрактомъ ко исполненію и сообщается“[3]), „симъ экстрактомъ для того сообщается, дабы по представленіямъ и требованіямъ Военной Коллегіи въ семъ нужномъ дѣлѣ скорое удовольствительное вспоможенніе чинено было“[4]), „для исполненія симъ экстрактомъ и сообщается“[5]) дабы по сему экстракту надлежащее исполненіе и опредѣленіе учинено было“[6]), „о чемъ для дальнѣйшаго опредѣленія Правительствующему Сенату симъ экстрактомъ сообщается“[7]); Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, — „и какъ исполненіе по сему принадлежитъ до Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, то оной симъ экстрактомъ и сообщается“[8]), „для исполненія потому симъ экстрактомъ сообщается“[9]) „и какъ дѣйствительное сего исполненіе принадлежитъ до Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, то оной симъ экстрактомъ и сообщается“[10]); „для исполненія сообщается“[11]); Военной Коллегіи — „а командированіе оныхъ принадлежитъ до Военной Коллегіи, то оной симъ экстрактомъ и сообщается“[12]), „и какъ сіе принадлежитъ до Военной Коллегіи, то оной симъ экстрактомъ для исполненія и сообщается“[13]), „для исполненія сообщается“[14]). Тѣ же формулы обычны и по отношенію къ остальнымъ Коллегіямъ, учрежденіямъ и лицамъ. Приведемъ еще формулы сношеній, обращенныхъ къ гр. П. И. Шувалову — „и какъ все сіе принадлежитъ до исполненія его сіятельству генералъ-фельдцейхмейстеру и кавалеру, то для того симъ экстрактомъ сообщается“[15]), „для того симъ экстрактомъ и сообщается“[16]). Любопытна формула въ сношеніи по поводу запрещенія вывоза хлѣба изъ Курляндіи до окончанія заготовки для арміи, исполненіе чего поручено совмѣстно Военной Коллегіи и Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ пишется: „сіе нужное... опредѣленіе препоручается какъ наискорѣе исполнитъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ

---

1) Тамъ же, стр. 51-57, № 21.
2) Тамъ же, стр. 61-66, № 23.
3) Тамъ же, стр. 66-82, № 25.
4) Тамъ же, стр. 85-91, № 27.
5) Тамъ же, стр. 95-97, № 30.
6) Тамъ же, стр. 108-110, № 33.
7) Тамъ же, стр. 113-116, № 37.
8) Тамъ же, стр. 92 - 94, № 28.
9) Тамъ же, стр. 108-110, № 33.
10) Тамъ же, стр. 124-133, № 42.
11) Тамъ же, стр. 134-135, № 45.
12) Тамъ же, стр. 94 - 95, № 29.
13) Тамъ же, стр. 95 - 97, № 30.
14) Тамъ же, стр. 117-121, № 38.
15) Тамъ же, стр. 136-139, № 47.
16) Тамъ же, стр. 147-154, № 50.

общe съ Военной Коллегiей" [1]): Военной Коллегiи изъ копiи экстракта видно, что нужно сдѣлать „и потому черезъ сiе... рекомендуется токмо скорое по тому исполненiе" [2]). Наконецъ, въ случаѣ необходимости денежныхъ ассигновокъ, форма обращенiй къ Правительствующему Сенату оставалась та же. Необходимо только отмѣтить, что Конференцiя не всегда находила нужнымъ сообщить Сенату, на какой предметъ требуются деньги, а лишь сообщала, въ какое учрежденiе необходимо выдать ихъ для израсходованiя. „Для нѣкотораго нужнаго ко Всевысочайшей Ея Императорскаго Величества службѣ употребленiя потребно отпустить въ Коллегiю Иностранныхъ Дѣлъ сумму до трехъ тысячъ рублевъ, а понеже ассигнованiе оной принадлежитъ до Правительствующаго Сената, то ко исполненiю того симъ экстрактомъ Правительствующему Сенату и сообщается" [3]).

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что Конференцiя не заняла за этотъ перiодъ никакого опредѣленнаго iерархически мѣста въ строѣ государственныхъ учрежденiй Россiи и не оформилась, какъ учрежденiе. Сносилась со всѣми учрежденiями, какъ равная съ равными. Ея распоряженiя юридически не имѣли силы предписанiй, но фактически всѣ учрежденiя считали нужнымъ ихъ исполнять, ибо исходили они изъ собранiя, въ которомъ иногда присутствовала сама императрица и черезъ которое часто объявлялись ея указы и повелѣнiя.

5 октября 1756 года это положенiе было оформлено и нѣсколько измѣнено. Въ 47-мъ засѣданiи Конференцiи императрица объявила свое повелѣнiе о порядкѣ сношенiй Конференцiи съ учрежденiями, въ результатѣ чего Правительствующему Сенату былъ отправленъ слѣдующiй экстрактъ: „Ея Императорское Величество, присутствуя сегодня Высочайшей Своей особой въ Конференцiи, указать изволила, чтобъ о прiемлемыхъ въ оной резолюцiяхъ, когда оные куда ко исполненiю даваемы быть имѣютъ, писано бы изъ оной въ Правительствующiй Сенатъ и въ Сенатскую и Синодальную конторы *экстрактами изъ протокола* конференцiи, а во всѣ прочiя мѣста, куда потребно будетъ, и къ Малороссiйскому Гетману — *рескриптами*. Правительствующему Сенату о семъ Высочайшемъ Именномъ Ея Императорскаго Величества повелѣнiи, какъ для извѣстiя, такъ и для того сообщается, дабы во всѣ мѣста, куда надлежитъ, о томъ знать дано и предписано было на присылаемые экстракты изъ протокола отвѣтствовать, и о исполненiи по онымъ сообщить *такими же экстрактами*, а на рескрипты доносить и рапортовать *реляцiями* на Всевысочайшее Ея Императорскаго Величества имя, адресуя къ поданiю въ учрежденную при дворѣ

---

[1]) Тамъ же, стр. 163-169, № 58.
[2]) Тамъ же.
[3]) Тамъ же, стр. 58-59, № 22.

Ея Величества конференцію“ [1]). Этотъ указъ придалъ уже больше опредѣленности отношеніямъ Конференціи. Она и формально была поставлена теперь на равную ногу съ Сенатомъ и Синодомъ и выше въ отношеніи всѣхъ Коллегій и другихъ учрежденій. Тѣмъ не менѣе характерно, что, какъ учрежденіе, она осталась на положеніи особо довѣреннаго совѣта или комиссіи при особѣ императрицы, такъ что даже рапорты объ исполненіи ея резолюцій поступать должны не на ея имя, а на высочайшее имя и лишь къ „поданію“ черезъ Конференцію. Согласно этого указа Конференція, какъ нѣкоторое, хотя и юридически неоформленное учрежденіе, существовала лишь для Сената и Синода, которые получали экстракты изъ ея протоколовъ и отвѣчали ей такими же экстрактами, адресуемыми, повидимому, непосредственно Конференціи. Коллегіи же и другія учрежденія формально могли даже и не знать о существованіи Конференціи, ибо отъ нея они получали рескрипты, а отвѣчали на нихъ рапортами на высочайшее имя.

По существу же дѣла указъ 5 октября 1756 года ничего не измѣнилъ. Нѣсколько въ большую зависимость отъ Конференціи была поставлена лишь Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, что является вполнѣ естественнымъ, такъ какъ главная масса дѣлъ, подлежащая вѣдѣнію Конференціи, была въ силу этого изъята изъ вѣдѣнія Коллегіи. Для упорядоченія веденія дѣла въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ 14 ноября 1756 года былъ отправленъ слѣдующій рескриптъ: „Хотя вносимыя въ учрежденную при дворѣ Нашемъ Конференцію отъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ реляціи Нашихъ при другихъ дворахъ находящихся министровъ и другія до политической системы касающіяся дѣла прослушиваются тамо и снабдеваются Нашими резолюціями, но понеже для весьма многихъ и другихъ оной порученныхъ Нашихъ дѣлъ едва время достаетъ самые важнѣйшіе съ тонкостью разсматривать, къ тому же въ вышеупомянутыхъ реляціяхъ рескрипты, на которые оными доносится, весьма кратко означиваются и иногда одни ихъ нумера или числа показаны, такъ что невозможно знать, о чемъ они писаны, почему оные и другіе необходимо въ молчаніи попеченію Коллегіи оставляются, гдѣ равномѣрно могутъ быть безъ резолюціи остаться въ чаяніи иногда, что бывши въ Конференціи, знатно, тамо занужно не найдено какой либо по онымъ принять, то Мы, для предупрежденія того, Нашей Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ повелѣваемъ, несмотря на то, что приходящіе дѣла были читаны на Конференціи или нѣтъ за недостаткомъ времени, все то, что реляція требуетъ и на что оной еще изъ Конференціи не получено, да Коллегія собою и дать не можетъ или хотя малѣйшее

[1]) Тамъ же, стр. 308, № 108.

сомнѣніе усматриваетъ, то выписывать порядочно краткимъ экстрактомъ и взносить за подписаніемъ членовъ оной и съ прибавленіемъ, по усмотрѣнію дѣла и надобности, своего мнѣнія въ учрежденную при дворѣ Нашемъ Конференцію къ резолюціи, отъ которой оная всегда непродолжительно давана будетъ за подписаніемъ оной; равномѣрно же Мы Нашей коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ повелѣваемъ для толь нужнаго знанія упоминающихся въ реляціяхъ рескриптовъ присылать въ Конференцію уже недѣльныя журнальныя записки тѣмъ рескриптамъ, которые изъ Коллегіи отправлены съ показаніемъ какъ нумеровъ и чиселъ, такъ вкратцѣ и самой матеріи" [1]). Но и этотъ рескриптъ нельзя разсматривать, какъ лишающій Коллегію самостоятельности и обращающій ее въ канцелярію по внѣшнимъ сношеніямъ при Конференціи. У Коллегіи остался еще очень большой кругъ самостоятельной дѣятельности. Не слѣдуетъ забывать, что Конференція вѣдала только строго опредѣленнаго характера дѣлами – сношеніями съ Австріей по поводу союза съ нею противъ Пруссіи, съ Саксоніей по поводу нападенія на Пруссію, съ Англіей по вопросу о ликвидаціи „субсиднаго" трактата, не нужнаго при новой ситуаціи, по поводу предложеннаго Англіею Россіи посредничества между Пруссіей и Австріей и заключенія „коммерцъ трактата" съ Турціей и Швеціей для удержанія ихъ въ состояніи нейтралитета въ теченіе войны съ Пруссіей, наконецъ, съ Франціей въ виду ея враждебныхъ отношеній къ Пруссіи и союза съ Австріей. Швеціей, кромѣ того, Конференція заинтересовалась еще постольку, поскольку внутреннее ея положеніе позволяло подозрѣвать прусскую интригу, а затѣмъ въ надеждѣ привлечь и Швецію къ коалиціи противъ Пруссіи. Этотъ перечень ясно показываетъ, что Конференція не выходила изъ сферы отведенной ей дѣятельности — „сокращенія силъ короля прусскаго" и, хотя этотъ вопросъ имѣлъ въ данный моментъ доминирующее значеніе, но нельзя въ то время считать, что вся русская внѣшняя политика сводилась въ данный моментъ только къ разрѣшенію этого вопроса. Но даже и въ этой сферѣ Коллегія вела самостоятельную работу, какъ можно видѣть изъ даваемыхъ ей Конференціею общихъ указаній и порученій отвѣтить на эту или иную реляцію или бумагу [2]). Кромѣ того, сама Конференція давала Коллегіи такіе отвѣтственныя порученія, какъ изготовленіе отвѣта королю польскому на его грамоту къ императрицѣ [3]) или отвѣтъ Эстергази „комплиментомъ запиской" на присланные имъ въ экстрактахъ рескрипты

---

[1]) Тамъ же, стр. 426-427, засѣданіе 63, № 161.
[2]) Тамъ же, стр. 496-498, засѣданіе 80, № 202.
[3]) Тамъ же, стр. 468-477, засѣданіе 72, № 190.

королевы [1]), или, наконецъ, войти въ сношеніе съ Австріей и Франціей относительно сообщенія другимъ державамъ о присоединеніи Россіи къ Версальскому трактату [2]).

Такимъ образомъ, въ этомъ вопросѣ Конференція рисуется не самостоятельнымъ учрежденіемъ, а скорѣе какой то верховной комиссіей, на которую возложено верховное направленіе отдѣльнаго вопроса внѣшней политики.

Интересно, что до самаго конца своего существованія Конференція такъ и не развернулась въ правительственное учрежденіе. Первоначально она не имѣла даже своего помѣщенія. При возникновеніи Конференціи для дѣлопроизводства въ ней было назначено всего три чиновника: секретаремъ — Дм. Волковъ, переводчикомъ — Серг. Акчюринъ и регистраторомъ Ив. Артемьевъ. Въ такомъ положеніи и съ этимъ же штатомъ чиновниковъ она продолжала свою дѣятельность въ теченіе полугода. Только въ засѣданіи 2 августа былъ возбужденъ вопросъ о чинахъ для служащихъ въ канцеляріи Конференціи [3]). Въ засѣданіи 20 октября гр. П. И. Шуваловъ объявилъ, что чиновники канцеляріи Конференціи пожалованы чинами, а Дм. Волкову кромѣ того даны 1700 руб. на покупку двора [4]). Наконецъ, послѣ засѣданія 5 октября, опредѣлившаго порядокъ сношеній Конференціи, замѣтны попытки придать ей характеръ правительственнаго учрежденія: 9 октября постановлено заказать особую печать Конференціи, которую хранить у ея секретаря [5]), 14 ноября Конференція требуетъ назначенія въ ея распоряженіе чиновниковъ „не токмо для случащихся здѣсь по дѣламъ Конференціи посылокъ, но особливо и для самонужнѣйшихъ съ важными депешами курьерскихъ отправленій“, выдачѣ ей 1000 руб. на текущіе расходы и 20 блакетовъ подорожнымъ на почтовыя подводы для посылки курьеровъ [6]), 17 ноября въ ея канцелярію назначаются три чиновника — Баженовъ, Смурыгинъ и Аптекарскій [7]), 23 ноября Бутурлинъ объявляетъ высочайшее повелѣніе снять вблизи дворца помѣщеніе для канцеляріи Конференціи [8]). 10 декабря Конференція постановила въ виду частаго присутствія Государыни въ ея засѣданіяхъ замѣнить сукно, покрывающее столъ, малиновымъ бархатомъ [9]). 11 января 1757 года Конференція потребовала дежурства для нея почтовой пары

---

[1]) Тамъ же, стр. 487, засѣданіе 77, № 195.
[2]) Тамъ же, стр. 488, засѣданіе 78, № 196.
[3]) Тамъ же, стр. 163-169, засѣданіе 26-27, № 56.
[4]) Тамъ же, стр. 343-345, засѣданіе 51, № 120.
[5]) Тамъ же, стр. 339, засѣданіе 49, № 118.
[6]) Тамъ же, стр. 427-437, засѣданіе 63, № 162.
[7]) Тамъ же, стр. 506-510, засѣданіе 80, № 213.
[8]) Тамъ же, стр. 452-453, засѣданіе 66, № 175.
[9]) Тамъ же, стр. 466-467, засѣданіе 71, № 186.

лошадей для срочной командировки курьеровъ [1]). Далѣе Конференція не пошла, что и понятно: учрежденіе, не имѣющее большого дѣлопроизводства, большой переписки, не нуждается въ значительной канцеляріи. Потому же такъ ограниченъ и ея бюджетъ: полученные ею 14 ноября 1000 руб., изъ которыхъ производились канцелярскіе расходы и расходы по оплатѣ помѣщенія, израсходованы только къ 13 марта 1757 года, когда Конференція требуетъ возобновленія этого аванса [2]).

Обыкновенно въ доказательство того, что Конференція выходила изъ сферы отведенной ей дѣятельности, кромѣ другихъ случаевъ, ссылаются на осуществленіе мѣдной операціи гр. П. И. Шувалова, производство рекрутскихъ наборовъ и формированіе частей. Но прежде, чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ вопросовъ, обратимся къ тѣмъ порученіямъ, которыя были даны Конференціи императрицей.

Помимо перечисленныхъ выше высочайшихъ повелѣній, данныхъ императрицей, лично присутствовавшей въ засѣданіяхъ Конференціи (см. выше стр. 9-10), ей были объявлены слѣдующія высочайшія повелѣнія: черезъ гр. М. И. Воронцова о назначеніи посломъ во Францію гр. М. П. Бестужева-Рюмина [3]); черезъ конференцъ-секретаря Д. Волкова о началѣ движенія полковъ въ Лифляндіи и о производствѣ соотвѣтствующихъ перегруппировокъ остальныхъ войскъ [4]); черезъ канцлера гр. А. П. Бестужева-Рюмина — ускорить нападеніе на Пруссію, заготовить инструкціи высшимъ командирамъ, остерегаться прусскихъ хитростей, отвѣтить англійскому послу Вилліамсу на сдѣланное имъ предложеніе выступить Россіи посредницей для примиренія Австріи съ Пруссіей отказомъ, такъ какъ Россія также чувствуетъ себя оскорбленной Пруссіей [5]); черезъ графа П. И. Шувалова — о назначеніи главнокомандующимъ С. Ф. Апраксина, о назначеніи высшаго команднаго состава, о полковой артиллеріи и о формированіи „обсерваціоннаго корпуса“ [6]), о пожалованіи чиновъ секретарю Конференціи Д. Волкову и другимъ чиновникамъ ея канцеляріи [7]), о переводѣ изъ Монетной канцеляріи въ депозитъ Конференціи одного милліона серебряныхъ денегъ и о выдачѣ изъ ихъ числа 400.000 гр. П. И. Шувалову на формированіе корпуса [8]); черезъ гр. А. И. Шувалова — о производствахъ; порученіе справиться, производился ли когда нибудь нарядъ въ денщики съ Украины; обсудить, не надо ли принять

[1]) Тамъ же, стр. 506-510, засѣданіе 80, № 214.
[2]) Тамъ же, стр. 650-652, засѣданіе 104, № 280.
[3]) Тамъ же, стр. 170-182, № 59.
[4]) Тамъ же, стр. 202-210, № 69.
[5]) Тамъ же, стр. 211-221, № 73.
[6]) Тамъ же, стр. 225-230, № 80.
[7]) Тамъ же, стр. 343-345, № 120.
[8]) Тамъ же, стр. 343-345, № 121.

какихъ либо мѣръ въ связи съ разгромомъ саксонской арміи[1]); объ отправкѣ въ подарокъ принцессѣ кур-саксонской 20.000 рубл.[2]); объ утвержденіи представленнаго текста отвѣта Вилліамсу на предложеніе посредничества; объ отъѣздѣ Гетмана въ Украину и о заготовленіи Конференціей ему секретной инструкціи; объ утвержденіи доклада по вопросу о наборѣ въ денщики въ Украинѣ; разъяснить Турціи, что проходъ русскихъ войскъ черезъ Польшу послѣдней ничѣмъ не угрожаетъ; ускорить присоединеніе Россіи къ Версальскому трактату и приказаніе начать вербовку въ армію свободныхъ людей[3]); черезъ канцлера — объ отправкѣ въ подарокъ королевѣ польской 100.000 руб. и о выдачѣ ген. Чернышеву, отправляющемуся къ австрійской арміи, 4.000 руб. единовременно и по 5.000 руб. ежемѣсячно[4]); черезъ А. Б. Бутурлина — снять вблизи дворца нѣсколько комнатъ для канцеляріи Конференціи[5]); выдать 3.000 руб. на погребеніе датскаго посланника Мальцана[6]); черезъ гр. М. И. Воронцова — о назначеніи кавалеромъ посольства въ Парижъ кн. Сергѣя Голицына[7]); черезъ гр. А. И. Шувалова — объ утвержденіи новыхъ штатовъ артиллеріи[8]); о замѣщеніи ген. Ливена въ случаѣ болѣзни ген.-аншефомъ Ферморомъ[9]); о назначеніи дворянъ посольства въ Парижъ[10]); объ исправленіи согласно указаній всеподданнѣйшаго доклада съ представленіемъ кандидатовъ въ флагманы флота[11]); сдѣлать указаніе Адмиралтействъ-Коллегіи, чтобы она не задерживала производствъ, которыя можетъ дѣлать сама[12]); о немедленномъ отправленіи ген. Чернышева къ штабу австрійской арміи[13]); о назначеніи ген.-аншефа Фермора на мѣсто ген. Ливена и о другихъ назначеніяхъ и переводахъ[14]); черезъ А. Б. Бутурлина — о назначеніи дворяниномъ посольства въ Парижъ поручика кн. Гр. Сем. Волконскаго[15]); черезъ гр. П. И. Шувалова — о назначеніи оберъ-кригсъ-комиссара и объ укомплектованіи полковъ по старшинству[16]).

---

[1]) Тамъ же, стр. 348-355, № 124.
[2]) Тамъ же, стр. 395-402, № 149.
[3]) Тамъ же, стр. 406-409, № 156.
[4]) Тамъ же, стр. 419-425, № 157.
[5]) Тамъ же, стр. 452-453, № 175.
[6]) Тамъ же, стр. 484, № 193.
[7]) Тамъ же, стр. 489-495, № 197.
[8]) Тамъ же, стр. 506-510, № 212.
[9]) Тамъ же, стр. 524-535, № 220.
[10]) Тамъ же, стр. 524-535, № 221.
[11]) Тамъ же, стр. 524-535, № 222.
[12]) Тамъ же, стр. 524-535, № 223.
[13]) Тамъ же, стр. 602-615, № 253.
[14]) Тамъ же, стр. 602-615, № 255.
[15]) Тамъ же, стр. 602-615, № 256.
[16]) Тамъ же, стр. 626-631, № 266.

Такимъ образомъ, Конференція получила высочайшія повелѣнія по вопросамъ дипломатическаго характера, распоряженія въ связи съ войной (передвиженіе войскъ, ускореніе начала военныхъ дѣйствій), о назначеніяхъ и производствахъ, о рекрутскихъ наборахъ и вербовкѣ солдатъ, формированіи „обсерваціоннаго корпуса" и по вопросамъ организаціи Конференціи. Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить, что ассигнованіе крупныхъ суммъ на непредвидѣнные расходы, крупные подарки, а въ томъ числѣ и на формированіе корпуса, также исходили не отъ Конференціи, а отъ верховной власти въ лицѣ императрицы. Во всякомъ случаѣ тѣ вопросы, которые инкриминируются Конференціи, какъ возбужденные ею, оказывается, возникли въ ней по высочайшему почину. Возможно, конечно, что иниціатива исходила и отъ лицъ, засѣдавшихъ въ Конференціи, которые, пользуясь своею личной близостью къ императрицѣ, сумѣли убѣдить ее въ необходимости возбужденія этихъ вопросовъ и передачи ихъ на обсужденіе Конференціи, — но это уже вопросъ личныхъ вліяній, а не правомочія учрежденія, и для насъ важно, что вопросы эти возникли не въ Конференціи и не по ея иниціативѣ: протоколы говорятъ объ этомъ совершенно ясно. Рекрутскіе наборы въ Конференціи не обсуждались и не разрабатывались, но, выслушавъ высочайшее повелѣніе, Конференція передавала его „ко исполненію" по принадлежности. Вопросъ о сформированіи „запаснаго" или „обсерваціоннаго" корпуса возбужденъ высочайшимъ повелѣніемъ (№ 80), по высочайшему повелѣнію формированіе его поручено гр. П. И. Шувалову (№ 93) и рескриптомъ изъ Конференціи гр. П. И. Шуваловъ въ этомъ вопросѣ подчиненъ исключительно Конференціи (№ 114).

Нѣсколько сложнѣе вопросъ о нарядѣ войскъ. Въ протоколѣ отъ 4-6 апрѣля 1756 года, опредѣляя составъ корпуса, предназначеннаго къ войнѣ, Конференція намѣтила и количество иррегулярныхъ войскъ — донскихъ и слободскихъ казаковъ, волжскихъ калмыковъ, конныхъ мещеряковъ, башкирцевъ и казанскихъ татаръ [1]). 18 апрѣля, найдя недостаточнымъ количество иррегулярной конницы для возлагающейся на нее задачи разоренія Пруссіи, Конференція рѣшила увеличить ея численность, о чемъ были посланы экстракты въ Сенатъ и Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ, въ виду зависимости отъ нихъ украинскихъ казаковъ и инородцевъ [2]). 28 августа состоялось высочайшее повелѣніе о наборѣ 30.000 рекрутъ и 10.000 драгунскихъ лошадей [3]), а 31 августа — рѣшеніе Конференціи потребовать, взамѣнъ 1000 волжскихъ калмыковъ, 500 старопольскихъ

---

[1]) Тамъ же, стр. 66-82, № 25.
[2]) Тамъ же, стр. 95-97, № 30.
[3]) Тамъ же, стр. 202-210, № 70.

казаковъ, 500 башкирцевъ и 500 мещеряковъ[1]). 2 сентября Конференція рѣшила добавить еще 500 казанскихъ татаръ[2]). 26 сентября объявлено высочайшее повелѣніе объ увеличеніи набора рекрутъ до 45.000 и о вербовкѣ людей въ армію въ Лифляндіи, Эстляндіи, Финляндіи и Украинѣ[3]). Наконецъ, 2 февраля 1757 года Конференція по выпискѣ изъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ сократила количество волжскихъ калмыковъ съ 8000 до 5000[4]). Итакъ, Конференція во исполненіе представленнаго императрицѣ плана къ „сокращенію силъ короля прусскаго" намѣтила созданіе особаго экспедиціоннаго корпуса, въ составъ котораго должны были входить войска, какъ регулярные, такъ и нерегулярные, состоявшіе въ то время изъ инородцевъ, входившихъ въ составъ русскаго государства, и различныхъ казаковъ. Общая численность корпуса была намѣчена и утверждена императрицей въ 129.966 человѣкъ. Въ дальнѣйшемъ въ зависимости отъ ряда обстоятельствъ количество намѣченныхъ иррегулярныхъ войскъ измѣнялось. Протоколы создаютъ картину, что дѣлалось это Конференціей самостоятельно. Другихъ данныхъ, опровергающихъ эту картину, въ нашемъ распоряженіи не имѣется, и это даетъ основаніе думать, что въ этомъ вопросѣ Конференція нѣсколько вышла изъ рамокъ своихъ правъ. Однако, не имѣя точныхъ мобилизаціонныхъ плановъ, настаивать на этомъ мы не можемъ.

Вопросъ съ денщиками стоитъ гораздо проще. 26 сентября императрица повелѣла Конференціи разсмотрѣть вопросъ о томъ, нельзя ли для увеличенія численности арміи всѣхъ денщиковъ перевести въ строй, а взамѣнъ этого набрать соотвѣтствующее количество людей въ Малороссіи спеціально для несенія денщичьей службы[5]). 22 октября гр. А. И. Шуваловъ объявилъ высочайшее повелѣніе навести справку, бывали ли раньше когда нибудь случаи наряда денщиковъ съ Украины[6]), о чемъ Конференція постановила запросить Сенатъ. Въ тотъ же день былъ уже представленъ Конференціей всеподданнѣйшій докладъ (очевидно, на основаніи полученной изъ Сената справки), въ которомъ число денщиковъ опредѣлялось въ 2000 человѣкъ въ возрастѣ отъ 15 до 40 лѣтъ[7]). 12 ноября этотъ докладъ получилъ апробацію и въ тотъ же день въ Сенатъ посланъ экстрактъ о проведеніи этой мѣры въ жизнь[8]). Такимъ образомъ, этотъ вопросъ возбужденъ императрицей, разработанъ

[1]) Тамъ же, стр. 211-221, № 72.
[2]) Тамъ же, стр. 222-224, № 77.
[3]) Тамъ же, стр. 257-269, № 93.
[4]) Тамъ же, стр. 559-562, № 237.
[5]) Тамъ же, стр. 257-258, № 93.
[6]) Тамъ же, стр. 348-355, № 124.
[7]) Тамъ же, стр. 348-355, № 126.
[8]) Тамъ же, стр. 406-419, № 156.

по ея порученію Конференціею и проведенъ въ жизнь высочайшимъ повелѣніемъ.

Что касается вопроса о мѣдныхъ операціяхъ гр. П. И. Шувалова, то къ сожалѣнію печатный матеріалъ не даетъ возможности разобрать его съ желательной полнотой. Первый проектъ его въ теченіе перваго года существованія Конференціи стоитъ въ тѣсной связи съ формированіемъ запаснаго корпуса. 26 сентября въ личномъ присутствіи императрицы въ засѣданіи Конференціи было объявлено высочайшее повелѣніе о томъ, что формированіе запаснаго корпуса поручается гр. П. И. Шувалову [1]). Въ слѣдующемъ засѣданіи 28 сентября гр. П. И. Шуваловъ сдѣлалъ докладъ о томъ, что порученный ему къ сформированію запасный корпусъ можно содержать безъ отягощенія для казны, для чего необходимо увеличить оборотъ мѣдныхъ денегъ и использовать ихъ для повышенія доходовъ государства, а именно: всю имѣющуюся въ артиллеріи мѣдь „во всякихъ орудіяхъ, кромѣ достопамятныхъ вещей" перелить въ деньги, использовавъ для этого же и всю мѣдь казенную и частную; запретить продажу мѣди заводчиками, какъ внутри государства, такъ и за границу, куда разрѣшить выпускъ мѣди лишь въ видѣ копѣекъ; запретить ввозъ изъ за границы латуни и зеленой мѣди; запретить изготовленіе мѣдныхъ издѣлій изъ мѣди, а разрѣшить изготовленіе различныхъ предметовъ исключительно изъ мѣдныхъ копѣекъ; мѣдь, содержащую серебро, употреблять на лигатуру и, наконецъ, стремиться сосредоточить все серебро въ казнѣ, а въ оборотѣ въ странѣ держать преимущественно мѣдную монету. Прибыль отъ этой операціи должна дать достаточный доходъ для содержанія корпуса. Конференція согласилась съ докладомъ гр. П. И. Шувалова и направила его проектъ „для надлежащаго исполненія въ Правительствующій Сенатъ", при чемъ распорядилась подчинить вѣдѣнію „генералъ-фельдцейхмейстера"; т. е. того же гр. П. И. Шувалова, оружейную канцелярію [2]). Разрѣшеніе всего этого сложнаго вопроса Конференція взяла на себя, оправдывая себя тѣмъ, что операція направлена для содержанія запаснаго корпуса, который создается для войны, значитъ, входитъ всецѣло въ ея вѣдѣніе. Это былъ своего рода пробный шагъ, дабы узнать, какъ далеко могутъ простираться ея правомочія: разрѣшая вполнѣ самостоятельно этотъ вопросъ, Конференція подготовила для себя отступленіе въ видѣ отмѣтки въ протоколѣ: „Въ прочемъ, точная копія сего протокола для Всевысочайшаго Ея Императорскаго Величества извѣстія поднесена быть имѣетъ" [3]). Со стороны императрицы никакихъ возраженій

---

[1]) Тамъ же, стр. 257-258, № 93.
[2]) Тамъ же, стр. 281-283, № 96.
[3]) Тамъ же, стр. 283.

не послѣдовало, а Сенатъ опубликовалъ указъ лишь о порученіи формированія корпуса гр. П. И. Шувалову, о мѣдномъ же передѣлѣ умолчалъ [1]). Конференція вновь послала экстрактъ въ Сенатъ, настаивая на опубликованіи новаго указа и подтверждая, что, какъ по формированію, такъ и по мѣдной операціи гр. П. И Шуваловъ ставится въ непосредственную зависимость отъ Конференціи, минуя Сенатъ [2]). Наконецъ, Сенатъ опубликовалъ указъ, но въ указѣ этомъ было опущено запрещеніе изготовленія мѣдныхъ издѣлій изъ чистой мѣди и, кромѣ того, сдѣланы нѣкоторыя дополненія и редакціонныя измѣненія [3]). Интересно, что Сенатъ не опубликовалъ указа въ редакціи Конференціи, а подвергъ его необходимымъ съ его точки зрѣнія измѣненіямъ и дополненіямъ въ то время, какъ по всѣмъ остальнымъ вопросамъ никакихъ недоразумѣній между Сенатомъ и Конференціей не происходило. Повидимому, произошло это изъ за того, что Конференція вышла изъ сферы намѣченной ей дѣятельности. Однако, въ этомъ случаѣ Сенатъ уступилъ, лишь указавъ молча на свое право блюсти за закономѣрностью дѣятельности Конференціи.

Уже къ концу перваго года, въ самомъ началѣ войны, государство испытывало недостатокъ въ средствахъ. 2 сентября послѣдовало распоряженіе о передачѣ изъ главнаго комиссаріата въ походный всей имѣющейся на лицо иностранной монеты [4]). Послѣ чего требованія на деньги начинаютъ поступать самымъ регулярнымъ образомъ. 6 октября послѣдовало распоряженіе снабдить деньгами Рижскую, Ревельскую, Новгородскую, Смоленскую и Кіевскую губерніи для расходовъ по требованіямъ главнокомандующаго, а ему, кромѣ того, отпустить 500.000 руб.[5]). 11 февраля 1757 году по требованію С. Ф. Апраксина сдѣлано распоряженіе о посылкѣ ему 300.000 ефимковъ, а если можно, то и больше [6]). 27 февраля заслушанъ экстрактъ изъ протокола Сената о томъ, что на заготовленіе провіанта только за границей не хватаетъ 1.443.700 руб. 79 коп.[7]). 10 марта послано С. Ф. Апраксину требованіе представить вѣдомость на жалованіе идущей въ походъ арміи — генералитету, штабъ-,оберъ-,унтеръ - офицерамъ, рядовымъ, нестроевымъ и нерегулярнымъ

---

[1]) А. Е. Прѣсняковъ, Прав. Сенатъ въ царств. Елиз. Петровны. Исторія Сената за двѣсти лѣтъ. Томъ. II. Сенатскій указъ 3 октября 1756 года. стр. 103.

[2]) Протоколы. Сборникъ т. 136, стр. 333-338, № 114.

[3]) Полное Собраніе Законовъ, № 10624. Также Прѣсняковъ, названное соч. стр. 104.

[4]) Протоколы. Сборникъ т. 136, стр. 222-224, № 78.

[5]) Тамъ же, стр. 308-330, № 109.

[6]) Тамъ же, стр. 578-582, № 239.

[7]) Тамъ же, стр. 616-619, № 260.

войскамъ [1]), и въ тотъ же день сдѣлано распоряженіе о посылкѣ къ арміи сверхъ 300.000 ефим. 1.000.000 и хотя бы 100.000 червонцевъ, а иностранной монеты — все количество, какое только здѣсь найдено будетъ [2]). Въ столь затруднительномъ положеніи, когда казна пуста, экспедиціонный корпусъ требуетъ все новыхъ присылокъ денегъ, главнымъ образомъ, въ валютѣ или золотомъ, очень кстати явился проектъ Шувалова о перечеканкѣ мѣдныхъ денегъ. Проектъ свой, заключавшійся въ томъ, чтобы чеканить изъ одного пуда мѣди мѣдной монеты не на 8 рублей, а на 16 руб., т. е. изъ 437.500 пудовъ мѣди начеканить не на 3.500.000 рублей, а на 7.000.000 руб., Шуваловъ доложилъ Конференціи въ засѣданіи 16 января 1757 года [3]). Обсудивъ его и найдя его выгоднымъ, ибо перечеканка, по подсчету Конференціи, давала государству прибыли до 6 милліоновъ рублей, Конференція представила „Ея Императорскому Величеству записку въ докладъ“ съ ходатайствомъ объ утвержденіи означеннаго проекта [4]). Это давало передышку въ вопросѣ объ изысканіи средствъ. Такимъ образомъ, проектъ о перечеканкѣ монеты внесенъ на обсужденіе Конференціи (можетъ быть не безъ вѣдома императрицы) авторомъ его гр. П. И. Шуваловымъ, а Конференція представила его на утвержденіе императрицы, въ виду его полезности.

Итакъ, въ теченіе перваго года существованія Конференціи роль ея и значеніе опредѣляются совершенно ясно. Это комиссія, учрежденная при особѣ монарха, вѣдѣнію которой поручены дѣла особаго порядка, а именно — „сокращеніе силъ короля прусскаго“, другими словами, выработка мѣръ и проведеніе ихъ въ жизнь для аннулированія успѣховъ Пруссіи въ международныхъ отношеніяхъ. Выработанный Конференціей общій планъ, направленный къ достиженію этой цѣли, одобренъ верховной властью и проведеніе его въ жизнь поручено той же Конференціи. Въ первый моментъ для нея самой нѣсколько неясна общая ситуація и она пишетъ бумаги, которыя остаются безъ всякихъ результатовъ и не имѣютъ никакого реальнаго значенія, какъ напримѣръ, о привлеченіи иностранной торговли въ Ригу вмѣсто транзита черезъ Пруссію. Но по мѣрѣ того, какъ опредѣляются международныя отношенія, сама программа дѣятельности Конференціи опредѣляется и она переходитъ къ практическимъ мѣропріятіямъ — вырабатываетъ соотвѣтствующую дислокацію войскъ на прусской границѣ, подготовляетъ переходъ войскъ черезъ Польшу, намѣчаетъ формированіе „обсерваціоннаго корпуса“. Въ связи съ этимъ выясняются и взаимоотношенія съ

---

[1]) Тамъ же, стр. 632-636, № 269.
[2]) Тамъ же, стр. 644-649, № 277.
[3]) Тамъ же, стр. 513-521, № 217.
[4]) Тамъ же, стр. 513-521, № 216.

Англіей — вопросъ, который въ первые дни такъ занималъ Конференцію [1]). Постепенно въ ея рукахъ сосредотачивается все, что касается Пруссіи, а затѣмъ и все, относящееся къ возникшей съ нею войнѣ. Этимъ въ подчиненное къ Конференціи положеніе ставятся Коллегіи — Иностранныхъ дѣлъ (въ предѣлахъ указанныхъ вопросовъ), Военная и Адмиралтейская. Всѣ онѣ получаютъ значеніе исполнительныхъ органовъ при Конференціи. Въ связи съ войной возникаетъ въ Конференціи рядъ вопросовъ, позволяющихъ ей нѣсколько расширить рамки своей дѣятельности, какъ напримѣръ, вопросъ объ изысканіи средствъ. Поэтому она считаетъ себя въ правѣ обсуждать такіе вопросы, какъ финансовые проекты Шувалова. Однако, далѣе обсужденія этихъ вопросовъ Конференція не идетъ и лишь позволяетъ себѣ ходатайствовать передъ верховной властью объ осуществленіи ихъ. Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда Конференція выходитъ за предѣлы свой компетенціи, ей приходится считаться съ противодѣйствіемъ Сената, какъ это случилось по вопросу о мѣдномъ передѣлѣ. Вообще, какъ увидимъ далѣе, въ вопросахъ финансоваго характера Конференція не всегда умѣла соблюсти мѣру и на этой почвѣ у нея происходили недоразумѣнія съ государственными учрежденіями.

Во всякомъ случаѣ, за первый годъ своего существованія Конференція не сумѣла ни оформить своего существованія, какъ государственнаго учрежденія [2]), ни занять высшаго положенія и пріобрѣсти значеніе Кабинета Министровъ по отношенію къ высшимъ государственнымъ установленіямъ. Юридически ни одно изъ центральныхъ государственныхъ учрежденій ей подчинено не было и ея постановленія не пріобрѣли законодательнаго характера.

Въ послѣдующіе годы дѣятельность Конференціи продолжаетъ течь по тому же руслу, что и въ первый годъ ея существованія. Главное вниманіе ея направлено на войну съ Пруссіей [3]) и дипломатическую переписку въ связи съ этой войной [4]), а въ послѣдній годъ войны и на возможныя мирныя условія [5]). Конференцію безпокоятъ недостаточные успѣхи русскаго оружія и, видя причину ихъ въ личности главнокомандующаго, она

---

[1]) Тамъ же, стр. 5-29, №№ 4, 5, 6, 8, 9, стр. 92-94, № 28.

[2]) Оба акта, касающіеся опредѣленія значенія Конференціи (учрежденіе ея въ 1-мъ засѣданіи и опредѣленіе порядка сношеній въ 47-мъ засѣданіи), ничего для этого не даютъ. По нимъ Конференція все же остается своего рода негласнымъ комитетомъ при особѣ монарха безъ опредѣленныхъ правъ и компетенціи.

[3]) Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. 5, т. 24, столбцы 998-999, 1056-1058, 1065, 1077, 1087, 1095-1097, 1102-1105, 1146-1147.

[4]) Тамъ же, столб. 994-996, 1002-1004, 1007, 1047-1050, 1220-1222.

[5]) Тамъ же, столб. 1118-1119, 1187-1198.

выдвигаетъ все новыхъ кандидатовъ на этотъ постъ [1]), попрежнему даетъ имъ указанія по поводу веденія военныхъ дѣйствій и разрабатываетъ диспозиціи [2]). Но уже въ эти годы сказывается тотъ недостатокъ средствъ для веденія войны, который намѣтился въ концѣ перваго года [3]) и который все болѣе и болѣе безпокоитъ Конференцію. Вновь возникаютъ заботы объ изысканіи средствъ. Появляется новый проектъ гр. П. И. Шувалова о перечеканкѣ денегъ теперь уже по 16 руб. изъ пуда мѣди [4]), обсуждается предложеніе Сената о взятіи заимообразно денегъ изъ наличнаго Колыванско-Воскресенскаго золота, изъ Синодальныхъ суммъ и суммъ архіерейскаго Новгородскаго дома [5]), обсуждается проектъ того же Шувалова объ учрежденіи собственнаго артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ банка [6]). Съ Сенатомъ завязывается оживленная, но мало успѣшная, переписка по вопросу о средствахъ [7]). Преподаются указанія главнокомандующему о бережномъ расходованіи средствъ на покупку провіанта [8]). Этотъ хроническій недостатокъ средствъ вызываетъ въ Конференціи обсужденіе такихъ мѣропріятій, какъ учрежденіе лоттереи [9]), возстановленіе цеховъ [10]), сборы съ Лифляндіи [11]), ходатайство Шемякина о безпошлинномъ ввозѣ шелка [12]) и даже запрещеніе, въ виду недостатка фуража, имѣть въ Петербургѣ больше 2.000 извозчиковъ [13]). Война затягивалась. Между тѣмъ, военныя дѣйствія велись все время на иностранной территоріи, гдѣ расходованіе русскихъ денегъ было затруднено, такъ что жалованіе войскамъ приходилось выплачивать въ иностранной валютѣ, равно какъ и посылать деньги на пріобрѣтеніе на мѣстѣ фуража и провіанта. Весь наличный запасъ иностранной валюты былъ уже израсходованъ. Война затрудняла притокъ ея въ страну, а покупка заграницей оказывалась чрезмѣрно дорогой. Всѣ эти вопросы не могли не останавливать на себѣ серьезнаго вниманія Конференціи и вызывали ее на самыя рѣшительныя дѣйствія. Отсюда и проистекаютъ тѣ дѣйствія Конференціи, которыя обычно инкриминируются ей, какъ стремленіе занять мѣсто упраздненнаго Кабинета Министровъ или Верховнаго Тайнаго Совѣта.

---

[1]) Тамъ же, столб. 998-999, 1087, 1095-1097, 1146-1147.
[2]) Тамъ же, столб. 1056-1058, 1068, 1095-1097, 1104-1105.
[3]) См. выше стр.
[4]) Соловьевъ, Ист. Рос., кн. 5, т. 24, столб. 1024.
[5]) Тамъ же, столб. 1077-1078.
[6]) Тамъ же, столб. 1169.
[7]) Тамъ же, столб. 1077-1078, 1126, 1167-1168, 1183-1184, 1231.
[8]) Тамъ же, столб. 1089-1090.
[9]) Тамъ же, столб. 1169.
[10]) Тамъ же, столб. 1171-1172.
[11]) Тамъ же, столб. 1183-1184.
[12]) Тамъ же, столб. 1127-1128.
[13]) Тамъ же, столб. 1025.

А. Е. Прѣсняковъ, обслѣдовавшій достаточно детально дѣятельность Конференціи, хотя и пришелъ къ заключенію, что по существу она была дѣйствительно тѣмъ военнымъ совѣтомъ, какой проектировалъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ, органомъ верховной власти по руководству военными и дипломатическими дѣйствіями и по распоряженію боевой силой и финансовыми средствами страны[1]), все же считалъ Конференцію „совѣтомъ по вопросамъ высшей политики“[2]) и основывался при этомъ на тѣхъ выступленіяхъ Конференціи, которыя выходили какъ будто изъ рамокъ, начертанныхъ для нея проектомъ А. П. Бестужева-Рюмина. Между тѣмъ, это не совсѣмъ такъ.

Къ числу такихъ отступленій онъ относитъ операцію съ Колыванско-Воскресенскимъ золотомъ. Однако, если обратиться къ обстоятельствамъ, сопровождавшимъ эту операцію, то впечатлѣніе получится нѣсколько иное. Конференція постоянно обращается къ Сенату за средствами для веденія войны. Сенатъ съ трудомъ и всегда съ запозданіемъ отпускаетъ эти средства. Чрезвычайныя мѣропріятія, вродѣ Шуваловскихъ проектовъ, ожидаемыхъ доходовъ не приносятъ. И вотъ, на одно изъ срочныхъ требованій Конференціи Сенатъ предлагаетъ: 1. взять съ Колыванско-Воскресенскихъ заводовъ заимообразно 30 пудовъ золота и 200 пудовъ серебра, 2. обратить на содержаніе арміи контрибуцію, взятую съ завоеванныхъ прусскихъ городовъ и 3. взять заимообразно 300.000 изъ денежной казны синодальнаго вѣдомства и Новгородскаго архіерейскаго дома. Предлагая это, Сенатъ „требуетъ изъ учрежденной при дворѣ Ея Императорскаго Величества Конференціи опредѣленія“. Обсудивъ вопросъ, Конференція заимствованіе изъ синодальныхъ суммъ и Новгородскаго архіерейскаго дома и обращеніе контрибуціи на расходы по арміи нашла въ своей компетенціи и мѣропріятія эти провела, а по вопросу о займѣ золота и серебра съ Колыванско-Воскресенскихъ заводовъ испросила высочайшую конфирмацію[3]). Все это оказалось возможнымъ и взято: изъ экономической канцеляріи 126.000, изъ Московской синодальной конторы 34.000, изъ Московской типографской конторы 20.000 и изъ Новгородскаго архіерейскаго дома 170.000[4]). Такимъ образомъ, иниціатива въ этомъ вопросѣ исходила отъ Сената, мѣропріятіе проведено съ высочайшаго соизволенія, а цѣль его — содержаніе арміи, дѣйствующей „для сокращенія силъ короля прусскаго“.

Ту же цѣль преслѣдовалъ и намѣченный Конференціей учетъ хлѣба и другихъ продуктовъ во всей Россіи. Къ сожалѣнію, не имѣя подъ руками самихъ протоколовъ, трудно выяснить, какую

---

[1]) Прѣсняковъ, цитированная работа, стр. 94.
[2]) Тамъ же, стр, 73.
[3]) Тамъ же, стр. 107-109.
[4]) Соловьевъ, Ист. Рос., кн. 5, т. 24, столб. 1077-1078.

цѣль преслѣдовала Конференція и какъ этотъ вопросъ возникъ въ ней. Была ли это потребность минуты, тѣсно связанная съ военнымъ положеніемъ, и предложеніе „такое навсегда распоряженіе сдѣлать, чтобъ сіи нужныя извѣстія всегда и въ свое время здѣсь имѣть можно было“, есть лишь обобщеніе мысли, форма выраженія, или Конференція стремилась дѣйствительно ввести этотъ учетъ въ жизнь, какъ постоянную норму. Во всякомъ случаѣ, вопросъ этотъ находится безусловно въ тѣсной связи съ войной и вызванъ стремленіемъ провести порученное дѣло.

Въ своемъ стремленіи обезпечить армію необходимыми средствами, встрѣчая постоянныя затрудненія со стороны Сената, Конференція невольно втягивается въ финансовую политику страны и стремится къ разрѣшенію ряда хозяйственныхъ вопросовъ. Сюда относятся: Шуваловская операція съ мѣдными деньгами, его же проектъ о развозѣ денегъ по городамъ, проектъ о выдачѣ серебряныхъ денегъ подъ векселя, связанный съ проектомъ сосредоточенія серебряныхъ денегъ въ казнѣ [1]). Сюда же относится проектъ возстановленія цеховъ и выписки мастеровъ изъ за-границы [2]). Сюда же относится и учрежденіе денежной лоттереи, сначала не разрѣшенной по протесту Сената, а затѣмъ проведенной Конференціей по проекту барона Лефорта помимо Сената и отданной подъ протекторатъ тому же Сенату [3]).

Матеріальное положеніе съ каждымъ годомъ становилось все тяжелѣе, настолько, что въ 1760 году въ началѣ іюня генералъ-кригсъ-комиссаръ кн. Я. Шаховской доносилъ, что военные чины удовлетворены жалованіемъ только за январь и февраль и что, если главному комиссаріату не будетъ возвращено долга, котораго онъ имѣетъ за разными учрежденіями болѣе чѣмъ на 5 милліоновъ рублей, то врядъ ли возможно будетъ отпустить на текущій годъ полностью всю сумму по смѣтѣ [4]).

Такое положеніе безпокоило не только Конференцію, но и Сенатъ, который со своей стороны охотно шелъ на всевозможныя мѣропріятія, обѣщавшія какой либо доходъ. Такъ, Сенатъ согласился съ проектомъ Шувалова объ учрежденіи собственнаго банка артиллерійскаго и инженернаго корпусовъ и проведеніе этого проекта возложилъ на Шувалова [5]).

Такимъ образомъ, всѣ эти отступленія хотя и являлись съ вѣдомственной точки зрѣнія выходящими за сферу дѣятельности Конференціи, но и по существу стояли въ непосредственной

---

[1]) Прѣсняковъ, цит. соч., стр. 119-120.
[2]) Тамъ же, стр. 122-124.
[3]) Тамъ же, стр. 120-122; Соловьевъ, столб. 1171-1172.
[4]) Соловьевъ, Ист. Рос., кн. 5, т. 24, столб. 1167-1168.
[5]) Тамъ же, столб. 1169.

связи съ главной цѣлью ея — „сокращеніемъ силъ короля прусскаго".

Въ числѣ дѣлъ, разсматривавшихся въ Конференціи, возникали иногда дѣла, дѣйствительно не имѣвшія связи съ ея назначеніемъ. Къ числу такихъ дѣлъ относится дѣло о Строгановскомъ наслѣдствѣ. Однако, въ данномъ случаѣ это дѣло возникло не по иниціативѣ Конференціи. Первоначально оно было поручено императрицей Бутурлину, а затѣмъ кн. Я. Шаховскому. Доклады ихъ оказались несогласными между собою, что и вызвало повелѣніе императрицы: „разсмотрѣніе *и на основаніи законовъ* опредѣленіе учинить въ Конференціи", опредѣленіе которой общаго характера и было сообщено Сенату „для дальнѣйшаго надлежащаго исполненія" [1]). Такимъ образомъ, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ личной волей государыни, которая поручила окончательное разъясненіе неяснаго для нея дѣла комиссіи авторитетныхъ съ ея точки зрѣнія лицъ, пользующихся ея довѣріемъ. Характерно при этомъ, что Конференціи, какъ компетентному учрежденію, поручено разрѣшеніе дѣла „на основаніи законовъ", а не въ зависимости отъ ея усмотрѣнія.

Къ числу такихъ же порученій императрицы слѣдуетъ отнести дѣло о злоупотребленіяхъ губернаторовъ — воронежскаго, Пушкина, и бѣлогорскаго, Салтыкова, по поводу котораго Сенатъ получилъ отъ Конференціи сообщеніе, что императрица въ отвѣтъ на представленіе въ 1760 году означенныхъ лицъ къ наградѣ, извѣстившись „къ крайнему гнѣву и неудовольствію" о ихъ преступленіяхъ, „повелѣваетъ строжайше о томъ изслѣдовать" [2]).

Самое же значительное порученіе, полученное Конференціей отъ императрицы, это — „представить кандидатовъ къ наполненію порожнихъ мѣстъ, какъ по разнымъ коллегіямъ, такъ и по другимъ нужнымъ правленіямъ". Интересно, что въ данномъ случаѣ императрица обратилась не къ Сенату, какъ бы это слѣдовало по существу дѣла, а къ Конференціи. Конференція поняла свою задачу очень широко и представила докладъ, въ которомъ намѣтила кандидатовъ не только на должности президентовъ, вице-президентовъ, совѣтниковъ коллегій, конторъ и канцелярій, губернаторовъ и вице-губернаторовъ, но и кандидатовъ для пополненія Сената „по великому множеству дѣлъ, какъ внутренняго государственнаго распорядка, такъ не меньше нужнаго къ благосостоянію государства — правосудія", а также и самое себя, какъ учрежденіе, вѣдающее „строжайшія и важнѣйшія дѣла" [3]). Весьма характерно, какъ императрица воспользовалась этимъ докладомъ Конференціи. Конференція представила

[1]) Прѣсняковъ, цит. соч., стр. 64-65.
[2]) Тамъ же, стр. 66.
[3]) Тамъ же, стр. 73-74.

кандидатами въ конференцъ-министры гр. А. К. Разумовскаго и И. И. Шувалова, а въ сенаторы — гр. А. А. Шувалова, И. И. Неплюева, гр. И. Гр. Чернышева, кн. Я. П. Шаховского, гр. Р. Ил. Воронцова, П. И. Костюрина и кн. М. И. Шаховского. Кандидатами въ конференцъ-министры, предложенными самой Конференціей, императрица совсѣмъ не воспользовалась, а назначила членами Конференціи И. И. Неплюева и кн. Я. П. Шаховского, который одновременно былъ назначенъ и генералъ-прокуроромъ. Предложенный Конференціей въ сенаторы гр. И. Гр. Чернышевъ назначенъ оберъ-прокуроромъ Сената. Изъ числа кандидатовъ Конференціи въ Сенатъ назначены: гр. А. И. Шуваловъ, гр. Р. Ил. Воронцовъ, П. И. Костюринъ, кн. М. И. Шаховской и И. И. Неплюевъ, но къ нимъ добавлены А. Гр. Жеребцовъ, В. И. Суворовъ и Я. Л. Хитрово [1]). Такимъ образомъ, императрица не пошла слѣпо по указаніямъ Конференціи, а оставила за собой право разобраться въ предложенныхъ кандидатурахъ и выбрать тѣхъ изъ нихъ, кого нашла болѣе подходящимъ, и замѣнить нѣкоторыхъ изъ нихъ по своему усмотрѣнію.

Возможно, что въ связи съ этимъ порученіемъ, въ Конференціи былъ поднятъ вопросъ о реформѣ Сената. Къ сожалѣнію, отсутствіе подлинныхъ протоколовъ не даетъ возможности разобраться въ этомъ вопросѣ съ желательной полнотой. Однако, можно предполагать, что и этотъ вопросъ внесенъ былъ въ Конференцію, если не по повелѣнію, то съ согласія императрицы, такъ какъ Конференція обсуждала этотъ вопросъ 6 апрѣля 1761 года въ присутствіи императрицы. Рѣчь шла не объ умаленіи значенія Сената, а о раздѣленіи его на двѣ части — судебный сенатъ и правительствующій, при чемъ „Ея Императорское Величество, не будучи отъ того удалена, отозваться изволила, чтобъ Сенату о томъ разсмотрѣть и, разсмотря, представить мнѣніе“ [2]). Во всякомъ случаѣ, здѣсь нельзя видѣть тенденцію со стороны Конференціи къ расширенію своихъ полномочій. Вѣроятнѣе предполагать, что въ виду отягощенія Сената „текущими и времени не терпящими дѣлами“, въ силу чего „отъ продолженія времени“ сильно страдаютъ „челобитчиковы апелляціонныя дѣла“, императрица обратилась къ Конференціи, какъ это бывало и ранѣе, разсмотрѣть этотъ вопросъ.

Вообще Елизавета дорожила своимъ правомъ личнаго назначенія на высшія должности и производства въ высшіе чины. Такъ, во время войны Конференціи было дано право производства по арміи до чина бригадира. Такъ какъ и по гражданскому вѣдомству былъ большой застой въ дѣлахъ изъ за неполнаго комплекта служащихъ, то Конференція возбудила ходатайство

---

[1]) Тамъ же, стр. 74 (указъ 16 августа 1760 года).
[2]) Тамъ же, стр. 75.

о представленіи ей права производства въ штатскихъ чинахъ до чина статскаго совѣтника включительно. Однако, ходатайство это было отклонено императрицей, равно какъ и ходатайство Сената о предоставленіи ему права заполненія вакансій въ канцеляріяхъ, губерніяхъ и коллегіяхъ съ тѣмъ, чтобы лишь президентовъ и губернаторовъ представлять на высочайшее утвержденіе [1]). Въ этомъ отношеніи Елизавета была тверда и, если Конференціи еще могло быть предоставлено право производства по арміи, которая фактически состояла въ ея полномъ вѣдѣніи, то къ гражданскому вѣдомству Конференція уже не имѣла никакого отношенія. Отказъ же Сенату на его ходатайство показываетъ, что императрица ревниво охраняла прерогативы верховной власти монарха.

Такимъ образомъ, всѣ дѣла, какъ будто выходящія изъ сферы компетенціи Конференціи формально и по существу, имѣютъ непосредственную связь съ ея главнымъ назначеніемъ — „сокращеніемъ силъ короля прусскаго". Война вызвала цѣлый рядъ заботъ, которыя не могли не отразиться на внутреннемъ состояніи государства и, такъ какъ Сенатъ не въ силахъ былъ, а, можетъ быть, иногда и не хотѣлъ выйти изъ создавшихся затрудненій, то Конференція вынуждена бывала сама заниматься дѣлами этого рода. Такое положеніе должно было привести и привело Конференцію къ необходимости разобраться въ своей компетенціи и опредѣлить свое значеніе. Это сказывается во внѣшней формѣ — формѣ сношеній — и въ исторіи указа 10 января 1743 года.

Указъ 10 января 1743 года гласилъ: „Отъ сего времени въ Сенатъ никакихъ предложеній, о чемъ бы они и отъ кого бы ни были, ни письменныхъ, ни словесныхъ, безъ письменныхъ Нашихъ указовъ за Нашею рукою — дѣйство не производить" [2]). Между тѣмъ, высочайшее повелѣніе въ засѣданіи Конференціи 5 октября 1756 года о порядкѣ сношеній Конференціи [3]) создало такое положеніе, что практически въ Сенатъ должны были поступать такія высочайшія повелѣнія и именные указы черезъ Конференцію. Кромѣ того, практически создалось положеніе, что рѣшенія Конференціи, „пріемлемыя въ оной резолюціи", если они сообщались одновременно въ Сенатъ и какую либо изъ коллегій, то въ первый поступали въ формѣ экстракта изъ протокола, а во вторую — въ формѣ именного указа, съ чѣмъ, конечно, Сенату приходилось считаться. Другими словами, Сенатъ подъ видомъ экстракта изъ протокола получалъ высочайшій указъ, что ставило его въ подчиненное положеніе. Конференція могла этимъ широко пользоваться: если Сенатъ могъ

[1]) Тамъ же, стр. 49-50.
[2]) Полн. Собр. Законовъ, т. XI, № 8694.
[3]) Протоколы. Сборникъ, т. 136, стр. 308, № 108.

игнорировать или опротестовать какую либо „резолюцію“ Конференціи, направленную въ формѣ „экстракта“ только въ его адресъ, то стоило лишь эту же резолюцію сообщить одновременно еще куда-нибудь въ формѣ „рескрипта“, какъ такой протестъ становился для него невозможнымъ. Это, а равно и противорѣчіе высочайшаго повелѣнія 5 октября 1756 года съ указомъ 10 января 1743 года, конечно, сказалось на практикѣ и вызвало всеподданнѣйшій докладъ Сената о томъ, что „въ Правительствующемъ Сенатѣ черезъ разныхъ лицъ записываются и письменно сообщаются изустныя Ея Императорскаго Величества повелѣнія ко исполненію, тако жъ изъ Конференціи въ экстрактахъ о разныхъ дѣлахъ сообщаютъ ко исполненію Ея Императорскаго Величества словесные указы, во оной записанные“, между тѣмъ, какъ и Генеральный Регламентъ и упомянутый указъ 10 января 1743 года запрещаютъ „таковые въ дѣйство производить... безъ особливаго за подписаніемъ собственные Ея Императорскаго Величества руки указу“ [1]). Сенатъ просилъ разъясненія и указанія по этому вопросу указомъ императрицы „за собственноручнымъ подписаніемъ“. Прямого отвѣта на этотъ докладъ не послѣдовало. Но Конференція съ своей стороны подготовляла отвѣтъ на этотъ докладъ. Въ ней былъ составленъ проектъ указа, который толковалъ, что запрещеніе „въ дѣйство производить“ относится только къ такимъ повелѣніямъ, которыя нарушали прежніе письменные указы, или противорѣчили бы существующимъ законамъ, или же, наконецъ, „новый законъ установляли“. Однако, указъ этотъ не состоялся, а въ декабрѣ 1761 года указъ 10 января 1743 года былъ затребованъ изъ Сената въ кабинетъ, что означало отмѣну его дѣйствій [2]). Т. обр., верховная власть съ одной стороны не хотѣла подтверждать указа 10 января 1743 года, а съ другой стороны понимала создавшееся противорѣчіе съ экстрактомъ 5 октября 1756 года, но не хотѣла измѣнить и его. Чрезвычайно симптоматично, что одинъ изъ набросковъ проекта указа о порядкѣ объявленій и исполненій высочайшихъ повелѣній говоритъ: „но понеже и напротиву того не всегда съ такою скоростью указы къ подписанію Нашему подносимы и подписываемы быть могутъ, какой случающіяся дѣла и соизволенія Наши, всегда ко пользѣ государства и подданныхъ касающіяся, иногда требуютъ“, то отсюда несомнѣнно вытекаютъ полномочія Конференціи на объявленіе такихъ высочайшихъ повелѣній [3]). Очевидно, мысль о необходимости такого полномочнаго учрежденія проводилась тогда весьма настойчиво.

---

[1]) Моск. архивъ Мин. Юстиц. по Сенату кн. 3302, лл. 127-128 и 317; Прѣсняковъ, цит. соч., стр. 45-46.

[2]) Прѣсняковъ, цит. соч., стр. 46-47.

[3]) Тамъ же, стр. 47-48.

То, что въ нѣдрахъ Конференціи существовала тенденція къ расширенію ея полномочій, оспаривать невозможно. Объ этомъ говорятъ, во первыхъ, мелочи, часто скрытыя въ неясной и неопредѣленной фразѣ. Такъ, напримѣръ, 5 января 1761 года составленъ протоколъ, который, послѣ разсмотрѣнія цѣлаго ряда вопросовъ экономической политики, заканчивается такими словами: „если къ симъ или другимъ подобнымъ нужнымъ дѣламъ еще потребны будутъ какія объясненія по имѣющимся въ Конференціи свѣдѣніямъ, оная всегда охотно будетъ содѣйствовать славѣ Ея Императорскаго Величества, пользѣ отечества и *похвальнымъ* стараніямъ Правительствующаго Сената“ [1]). Экстрактъ, конечно, не состоялся, такъ какъ явно противорѣчилъ намѣреніямъ императрицы и создавалъ Конференціи столь широкую компетенцію, которая уже была отвергнута ранѣе. Во вторыхъ, говоритъ объ этомъ и проектъ, писанный рукой секретаря Конференціи Д. В. Волкова въ началѣ 1761 года, о порядкѣ рѣшенія дѣлъ. Согласно этого проекта дѣло сначала обсуждается въ коллегіи, которая представляетъ свое мнѣніе въ Сенатъ; Сенатъ въ свою очередь свое заключеніе представляетъ въ Конференцію; въ дальнѣйшемъ авторъ проекта колеблется, кому принадлежитъ окончательное утвержденіе, — исключительно ли Конференціи или въ важныхъ случаяхъ должно восходить къ императрицѣ, однако, въ заключеніе рѣшаетъ, что все писанное отъ Конференціи „скорому и немедленному исполненію подлежитъ“ [2]). Наконецъ, говорятъ объ этомъ и тѣ конфликты, которые возникали у Конференціи съ Синодомъ и Сенатомъ.

Сенатъ чувствовалъ и понималъ невысказываемую внутреннюю тенденцію Конференціи занять господствующее по отношенію къ нему положеніе. Но такъ какъ эта тенденція на дѣлѣ проявлялась мало, то и оставлялъ ее безъ особаго вниманія. Только въ 1761 году, при новомъ генералъ-прокурорѣ, кн. Я. П. Шаховскомъ, Сенатъ далъ рѣшительный отпоръ Конференціи по вопросу о сборахъ съ западныхъ провинцій. Конференція запросила Сенатъ экстрактомъ, какія повинности несли прежде подъ шведскимъ владычествомъ Лифляндія, Эстляндія и Финляндія, что съ нихъ получается теперь, а также просила, разсмотрѣвъ этотъ вопросъ, сообщить свое мнѣніе Конференціи. Сенатъ опредѣлилъ сообщить въ Конференцію экстрактъ изъ протокола, что всѣ справки по этому вопросу собраны, Сенатъ вопросъ обсуждалъ, но рѣшенія никакого не вынесъ потому, что „Правительствующій Сенатъ въ силу должности сенатской и высочайшихъ Ея Императорскаго Величества 1741 года декабря 12 и 1760 года августа 16 указовъ, какъ первое государственное мѣсто, кромѣ Ея Императорскаго Величества, не

[1]) Тамъ же, стр. 118-119.
[2]) Тамъ же, стр. 33-34.

обязанъ никому своего мнѣнія подавать...“ и далѣе: „То дѣло, яко государственное, надлежитъ рѣшить всему Правительствующему Сенату въ полномъ собраніи, какъ о томъ и точно должность Сената 1722 года повелѣваетъ, дѣла государственныя, которыя имѣютъ быть рѣшены въ Сенатѣ, подъ оными сентенціи закрѣплять всему Сенату...“ между тѣмъ, „гг. конференцъ-министры всѣ, сами присутствующіе въ Сенатѣ“ — фактически въ Сенатѣ не бываютъ. Подписали: Неплюевъ, кн. Алексѣй Голицынъ, кн. Одоевскій, Жеребцовъ, гр. Романъ Воронцовъ, Костюринъ, кн. Михаилъ Шаховской [1]).

Столкновеніе съ Синодомъ произошло по поводу займа изъ синодальныхъ суммъ, когда Конференція въ подтвержденіе своего права сослалась на значеніе своихъ экстрактовъ, равносильныхъ именнымъ указамъ, на что Синодъ вполнѣ резонно отвѣтилъ, что нигдѣ такого указа опубликовано не было и ему о томъ ничего неизвѣстно. Сознавая силу синодскихъ возраженій, Конференція представила императрицѣ „во извѣстіе“ записку о принятыхъ рѣшеніяхъ, которыя приняты были ею по соглашенію съ Сенатомъ „въ надеждѣ на высочайшую апробацію“ [2]).

Если прибавить къ этому „саботажъ“ Сената въ дѣлѣ осуществленія мѣднаго передѣла по проекту гр. П. И. Шувалова [3]), побѣду кн. Я. П. Шаховского, проведшаго принципъ, что „внутреннія государственныя дѣла до разсмотрѣнія и разрѣшенія министерской Конференціи не подлежатъ“ [4]) и позицію императрицы во всѣхъ случаяхъ, когда Конференція выступала изъ отведенныхъ ей рамокъ, то внутренняя тенденція Конференціи будетъ совершенно ясна. Если она и не претендовала на мѣсто упраздненнаго Кабинета Министровъ, то въ своей области, въ сферѣ порученныхъ ей дѣлъ, она хотѣла поставить себя выше всѣхъ остальныхъ учрежденій. Однако, отсутствіе формальнаго учредительнаго о ней акта и опредѣленія ея полномочій и взгляды императрицы не давали ей возможности занять это положеніе. Особенно интересенъ, какъ попытка оформить значеніе Конференціи, проектъ, писанный рукою Волкова. Основная идея проекта — необходимость для Россіи такого государственнаго учрежденія, которое объединило бы всю государственную политику во всѣхъ областяхъ въ однѣхъ рукахъ. „Главное дѣло въ томъ состоитъ, чтобы всѣ государственныя дѣла между собою согласовались и всѣ къ одному стремленію, т. е. къ общей пользѣ и славѣ всея Имперіи такимъ образомъ текли, чтобъ каждое дѣло другому и всѣмъ подкрѣпленіемъ и

[1]) Тамъ же, стр. 124-125; Соловьевъ, т. 24, столб. 1183-1184.
[2]) Прѣсняковъ, цит. соч., стр. 109-110.
[3]) См. выше стр.
[4]) Прѣсняковъ, цит. соч., стр. 290-291.

споспѣшествованіемъ служило, и того отнюдь не случилось, чтобъ одно дѣло, будучи само по себѣ весьма полезное и похвальное, разрушало однако же другія не меньше полезныя дѣла, а сіе несходство почти избѣгаемо быть не можетъ, есть ли всѣ новыя дѣла будутъ происходить изъ разныхъ мѣстъ"[1]). Въ силу этого авторъ проектируетъ объединеніе всѣхъ учрежденій подъ главенствомъ Конференціи, въ которой и получаютъ окончательное утвержденіе всѣ дѣла, разработанныя въ коллегіяхъ и представленныя въ нее съ заключеніемъ Сената. Однако, проектъ этотъ такъ проектомъ и остался и дальнѣйшаго движенія не получилъ. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ сказать, что эта тенденція Конференціи опредѣлиться, какъ учрежденію, и при томъ учрежденію съ болѣе обширными правами даже, чѣмъ Сенатъ, тлѣетъ въ нѣдрахъ Конференціи, почти не прорываясь наружу, и даже въ нѣдрахъ ея принимаетъ опредѣленныя осознанныя формы лишь къ концу ея существованія — къ 1761 году, къ началу котораго относится и возникновеніе самого проекта.

Итакъ, весь доступный намъ матеріалъ позволяетъ прійти къ слѣдующему заключенію:

1. Конференція возникла въ тотъ моментъ, когда Россія пришла къ намѣренію энергично проводить свои планы внѣшней политики и готовилась бороться противъ возрастающаго значенія на международной аренѣ Фридриха Великаго. Учреждена была Конференція со спеціальной задачей — составленія „генеральнаго статскаго или систематическаго плана, которому бы, прямо слѣдуя, все служило къ главному устремленію, а именно, чтобъ короля прусскаго до пріобрѣтенія новой знатности не допустить, но паче силы его въ умѣренные предѣлы привести и однимъ словомъ не опаснымъ уже его для здѣшней Имперіи сдѣлать"[2]), а также проведенія этого плана въ жизнь.

2. Конференція носила не характеръ офиціальнаго учрежденія, а характеръ личнаго совѣта при императрицѣ, составленнаго изъ лицъ, пользующихся ея личнымъ, особымъ довѣріемъ, въ виду чего объ учрежденіи не было опубликовано ни особаго учредительнаго акта, ни штатовъ его, а первое время оно не имѣло даже своего помѣщенія. Въ силу тенденціи императрицы къ сохраненію полноты личнаго участія государя въ дѣлахъ управленія, Конференцію можно разсматривать, какъ своего рода комиссію при личномъ кабинетѣ императрицы. Какъ кабинетъ не проявляетъ внѣшне своего участія въ государственномъ управленіи, такъ и Конференція должна была быть скрыта за другими высшими государственными учрежденіями. Поэтому всѣ внѣшнія сношенія, переписка съ послами и резидентами при

[1]) Тамъ же, стр. 33-34.
[2]) Протоколы. Сборникъ, т. 136, стр. 2-3, № 2.

чужихъ правительствахъ, сношенія съ иностранными представителями при русскомъ дворѣ ведутъ Канцлеръ и Коллегія Иностранныхъ Дѣлъ, хотя фактически почти всѣ эти дѣла обсуждаются и рѣшаются въ Конференціи. Поэтому же, когда возникающая война не позволяла болѣе Конференціи совсѣмъ скрываться отъ высшихъ учрежденій, ея сношенія съ Сенатомъ и Синодомъ должны были вестись экстрактами, а сношенія съ остальными установленіями были скрыты за формой высочайшихъ рескриптовъ, хотя и за подписью членовъ Конференціи.

3. Кругъ дѣлъ Конференціи ограничивался руководствомъ войной и дипломатическими сношеніями по подготовкѣ ея, веденію и подготовкѣ мирныхъ переговоровъ. Въ связи съ веденіемъ войны Конференціи пришлось включать въ сферу своей дѣятельности нѣкоторые вопросы внутренней политики, главнымъ образомъ, финансоваго характера. На этой почвѣ неизбѣжны были столкновенія съ Сенатомъ.

4. Назначеніе Конференціи поставило въ полную отъ нея зависимость три государственныя коллегіи — Иностранныхъ дѣлъ, Военную и Адмиралтейскую, дѣятельность которыхъ въ этотъ періодъ всецѣло укрывается за дѣятельностью Конференціи. На этой почвѣ неизбѣжны были недоразумѣнія между этими коллегіями и Сенатомъ, которому по регламенту онѣ были подчинены. Особенно ощутительно было для Сената изъятіе изъ его вѣдѣнія военныхъ силъ, которыя ему бывали необходимы для поддержанія внутренняго порядка въ странѣ[1]).

5. Кромѣ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Конференціи по самому ея назначенію, въ ней обсуждались иногда дѣла, выходящія изъ сферы ея прямого назначенія. Однако, въ большинствѣ случаевъ дѣла эти возникали въ ней въ порядкѣ личныхъ порученій императрицы или иногда возбуждались другими учрежденіями, искавшими авторитетнаго разъясненія. Такое расширеніе сферы компетенціи Конференціи проистекало иногда и отъ значенія лицъ, входящихъ членами въ ея составъ, и отъ отсутствія юридической опредѣленности ея учрежденія, и вообще отъ отсутствія яснаго юридическаго сознанія въ ту эпоху въ Россіи. Общій строй государственнаго управленія въ Россіи въ тотъ моментъ еще не былъ окончательно разработанъ. Россія лишь постепенно шла къ установленію министерствъ, что и сказывается въ системѣ отдѣльныхъ порученій. Жизнь никогда нельзя вогнать въ узкія юридическія рамки и нельзя поэтому юридически строго требовать, чтобы каждое установленіе занимало мѣсто, которое существуетъ въ юридической схемѣ, но котораго фактически оно не занимаетъ.

---

[1]) Прѣсняковъ, цит. соч., стр. 114-116.

6. Конференція дѣйствительно была тѣмъ Тайнымъ Военнымъ Совѣтомъ, который проектировалъ А. П. Бестужевъ-Рюминъ для руководства активной внѣшней политикой, и считать ее скрытымъ Кабинетомъ Министровъ ни въ коемъ случаѣ нельзя. Это была особая междувѣдомственная комиссія, спеціально учрежденная для руководства участіемъ Россіи въ семилѣтней войнѣ.

7. Всѣ тенденціи къ расширенію значенія Конференціи дальше остававшагося безъ послѣдствій прожектерства не шли, а попытки выйти изъ отведенной ей сферы пресѣкались императрицей и никакого вліянія на общій ходъ дѣлъ не имѣли.

Прага Чешская, Сентябрь 1923 года. *Всев. Саханевъ.*

Платонъ въ древней Руси.

Вступленіе.

Свѣдѣнія объ античной философіи въ древней Руси.

Знакомство съ философіей началось на Руси въ ту эпоху, когда вообще во всей Европѣ она была служанкой богословія. Такое отношеніе къ знанію прекрасно выражено въ извѣстной у насъ съ очень давнихъ временъ „Книгѣ философской" Іоанна Дамаскина. Тамъ философіи дается такое опредѣленіе: „Философія есть разумѣніе сущаго и его естества, разумѣніе божественныхъ и человѣческихъ вещей, видимаго, и невидимаго, и паки философія есть познаніе смерти, произвольной и естественной, стремленіе въ мудрости подражать Богу, и паки философія есть хитрость хитростямъ и художество художествамъ, ибо философіею всякая хитрость обрѣтается и всякое художество, хитрость же есть — руками дѣлаемое, а художество — всякая мысленная хитрость: грамматика, риторика и т. п., и паки философія есть любленіе премудрости, премудрость же истина Божія есть и любовь къ Богу: сіе есть истинная философія"[1]). Въ другомъ мѣстѣ Дамаскинъ писалъ: „Царицѣ (богословію) прилично имѣть въ услуженіи рабынь; такъ и мы, взявъ въ помощь рабовъ (свѣтскія науки), позаимствуемся у нихъ истинными словами"[2]).

При подобномъ міровоззрѣніи витантійцевъ и ихъ русскихъ учениковъ, конечно, нельзя было ожидать, чтобы представители мыслящаго круга въ древней Руси получили бы и стали бы изучать античныхъ философовъ, какъ таковыхъ, въ полномъ видѣ и въ безпристрастномъ освѣщеніи.

Наоборотъ, до насъ доходили только тѣ изъ сочиненій античныхъ философовъ, которыя наиболѣе подходили къ христіанскому ученію, и при томъ доходили или съ комментаріями отцовъ и учителей церкви, или въ видѣ сдѣланныхъ ими извлеченій. Еще чаще античныя философскія теоріи преподносились намъ заново переработанныя въ сочиненіяхъ христіанскихъ авторовъ.

---

[1]) Великія Минеи-Четіи за Декабрь 1-5 (Пам. слав.-рус. письм., вып. X, М. 1901), стр. СЧД.

[2]) Иконниковъ, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи. Кіевъ, 1869, стр. 512.

Наиболѣе близкими къ христіанству по своему міровоззрѣнію изъ античныхъ философскихъ направленій, или легче всего поддающимися христіанской обработкѣ, были стоицизмъ, неоплатонизмъ и перипатетизмъ. Они то намъ и были преподаны въ обработкѣ византійскихъ авторовъ.

Съ XIV в. у насъ появились *„Епиктита философа* главизны аскетическія" съ толкованіями *Максима Исповѣдника*[1]). Хотя онѣ не получили особенно широкаго распространенія, но все же дошло до насъ нѣсколько списковъ ихъ. Древнему читателю изреченія *стоиковъ* становились извѣстными также по разнымъ сборникамъ. Въ „Пчелѣ" и въ хроникѣ Георгія Амартола встрѣчаются имена: Эпиктета, Зенона, Хризиппа[2]). Потомъ появляется статья: „Сказаніе о стоическихъ философахъ"[3]). Кн. Курбскій переводилъ Paradoxa stoicorum Цицерона[4]).

Позднѣе, въ XVII в., Григорій Скибинскій сообщалъ новыя свѣдѣнія о нихъ въ своемъ сочиненіи „О градѣ Римѣ"[5]). Въ каталогѣ одной изъ монастырскихъ библіотекъ отмѣчена книга Луція Сенеки „О всякихъ дѣлахъ"[6]). Книга Сенеки была въ библіотекѣ Заиконоспасской Академіи[7]).

Гораздо больше успѣха досталось на долю неоплатонизма и христіанскаго платонизма. Проводникомъ охристіаненнаго неоплатонизма на Руси явились преимущественно сочиненія *псевдо-Діонисія Ареопагита* съ толкованіями того же *Максима Исповѣдника*. Всѣ они существовали въ древне-русскихъ переводахъ: 1) „О небесномъ священноначаліи", 2) „О божественныхъ именахъ", 3) „О церковномъ священноначаліи", 4) „О таинственномъ богословіи", и 5) десять посланій. Списки ихъ, появившись въ переводѣ 1371 г. юго-славянскаго инока Исаіи[8]), становятся потомъ у насъ чрезвычайно распространенными. Они были включены въ свое время въ Великія Минеи-Четіи митрополита Макарія подъ 3 Октября[9]) и существовали до XVII вѣка включительно почти въ каждомъ русскомъ монастырѣ[10]).

---

[1]) Соболевскій, Пер. Лит. Моск. Русп., с. 16.

[2]) Сб. Отд. рус. яз. и сл., т. 54; Истринъ, Книги Временныя и Образныя, с. 62, 198.

[3]) Иконниковъ, О культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, с. 517, Правосл. Соб. 1860, I, 227-35.

[4]) С. Д. Балухатый, Переводы кн. Курбскаго и Цицеронъ. („Гермесъ" 1916 г., № 5-6), с. 9.

[5]) Чт. Общ. Ист. и Др. 1914 г. II, стр. 149.

[6]) А. Н. Фатѣевъ, Къ исторіи юридической образованности въ Россіи, стр. 146, прим. 28.

[7]) Врем. Общ. Ист. и Др. 1853, кн. 16-я, № 418.

[8]) Великія Минеи-Четіи за 1-3 Окт. Пам. слав.-рус. письм., СПБ. 1870, стр. 263-787.

[9]) Т. ж., и Оглавленіе Четьихъ-Миней (Чт. Общ. Ист. и Др. 1847, кн. 4).

[10]) Опись книгамъ, въ степенныхъ монастыряхъ находившимся, составленная въ XVII вѣкѣ (Чт. Общ. Ист. и Др. 1848, кн. 6).

Объ остальныхъ христіанскихъ и нехристіанскихъ философахъ и мыслителяхъ, подвергшихся вліянію *платонизма* и *новоплатонизма*, намъ изъ Византіи было сообщено кое что отчасти въ видѣ цѣлыхъ ихъ твореній, отчасти въ отрывкахъ и извлеченіяхъ черезъ разные сборники и писанія другихъ авторовъ. Въ „Пчелѣ", Хроникѣ Георгія Амартола, книгѣ Козьмы Индикоплова, сочиненіяхъ Максима Грека и другихъ произведеніяхъ часто встрѣчаются имена: Филона Александрійскаго, Плутарха, Плотина, Прокла, Іустина, Климента Александрійскаго, Оригена, Максима Исповѣдника[1]). Собственными твореніями въ древней Руси были представлены въ славянскихъ переводахъ: Григорій Богословъ, Григорій Нисскій, Максимъ Исповѣдникъ, Василій Великій, Ѳеодоритъ Кирскій, Михаилъ Пселлъ и др.[2]). Позднѣе матерьялъ увеличивается: напр., въ библіотекѣ Заиконоспасской Академіи были: книги Августина, Климента Александрійскаго, Плутарха, Іустина, Оригена и др.[3]).

Наиболѣе распространенными проводниками христіански обработанныхъ теорій *Аристотеля* являлись на Руси:

1) Шестодневъ Іоанна, экзарха Болгарскаго, составленный на основаніи Шестоднева Василія Великаго, твореній Аристотеля и другихъ пособій. Древнѣйшій изъ извѣстныхъ списковъ восходитъ къ 1263 г.[4]).

2) Діоптра или Зерцало Филиппа Пустынника съ предисловіемъ знаменитаго византійскаго философа Михаила Пселла. Въ ней замѣтно знакомство съ Аристотелемъ, стоиками, Платономъ и др. Древнѣйшій списокъ 1305 г.[5]).

---

[1]) Сб. Отд. рус. яз. и слов., т. 54: „Пчела".

Истринъ, Книги Временныя и Образныя Георгія Мниха, с. 414, 407, 70. Иконниковъ, О культурномъ значеніи Византіи, стр. 517, 518, 538.

[2]) Архангельскій, Творенія отцовъ церкви (Ж. М. Н. Пр., 1888, Іюль, стр. 1-2, Авг. стр. 245-246).

Соболевскій, Перев. литер. Моск. Руси XIV-XVII вв. СПБ. 1903.

Оглавленіе Четьихъ-Миней митр. Макарія (Чт. Общ. Ист. и Др. 1847, кн. IV). О платонизмѣ означ. отцовъ, кромѣ Архангельскаго, см. напр. въ исторіи философіи Ueberweg-Geyer, Berlin 1928, II, с. 74, 121, и др. и въ словарѣ Радлова, СПБ. 1911.

[3]) Врем. Общ. Ист. и Др. 1853, кн. 16-я См. также: Собр. поученій Епифанія Славинецкаго, гдѣ приводятся свидѣтельства изъ: Климента Александрійскаго, Прокла, Іустина, Плутарха и др. (Опис. ркп. Моск. Син. Б-ки, отд. II, 3, приб., № 247, с. 199). Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ (Чт. Общ. Ист. и Др. 1846, кн. III, № 79, II).

Петръ Могила купилъ сочиненія неоплатоника Юліана Отступника и др. (Арх. Ю.-З. Руси, 1, 7, Кіевъ 1887, стр. 187-9).

Изъ арабскихъ философовъ, бывшихъ подъ вліяніемъ Платона, читали Авицену. Тамъ же. Также: Чижевскій, Философія на Украинѣ, Прага 1929, с. 60 и 75.

[4]) Чт. Общ. Ист. и Др. 1879, кн. III.

[5]) М. Безобразова, Замѣтки о Діоптрѣ (Ж. М. Н. Пр. 1893, Ноябрь).

3) Отцы и учителя церкви, какъ-то: Анастасій Синаитъ, Ефремъ Сиринъ и др.[1]).

Особенно же важнымъ проводникомъ Аристотелевыхъ идей для древней Руси являются творенія *Іоанна Дамаскина,* на которыхъ столь сильно сказалось тщательное изученіе философіи великаго мыслителя[2]).

Уже съ XII в. у насъ существовалъ переводъ Богословія Дамаскина подъ заглавіемъ: „Слово о правой вѣрѣ". Отрывки изъ его „Книги философской" попали уже въ Святославовъ Изборникъ 1073 г., полный же переводъ ея попадается въ рукописяхъ съ XV в. Потомъ оба сочиненія попали въ Макарьевскія Великія Минеи-Четіи[3]) и стали затѣмъ самыми распространенными изъ книгъ этого рода, составляя необходимую принадлежность библіотеки каждаго степеннаго монастыря.

Іоаннъ Дамаскинъ изъ всѣхъ авторовъ сыгралъ наибольшую роль для воспитанія способности къ философскому мышленію въ образованной части русскаго общества. Строгая аристотелевская школа мысли Іоанна, ясное изложеніе, хорошій переводъ должны были сильно содѣйствовать дѣлу[4]).

Въ Богословіи, кромѣ основныхъ богословскихъ понятій, сообщается много свѣдѣній по естествознанію: о небеси, о свѣтѣ, огнѣ и свѣтильницѣхъ, о воздусѣ и вѣтрехъ, о водахъ, о землѣ и иже отъ нея. Въ книгѣ философской излагаются основы главнѣйшихъ отвлеченныхъ понятій, имѣются главы: о разумѣ и мысли, о философіи, о сущемъ, существѣ и случаѣ, „о родѣ и видѣ", о несѣкомомъ (т. е. недѣлимомъ), „о существѣ и естествѣ", о количествѣ и качествѣ, о движеніи, о предѣлѣ и т. д.[5]). Разсужденія построены строго логически, въ ихъ числѣ имѣется, напр., такое: „О десятихъ роднѣйшихъ родъ, едино существо есть, девять же случая. Суть же сія: существо, количество, къ чесому, каково, где, когда, лежати, имѣти, творити, страдати". (ТНА).

Но образъ Аристотеля для древней Руси, наряду съ приспособленіемъ его къ христіанскому міровоззрѣнію, искажался еще вслѣдствіе двухъ обстоятельствъ:

1) Во многихъ сочиненіяхъ онъ изображался еретикомъ: Шестодневъ полемизируетъ съ Аристотелемъ[6]), Малала обвиняетъ его вмѣстѣ съ другими философами за то, что они прельстили людей своими баснями о богахъ[7]), Амартолъ обзываетъ

---

[1]) Архангельскій, Творенія отцовъ церкви, стр. 39, 243.

[2]) Архангельскій, Творенія отцовъ церкви въ др.-русской письменности (Ж. М. Н. Пр. 1888, Іюль, Августъ) стр. 245-247, 253.

[3]) Великія Минеи-Четіи подъ 4 Декабря.

[4]) Опись книгамъ степенныхъ монастырей (Чт. Общ. Ист. и Др., 1848, № 6).

[5]) Великія Минеи-Четіи отъ 4 Окт. вып. X, стр. СЧД-ТЧВ.

[6]) Иконниковъ, с. 515.

[7]) Иконниковъ, с. 522.

его „блудникомъ“ [1]), Козьма Индикопловъ восклицаетъ: „Какой Сократъ, какой Пиѳагоръ, какой Аристотель, какой изъ философовъ древности окажется настолько ученымъ, чтобы возвѣстить міру вполнѣ полезное“ [2]). Обновляется эта нелюбовь къ Аристотелю нѣкоторыхъ изъ авторовъ и позднѣе, напр., въ писаніяхъ Максима Грека [3]) и Іоанна Вишенскаго [4]).

2) Въ древней Руси существовали также и сочиненія апокрифическаго псевдо-Аристотеля или, во всякомъ случаѣ, сомнительнаго Аристотеля: Тайная тайныхъ или Аристотелевы Врата и „Проблемата“ [5]).

Поздчѣе начинаютъ распространяться на Руси и подлинныя сочиненія Аристотеля. Князь Курбскій внимательно изучилъ его Физику и Этику [6]). Можетъ быть, Аристотеля читалъ бояринъ Ѳ. Ив. Карповъ [7]). Что-то изъ твореній Аристотеля существовало въ библіотекахъ царя Михаила Ѳедоровича [8]) и ученаго монаха Епифанія Славинецкаго [9]). Политика Аристотеля встрѣчается въ составѣ книгъ Артамона Сергѣевича Матвѣева [10]). Въ библіотекѣ Заиконоспасской Академіи описаны: Политика и Логика Аристотеля [11]). Въ описи же 1675 г. патріаршихъ и иныхъ книгъ Аристотель попадается во множествѣ экземпляровъ, въ томъ числѣ Физика и др. [12]).

Въ XVII ст. начинается въ Кіевѣ, а съ конца его и въ Москвѣ, болѣе или менѣе регулярное преподаваніе философіи по Аристотелю [13]). Онъ былъ въ Кіево-Могилянской и Заиконоспасской Московской Академіяхъ главнымъ авторитетомъ въ риторикѣ, логикѣ и др. предметахъ. По выраженію Лихудовъ, Аристотель „яко свѣтильникъ вселенную, невѣжествомъ одержимую, просвѣти“, они заявляютъ, что такъ какъ уже нѣсколько

---

1) Иконниковъ, с. 524.
2) Иконниковъ, с. 539.
3) Иконниковъ, с. 513.
4) Милюковъ, Оч. ист. рус. культ., ч. II, изд. 4-е, СПБ. 1905, с. 255.
5) Соболевскій, Пер. лит., с. 45, 155, 166, 419.
6) Архангельскій, Творенія отцовъ церкви, стр. 221-2.
7) Ржига, Бояринъ-Западникъ XVI в. Ученыя Записки Института Исторіи, т. IV, М. 1929, с. 46-47.
8) Иконниковъ, с. 239. Фатѣевъ, Къ исторіи юридической образованности въ Россіи с. 146.
9) Ундольскій, Ученые труды Епиф. Славинецкаго (Чт. О. Ист. и Др. 1846. № 4).
10) И. А. Шляпкинъ, Св. Димитрій Ростовскій и его время. СПБ. 1891, стр. 74-76, Цвѣтаевъ. Къ исторіи культуры въ Россіи въ XVI и XVII вв. (Фил. Записки 1890, I, стр. 14.
11) Врем. Общ. Ист. и Др. кн. 16-я, 1853 г., №. 94 и 389.
12) Чт. Общ. Истр. и Др. 1846, №. 5.
13) Петровъ, Описаніе ркп. собр., наход. въ г. Кіевѣ. М. 1896, вып. II, стр. 87, 94, 441, 447, 489. Смирновъ, Ист. Моск. Слав.-Греко-Лат. Академіи, М. 1885.

вѣковъ всѣ почти академіи избрали его какъ бы вождемъ и главою философіи, то они „намѣрены слѣдовать ему“ [1]).

Остальные античные философы были извѣстны древней Руси XI-XVII вв. преимущественно черезъ различнаго рода сборники, хроники и иныя сочиненія. Важнѣйшими среди нихъ являются:

1) „*Пчела*“, въ которой помѣщены изреченія: Аристотеля, Демокрита, Діогена, Эпиктета, Эпикура, Пиѳагора, Сократа, Филона и др. Въ первоначальной редакціи она была составлена Максимомъ же Исповѣдникомъ, ук. выше.

2) Книга Козьмы Индикоплова, упоминающаго Аристотеля, Пиѳагора, Сократа и др.

3) Хроники Георгія Амартола и Іоанна Малалы, сообщающія кое что объ Аристотелѣ, Сократѣ, Пиѳагорѣ, Парменидѣ, Гераклитѣ и др.

4) Сочиненія Максима Грека, писавшаго изъ Пиѳагора, Сократа, Аристотеля, Эпикура и др.

5) Азбуковники или сказанія о неудобь познаваемыхъ рѣчахъ, содержащія статьи объ Аристотелѣ, Пиѳагорѣ, Демокритѣ, стоикахъ и др.

6) „Цвѣты Дарованія“, Апоѳегматы и пр.

Т. о., въ теченіе вѣковъ др. Русь смотрѣла на античныхъ философовъ сквозь очки Максима Исповѣдника, Шестоднева, Іоанна Дамаскина и др. византійскихъ или византійствующихъ писателей [2]), а отчасти судила о нихъ по апокрифическимъ сочиненіямъ. Лишь постепенно, подъ западнымъ вліяніемъ, она начинаетъ освобождаться отъ византійскаго философскаго плѣна и апокрифовъ и непосредственно знакомиться съ подлинными произведеніями древнихъ философовъ.

---

[1]) Мирковичъ, О школахъ и просвѣщеніи въ патріаршій періодъ (Ж. М. Н. Пр. 1878, Іюль, с. 50).

[2]) Причиной особеннаго вниманія нашихъ древнихъ книжниковъ къ псевдо-Діонисію Ареопагиту, Максиму Исповѣднику и І. Дамаскину было то обстоятельство, что они были послѣдними завершителями православной святоотеческой философіи. О таковомъ ихъ значеніи см.: у Ueberweg-Geyer, II, стр. 128-131 и у Карсавина (Св. Отцы и Учители церкви, стр. 228-247).

Платонъ въ древней Руси.

I.

Обозрѣніе источниковъ.

Платонъ издревле былъ извѣстенъ на Руси, почти отъ самаго начала существованія нашей письменности. Во многихъ переводныхъ и самобытныхъ произведеніяхъ ея и переписывавшихся у насъ югославянскихъ переводахъ встрѣчаются нѣкоторыя свѣдѣнія о немъ и приписываемыя ему изреченія или отрывки изъ его твореній.

Такія свѣдѣнія и отрывки прежде всего появились у насъ въ составѣ *византійскихъ* литературныхъ памятниковъ въ югославянскихъ или русскихъ переводахъ.

Изъ ихъ числа обращаютъ на себя наибольшее вниманіе:

1) различные сборники и трактаты,

2) сочиненія историческаго характера.

Вѣроятно, съ конца XII или начала XIII в. появился на Руси сборникъ, именуемый „Пчела" или „Рѣчи и мудрости отъ Евангелія и отъ Апостола и отъ святыхъ мужъ и *разумъ внѣшнихъ ѳилософъ*"[1]). Въ немъ помѣщено наибольшее количество изъ извѣстныхъ въ нашей древности изреченій, приписываемыхъ Платону. Книга эта была очень распространена въ древней Руси, о чемъ, кромѣ количества списковъ, свидѣтельствуетъ то, что извлеченія изъ нея помѣщались въ предисловіи къ „Мѣриламъ Праведнымъ", въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ. Наряду съ полными списками „Пчелы", позднѣе существовали и ея сокращенныя передѣлки, какъ, напр., редакція 1599 года[2]), съ меньшимъ количествомъ платоновскихъ цитатъ.

Съ XII вѣка встрѣчался на Руси сокращенный изводъ сборника словъ Іоанна Златоустаго подъ названіемъ *„Златоструй"*. Съ XV в. извѣстны уже его списки полнаго извода. Въ немъ имѣется 2 слова, посвященныхъ отчасти Платону. Одно

---

[1]) Древняя Русская Пчела по пергаментному списку (Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Импер. Акад. Наукъ, т. 54, № 4, СБП. 1893).

[2]) М. Н. Сперанскій, „Переводные сборники изреченій въ славяно-русской письменности. Изслѣд. и тексты". (Чтенія Общ. Ист. и Др. 1901, кн. IV, 1905, кн. 1-2). Прил., стр. 178, 186 и др.

изъ нихъ подъ заглавіемъ: „Слово о лжихъ философѣхъ и о Платонѣ и о прочихъ... и апостоломъ похвала“ [1]).

Достойно вниманія отношеніе къ Платону *Шестоднева* Іоанна, экзарха Болгарскаго, древнѣйшій списокъ котораго сохранился отъ 1263 года, одного изъ наиболѣе важныхъ и распространенныхъ въ древней Руси трактатовъ о мірозданіи [2]).

Скрытыя заимствованія изъ Платона можно замѣтить также въ *Шестодневѣ* Георгія Пизида, переведенномъ на славяно-русскій языкъ въ 1385 г. Дм. Зографомъ [3]).

Съ 1305 г. встрѣчаются на Руси списки философскаго трактата *Филиппа Пустынника*, носящаго заглавіе *Діоптра* или *Зерцало*, съ предисловіемъ знаменитаго византійскаго мыслителя *Михаила Пселла*. Въ этомъ сочиненіи г-жа М. Безобразова усматриваетъ заимствованія изъ Платона [4]).

Чрезвычайно были распространены въ древней Руси „Книги иже въ святыхъ отца нашего *Діонисіа Ареопагитьцкаго*“, съ толкованіями Максима Исповѣдника, въ переводѣ юго-славянскаго инока Исаіи 1371 г., вошедшія потомъ въ составъ Великихъ Миней-Четіихъ. Здѣсь говорится о Платонѣ въ толкованіяхъ Максима и Исаіи [5]).

Въ XV-XVIII вв. у насъ сдѣлались особенно распространенными „Книги Философскія *Іоанна Дамаскина*“. Тамъ Сократъ и Платонъ приводятся въ качествѣ примѣровъ вида „человѣкъ“ [6]).

Не забытъ Платонъ и въ богословско-географическомъ сочиненіи египетскаго монаха VI в. *Козьмы Индикоплова*, славянскій переводъ котораго у насъ вращался съ XVI в. подъ заглавіемъ: „Книга, нарицаемая *Косма Индикопловъ*, избранная отъ божественныхъ писаній, благочестивымъ и повсюду славимымъ киръ Козмою къ хотящимъ христіанствовать [7])“.

Однимъ изъ древнѣйшихъ сборниковъ древне-русской переводной письменности является Ефремовская *Кормчая Книга*,

---

[1]) Е. Голубинскій, Ист. рус. церкви, приложеніе: библіографія: „Златоструй“, слова 91 и 123; Срезневскій, Свѣд. и Зам. о малоизв. памятникахъ, XXII, вып. III, СПБ. 1867; Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ (Чт. Общ. Ист. и Др. 1846, кн. III, стр. 96); Малининъ, Изслѣдованіе Златоструя по ркп. XII в. (Прил. къ Тр. Кіев. Дух. Ак. 1878, № 1-5, стр. 48 и 54, слова 92 и 124).

[2]) Чт. Общ. Истр. и Др. Росс. 1879, кн. III.

[3]) Шляпкинъ, Шестодневъ Георгія Пизида въ слав.-рус. переводѣ 1385, СПБ. 1882, Прим. 315, 508, 727, 1416.

[4]) М. Безобразова, Замѣтка о Діоптрѣ (Ж. М. Н. Пр. 1893, ноябрь). Вел. Минеи-Четіи Февр. 29, Книга Зерцало Михаила Пселлога о спираніи души съ тѣломъ (Чт. Общ. Ист. и Др 1847, кн. 4).

[5]) Великія Минеи-Четіи за Октябрь, дни 1-3. СПБ. 1870 (Пам. слав.-рус. письм. изд. Археогр. Ком., стр. 273, (375, 511, 532), 533, 619.

[6]) Великія Минеи-Четіи, Декабря 1-5. Москва 1901 (Пам. слав.-рус. письм. изд. Археогр. Ком. вып. X), стр. 353 (ТНГ).

[7]) Иконниковъ, с. 538; Текстъ въ Пам. Др. Письм. 1881 г., № 86.

которая по мнѣніямъ И. И. Срезневскаго и В. Н. Бенешевича относится къ XI-XII вв. Въ ней помѣщена *„Повѣсть Епифанія, епископа Кипрскаго, о ересяхъ“*, въ которой имѣется довольно большое для того времени разсужденіе о „платоньцахъ“. Эта повѣсть и позднѣе входила въ содержаніе и другихъ Кормчихъ Новгородской и Рязанской редакцій[1]).

Изъ сочиненій историческихъ византійскаго происхожденія наибольшее количество свѣдѣній о Платонѣ содержится въ „Книгахъ Временныхъ и Образныхъ Георгія мниха“ или *„Хроникѣ Георгія Амартола“* въ древнемъ славяно-русскомъ переводѣ[2]). Здѣсь помѣщены не только многія разсужденія о Платонѣ и отрывки приписываемыхъ ему изреченій, но и опредѣленныя ссылки на нѣкоторыя изъ его сочиненій (Законы, Федонъ). Все это разбросано по разнымъ мѣстамъ хроники и приводится въ связи съ общимъ ходомъ развитія мыслей самого Амартола, какъ бы въ подкрѣпленіе или изъясненіе его доводовъ[3]).

Въ славянскомъ переводѣ *хроники Іоанна Малалы*, или, вѣрнѣе, въ отрывкахъ ея, сохранившихся въ Еллинскомъ Лѣтописцѣ и Іудейскомъ хронографѣ, содержится цѣлая глава: „О Платонѣ Елинскомъ Философѣ“[4]).

Въ болѣе позднемъ и отчасти передѣланномъ и дополненномъ на Руси *Хронографѣ 1512 г.*, въ главѣ „О Еллинскихъ моудрецѣхъ“, восьмой параграфъ посвященъ Платону, о которомъ говорится и въ другомъ еще мѣстѣ хронографа[5]).

Также встрѣчаются упоминанія о Платонѣ въ разныхъ житіяхъ и другихъ произведеніяхъ. Напр., въ Житіи св. Екатерины сообщается, что она „бы извыкла вся книгы Вергилиискы и витиискы, бѣ бо вѣдоущи вся книгы Асклиповы, и Галиновы, Аристотелевы, и Омироновы, и *Платоновы*, и Фильстионовы, и Евсѣевы, и Анніны, и Амріины, Діонисовы, и Сивоулы мертвыхъ волхованія“[6]).

Нѣсколько меньше вниманія удѣляется Платону въ славяно-русскихъ переводахъ *западнаго происхожденія*, начавшихъ

---

[1]) И. М. Срезневскій, Обозрѣніе др.-русскихъ списковъ Кормчей Книги (Сб. отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 65, СПБ. 1897) стр. 76 и 151.

[2]) Изд. В. М. Истрина, т I. Текстъ, Петроградъ, 1920 г.

[3]) Мѣста и страницы означены въ приложенномъ къ изданію В. М. Истрина указателѣ.

[4]) В. М. Истринъ, Хроника Іоанна Малалы въ славянскомъ переводѣ, кн. 6-7 (Сборникъ Отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 89, СПБ. 1911, № 3), стр. 1, 11, 29, 50.

[5]) П. С. Р. Л., т. XXII. Рус. Хроногр., ч. I-я, Хроногр. ред. 1512 г. СПБ. 1911, стр. 128-129 (гл. 37) и 164-165 (гл. 82).

[6]) См. Житіе св. Екатерины, с. 3 (Слов. Срезневскаго. I, с. 1392): „Обиходникъ“ Кир. м-ря (Лѣт. Зан. Археогр. Ком. 1864 г., вып. III, с. 97. № 1516); и проч.

появляться у насъ въ поздне-московскомъ періодѣ. Однако, и въ нихъ многократно появлялись свѣдѣнія о Платонѣ.

Довольно много цитатъ изъ него имѣется въ сборникѣ итальянскаго происхожденія: *„Цвѣты Дарованій“* [1]).

Небольшое повѣствованіе о Платонѣ помѣщено въ *„Апоѳегматахъ,* сіесть соплетенныхъ краткихъ повѣстяхъ“ [2]).

Упоминанія о Платонѣ встрѣчаются также въ двухъ трактатахъ:

1) *Описаніе винъ, ими же къ гибели и къ разоренію всякая царства приходятъ* и съ которыми дѣлы въ цѣлости и смиреніи содержатся и строятся". Начинается онъ словами: „Прежде подобаетъ показати дву мудрецовъ слова — Платона и Ксенофонта...“ [3]).

2) Сказаніе о 7 свободныхъ мудростяхъ. Въ главѣ его о второй мудрости: діалектикѣ, рекше словесницѣ упоминаются „Омиръ и Платонъ и похвальный во вратѣхъ Аристотель“ [4]).

Однако, описи тогдашнихъ *библіотекъ* указаній на существованіе въ нихъ *подлинныхъ сочиненій Платона* почти не даютъ.

Можетъ быть, какое то изъ твореній Платона имѣлось во второй половинѣ XVII в. или у духовника царя Алексѣя Михайловича, протоіерея Андрея, или въ одномъ изъ монастырей Московскаго государства, по крайней мѣрѣ, въ составленномъ въ 1718 г. „каталогѣ книгамъ, собраннымъ изъ разныхъ монастырей и отъ духовника Андрея Протопопова“, подъ № 639, стоитъ: „Платона Ѳилосоѳа“, если бы думать, что книга и не принадлежала духовнику „тишайшаго“ царя, то все же трудно предположить, чтобы изъ монастырей собирали лишь только что въ нихъ поступившее [5]).

Въ каталогѣ библіотеки Львовской Успенской Церкви 1637 г. имѣется опредѣленное указаніе на Платона на греческомъ языкѣ [6]).

Изъ *самостоятельныхъ* древне-русскихъ сочиненій, говорившихъ о Платонѣ, заслуживаютъ особаго упоминанія слѣдующія:

---

[1]) Сперанскій, ук. соч., прил., с. 230-239.
[2]) Буслаевъ, Ист. Христ., стр. 1387-1392, № CXXVI.
[3]) Соболевскій, Пер. литература Моск. Руси XIV-XVII вв. СПБ. 1903. II. Западное вліяніе, стр. 164-165.
[4]) Т. ж., стр. 166. Объ Аристотелѣ авторъ имѣетъ, очевидно, понятіе на основаніи неправильно ему приписываемаго сочиненія: Аристотелевы Врата или Тайная Тайныхъ.
[5]) Пам. Др. Письм., № CIII, 1894 г.
[6]) Архивъ Ю.-З. Руси, ч. I. т. 10, стр. 161-2 (Свѣдѣнія о Львовской библіотекѣ сообщены мнѣ Д. И. Чижевскимъ).

1) Посланія *Климента Смолятича*, писателя XII в., писанныя „отъ Омира, отъ Аристотеля и отъ Платона“ [1]).

2) „*Степенная Книга* царскаго родословія“, гдѣ удѣлено много мѣста легендамъ о Платонѣ [2]).

3) Комментаріи на Іоанна Дамаскина *князя Курбскаго*, видимо, основательно изучившаго Платона и вообще античную философію. Опредѣленно онъ говоритъ о діалогѣ Парменидъ [3]).

4) „*Оглавленіе книгъ, кто ихъ сложилъ*“, гдѣ говорится объ Аристотелѣ, какъ ученикѣ Платона [4]).

5) Сочиненія *Епифанія Славинецкаго*, въ которыхъ приводятся мысли изъ Платонова Федона [5]).

6) „*Палинодія*“ *Захаріи Копыстенскаго*, говорящаго объ интересующемъ насъ философѣ въ нѣскольких мѣстахъ своего сочиненія [6]).

7) „Зерцало Богословія“ *Кирилла Транквилліона Ставровецкаго* [7]).

8) „Алфавитъ розманитнымъ еритикамъ“ *Іоанникія Голятовскаго* [8]).

9) Трактатъ *Григорія Скибинскаго:* „Краткое сказаніе и описаніе тремя частьми о граде Римѣ і всей Италіи з нѣкоторыми грады западныхъ царствъ, въ которыхъ великіи академіи знайдутся“, въ особенности глава его шестая: „О академіяхъ, училищахъ, мудрости и науце греческой вкратце“. Ссылается онъ и на подлинные діалоги Платона, какъ Тимей, и на чужія сочиненія, говорящія о немъ, какъ то блаж. Августина „О градѣ Божіемъ“, Діогена Лаэрція и др. [9]).

10) Наконецъ *Азбуковники* [10]).

(О преподаваніи Платона въ Кіево-Могилянской Академіи XVII в. я пока не могъ еще достать точныхъ данныхъ).

Изъ дѣйствовавшихъ на Руси *грековъ* пользовались идеями Платона или дѣлали ссылки на него слѣд. авторы:

---

[1]) Н. К. Никольскій, О литературныхъ трудахъ м-та Климента Смолятича. СПБ 1892, стр. 104; Хр. Лопаревъ, Посланіе м-та Климента къ Смоленскому пресвитеру Ѳомѣ. Пам. Др. Письм., № ХС, 1892 г., стр. 13.

[2]) П. С. Р. Л., т. XXI, с. 166-167.

[3]) Архангельскій, Творенія отцовъ церкви въ др.-рус. письменности (Ж. М. Н. Пр. 1888, іюль, авг.) с. (221), 264, 266.

[4]) Чт. Общ. Ист. и Др. Рос. 1846, кн. III, стр. 18.

[5]) Опис. Слав. Рук. Моск. Син. Библ., Отд. II, 3 приб., с. 199, № 247.

[6]) Р. И. Б., т. IV, с. 531, 900, 920.

[7]) Почаевъ, 1618. См. Дм. Чижевскій, Философія на Украинѣ, Прага 1929, с. 57 и прим. 19.

[8]) Чижевскій, ук. соч. , стр. 60.

[9]) Чт. Общ. Истр. и Др. 1914, кн. IV.

[10]) Карповъ, Азбуковники, стр. 188-192; Каптеревъ, Истр. рус. педаг. стр. 91.

1) *Митрополитъ Никифоръ* въ своемъ посланіи къ Владиміру Мономаху [1]).

2) *Максимъ Грекъ* въ разныхъ сочиненіяхъ, въ томъ числѣ въ письмѣ къ просвѣщенному московскому боярину Ѳеодору Ивановичу Карпову о звѣздоточіи [2]).

3) *Братья Лихуды* въ ученыхъ курсахъ, преподававшихся ими въ Москвѣ [3]).

По содержанію сравнительно большое количество платоновскихъ идей докатывалось до древней Руси не изъ свѣдѣній о самомъ Платонѣ. а безъименно черезъ сочиненія нѣкоторыхъ его послѣдователей или писателей, отчасти воспріявшихъ его идеи.

Такъ, у насъ, какъ выше было сказано во введеніи, были извѣстны въ сравнительно большомъ объемѣ сочиненія Аристотеля, Діонисія Ареопагита, Іоанна Дамаскина и многихъ отцовъ церкви, напр., Григорія Богослова, Василія Великаго, Григорія Нисскаго и др.[4]).

II.

Платонъ-Еретикъ.

На основаніи перечисленныхъ сочиненій мы можемъ составить себѣ понятіе о двухъ вопросахъ: 1) объ образѣ Платона въ древней Руси, т. е. о преимущественно положительномъ или отрицательномъ къ нему отношеніи, 2) о тѣхъ приписываемыхъ ему идеяхъ, которыя докатились до умовъ нашихъ предковъ.

Въ нѣкоторыхъ изъ вышеуказанныхъ сочиненій Платонъ и „платоняне“ изображаются преимущественно или отчасти съ отрицательной стороны: на нихъ обрушивается негодованіе исповѣдниковъ православія, какъ на еретиковъ.

Очень отрицательные отзывы о Платонѣ встрѣчаются въ „словахъ“ Іоанна Златоустаго, въ сборникѣ *„Златоструй“*. Одно

---

[1]) И. С. Свѣнцицкій, Начала философіи въ рус. литературѣ XI-XVI вв., Львовъ 1901, стр. 7-8; М. В. Безобразова, Посланіе митр. Никифора (Изв. Отд. рус. яз. и сл. Ак. Наукъ, 1898, IV, 1080-1085); Иконниковъ, Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ рус. исторіи. К. 1869, стр. 514, пр. I.

[2]) Сочиненія, I, 354, 417; Иконниковъ, т. ж., стр. 513 прим.: Его же, Максимъ Грекъ I, 92-99; Свѣнцицкій, ук. соч. стр. 15; В. Ф. Ржига, Бояринъ-Западникъ XV в. (Учен. Зап. Инст. Ист., т. IV, М. 1929).

[3]) С. Смирновъ, Ист. Моск. Славяно-Греко-Латинской Академіи, М. 1885, стр, 55.

[4]) Соболевскій, Перев. лит. Моск. Руси XIV-XVII вв. СПБ. 1903; Оглавленіе Четьихъ-Миней митр. Макарія (Чт. Общ. Ист. и Др. 1847, кн. IV); А. С. Архангельскій, Творенія отцовъ церкви въ др.-русской письменности (Ж. М. Н. Пр. 1888, іюль, стр. 1-2, авг., стр. 245-246).

изъ нихъ причисляетъ Платона къ „лживымъ философамъ“, другое употребляетъ въ отношеніи къ нему неудобочитаемое ругательство. Обвиняется онъ между прочимъ въ томъ, что училъ (вмѣстѣ съ другими ложными философами) о существованіи душъ у скотовъ и птицъ[1]).

Въ книгѣ *„Обиходникъ“* Кириллова монастыря, въ главѣ „Отъ большихъ правилъ“, высказывается мнѣніе, будто *Платонъ суемудрецъ*, Аристотель ревнитель закону, проказству сосудъ, Галинъ врачеству сказатель, кощунникъ тваремъ; паки другіе витіи ромейскіе сосуды злые: Донатъ треклятый, Катонъ сквернитель лживый, витія нечистотъ... *„всѣ прилагаютъ намъ зло къ зл,“*[2]).

Іоаннъ, экзархъ Болгарскій, *въ Шестодневѣ* обвиняетъ Платона, будто онъ укралъ Моисеевы словеса о сотвореніи человѣка по образу и подобію Божію, и, укравъ, исказилъ ихъ, ибо не понялъ. „Рече бо (Богъ къ Моисею): створимъ человѣка по образу нашему и подобству. Платонъ же: именованія образьнаго и подобнаго“[3]).

По свѣдѣніямъ *Малалы*, Платонъ, вмѣстѣ съ другими философами „еллинскими“, жившими въ его „лѣта“, Ксенофонтомъ, Эсхиломъ и Аристотелемъ, ввелъ въ человѣки „прельски въдушения“, т. е. ученіе о переселеніи душъ: увѣряя, будто души нѣкоторыхъ людей переселялись въ медвѣдицу, во льва, въ телицу, въ морского пѣтуха, ласточку, соловья и т. д. „таковаа кощуньствоваша сии и иже по сих“[4]).

То же отрицательное отношеніе распространяется иногда на *„платонянъ“* или, вѣроятно, *новоплатониковъ*. Такъ *Повѣсть Епифанія*, епископа Кипрскаго, помѣщавшаяся во многихъ Кормчихъ, говоритъ вообще о многихъ ересяхъ. Среди нихъ перечислены ереси и еретики: варварство, скифство, еллинство, іудѣйство, пифагоряне, (перипатетики) рекше ходильници[5]), стоици, епикуріи, разумници (или гностики), а въ томъ числѣ и *„платонъци“* или *„платоняне“*.

Имъ вмѣняется въ вину слѣдующія мнѣнія: Бога и вещь (т. е. матерію) и видъ (т. е. идеи вещей) и міръ почитаютъ

---

[1]) Голубинскій, прил., „Златоструй“, слова 91 и 123; Малининъ, ук. соч., стр. 48 и 54 (слова 92 и 121).

[2]) Лѣт. Зап. Арх. Ком. 1864, вып. III, стр. 97, Описаніе ркп. сборниковъ Новг. Соф. Б-ки, наход. въ СПБ. Дух. Акад. № 1516, л. 36 на об., глава 80 о мудрецахъ.

[3]) Чтенія Общ. Ист. и Др. 1879, кн. III, стр. CAI (211).

[4]) В. М. Истринъ, Хроника І. Малалы въ славянскомъ переводѣ (Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 89, № 3, СПБ. 1911), стр. 29 и 50.

[5]) Въ подлинникѣ, видимо, по опискѣ переписчика, слово *перипатетики* пропущено, но по смыслу оно должно стоять передъ словами *„рекше ходильници“*.

рожденными и тлѣнными. Наряду съ единымъ Богомъ проповѣдуютъ существованіе многихъ боговъ. Душу считаютъ нерожденною, безсмертною и божественною, состоящею изъ трехъ частей: словесная (т. е. разумная), яростная (т. е. стремящаяся, аффективная) и похотная (т. е. чувственная). Души будто бы могутъ переселяться въ тѣлеса даже дробныхъ животныхъ. Жены должны быть общими для всѣхъ, никто не можетъ имѣть своей собственной единой жены, но всѣ да сходятся хотящіе съ хотящими [1]).

Изъ русскихъ авторовъ болѣе поздняго времени о еретичествѣ Платона говорили Іоаннъ Вишенскій и Іоанникій Голятовскій [2]).

III.

Почитаніе Платона.

Въ другихъ изъ вышеуказанныхъ сочиненій, и даже въ большинствѣ ихъ, преобладало положительное отношеніе къ Платону, доходящее до прямого почитанія. Въ *„Пчелѣ“* изреченія его помѣщаются наряду съ цитатами изъ Евангелія, Апостоловъ и Отцовъ Церкви. Значеніе этого обстоятельства еще увеличивается тѣмъ, что „Пчела“ включена въ имѣющійся при нѣкоторыхъ Кормчихъ списокъ „Книгъ святыхъ новаго закона“ [3]), она вошла и въ составъ Макарьевскихъ Четьихъ Миней, въ предисловіи къ которымъ говорится, что въ нихъ „всѣ святыя книги собраны и написаны, которыя въ Русской землѣ обрѣтаются [4])“.

Шестодневъ Іоанна, экзарха Болгарскаго, отзывается сочувственно о нѣкоторыхъ мысляхъ Платона, соглашаясь съ ними [5]).

Въ толкованіяхъ инока Исаіи и Максима Исповѣдника на *Діонисія Ареопагита* ставится риторическій вопросъ: „что бо есть Платонъ, развѣ Моѵси аѳиньствуя?“; въ другомъ мѣстѣ о немъ говорится, что онъ „любомудрствовалъ“ о безсмертіи души [6]).

У *Амартола* Платонъ именуется „славнымъ въ Елинѣхъ“ (с. 67), „премудрымъ“ (с. 74), говорится, что онъ былъ „Елинъ всѣхъ премудрѣи и выше и славенъ“ (с. 78), ему ставится въ

---

[1]) Бенешевичъ, Др.-славянская Кормчая XIV титуловъ, стр. 644 и слѣд.

[2]) Милюковъ, Оч. ист. рус. культ., ч. II, изд. 4-е, СПБ. 1905, с. 255. Чижевскій, ук. соч. с. 60.

[3]) Розенкампфъ, Обозр. Корм. Книги, стр. 185-187 (2-е изд).

[4]) Оглавленіе Четьихъ-Миней м-та Макарія (Чтен. Общ. Ист. и Др. 1847, кн. 4) и Великія Минеи-Четіи за Сентябрь: Лѣтописецъ (т. е. предисловіе).

[5]) Чтен. Общ. Ист. и Др. 1879, кн. III, стр. стр. ДІ об. САІ, СІЗ (14 на оборотѣ, 211, 217).

[6]) Великія Минеи-Четіи, Окт. 1-3, „книгы иже въ святыхъ отца нашего Діонисіа Ареопагитьцкаго“, стр. 273, 702 и сл.

заслугу, будто онъ въ Египтѣ научился у евреевъ богословію (с. 70 и 78) и многое заранѣе правильно предъисповѣдалъ согласно Священному Писанію и христіанскому ученію (см. ниже [1]).

Въ томъ же духѣ написана у *І. Малалы* глава о „Еллинскомъ философѣ и сказателѣ Платонѣ премудромъ“ [2]).

Также *въ Хронографѣ 1512 г.* говорится, что „Еллины и въ числѣ ихъ Платонъ, прежде пророкъ пророчествовали и Бога прославляли, отчасти касаясь истины“ [3]).

Въ Степенной Книгѣ сообщается легенда, будто въ лѣта греческаго царя Константина и матери его Ирины обрѣтены были кости во гробѣ Платона Еллина. Кости эти тогда же были *крещены* словесъ его ради, написанныхъ имъ въ своей философіи, что „Аполлонъ нѣсть богъ, но жрецъ, ибо есть Богъ на небеси, Ему же предстоитъ снити на землю и воплититися отъ Дѣвы Чистыя, въ Него же и азъ вѣрую“. Вмѣнено было ему въ заслугу и то, что, по преданію, когда Христосъ послѣ крестной смерти сошелъ во адъ, то прежде другихъ увѣровалъ въ Него Платонъ. И потому, когда завѣса церковная разодралася на-двое, и гробы отверзлись, и многія тѣлеса усопшихъ святыхъ возстали, то вмѣстѣ съ ними возсталъ и Платонъ. И заповѣдано было имъ черезъ Ангела итти чрезъ рѣку Іордань во свидѣтельство Воскресенію Господа нашего Іисуса Христа. И крещены были во святой водѣ Іорданской, пріемля по одному ризы бѣлыя. Потомъ три дня повелѣно имъ было оставаться въ Іерусалимѣ, пока не минула свѣтоносная ночь Христова Воскресенія, тогда покрыли ихъ облака и стали они невидимы [4]).

Максимъ Грекъ говоритъ, что „Платонъ внѣшнихъ философъ верховный“, онъ лучшій и наиболѣе истинный философъ, разумъ его просвѣтился высшею мудростью и въ его сочиненіяхъ находится наиболѣе чистая философія [5]).

Даже еще въ XVII ст. встрѣчаются необычайно высокіе отзывы о Платонѣ.

Въ Апоѳегматахъ, „сіесть соплетенныхъ краткихъ повѣстяхъ“, высказывается сужденіе, что Платонъ превосходилъ всѣхъ учениковъ Сократовыхъ разумомъ и ученіемъ. Ему вскорѣ послѣ рожденія предсказана была его будущая мудрость: когда

---

[1]) Истринъ, Книги Временьныя и Образныя Георгія мниха, стр. 67, 70, 74, 78.

[2]) Сборн. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Акад. Наукъ, т. 89 № 3, (стр. 29 и 50.

[3]) П. С. Р. Л., т. XXII, СПБ. 1911, стр. 164-165.

[4]) Ст. Книга, стр. 166-167. Хотя лѣтописецъ относится осторожно къ этой легендѣ: „о Платонѣ, аще есть истина, или ни, вѣдущимъ истину сія оставляемъ судити“.

[5]) Сочин. I, 354, 417, Иконниковъ, Макс. Грекъ, 1, 92-99, Его же, О культурномъ значеніи Византіи, с. 513; Свѣнцицкій, с. 15.

онъ еще младенцемъ спалъ въ колыбели, ему на уста сѣли пчелы [1]).

Захарія Копыстенскій въ „Палинодіи", хотя и считалъ необходимымъ опровергать изреченіе блаж. Іеронима: „Какъ Платонъ былъ первымъ или княземъ средь философовъ, такъ и Петръ былъ первымъ или княземъ средь апостоловъ", хотя и доказывалъ, что, если бы это и было правильнымъ, отсюда не слѣдуетъ, будто Платонъ былъ монархомъ надъ философами, а Петръ надъ апостолами, однако, въ нѣсколькихъ мѣстахъ съ чрезвычайнымъ уваженіемъ говорилъ о „мудрости Платоновой [2]).

Пространно восхваляетъ Платона *Григорій Скибинскій*: „Первая секта ученія философскаго, „академическая", въ царствѣ греческомъ, послѣ халдейскихъ, египетскихъ и еврейскихъ ученій, явилась отъ философа Платона. Секта академическая называется отъ мѣста „Академо", которое было недалеко отъ града Аѳинъ, зѣло прекрасное и разными деревами прекрасными украшенное. Платонъ, „божескій ѳилозоѳъ", всѣмъ наукамъ на томъ мѣстѣ училъ всѣхъ приходящихъ открыто и явно и академію зѣло превеликую сдѣлалъ близъ града Аѳинъ, которая стала „матка всѣхъ наукъ и родителька всѣхъ ѳилозоѳовъ и богослововъ". Но гдѣ аѳинская академія была, тамъ нынѣ козы скачутъ..., и всякъ, кто придетъ на то мѣсто, заплачетъ. Такъ и я сотворилъ, когда проходилъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ была аѳинская академія, идучи изъ Кандіи. Платонъ всѣ науки въ себѣ имѣлъ отъ халдѣевъ, египтянъ и евреевъ, а отъ послѣднихъ и богословіе. Платоново все ученіе было отъ книгъ Моисеевыхъ и пророковъ, отъ которыхъ и святые отцы учились. Всѣ древніе святые отцы церкви восточной послѣ пророковъ, евангелистовъ и апостоловъ училися Платонову ученію въ Аѳинахъ и имѣли его въ себѣ. Ради высокаго разума и ученія правдиваго Платонъ называется „божескій ѳилозоѳъ" [3]). При томъ ученіе Платоново, въ противоположность Аристотелеву, всякому легко понимать [4]).

Иногда Платонъ помѣщался даже на *иконахъ*. Такъ, въ Отенской пустыни имѣлась икона 1462 г., на которой Платонъ помѣщенъ подъ Іоанномъ Богословомъ, и тамъ же надпись: „Аполлонъ нѣсть богъ, но есть Богъ на небесехъ, ему же снити на землю и воплотитися" [5]). Въ Успенскомъ Новгородскомъ Соборѣ Платонъ былъ изображенъ на золотыхъ дверяхъ, а въ

---

[1]) „Платонъ всѣхъ же учениковъ Сократовыхъ ученіемъ и разумомъ превосхожаше. Предображаше бо ся о немъ будущее. Егда тому въ колыбели малу спящу пчелы на устну сѣдоша"...
(Буслаевъ, Ист. христ., стр. 1387-1392, № CXXVI).

[2]) Р. И. Б., т. IV, с. 530, 900. 920.

[3]) Чт. Общ. Ист. и Др. 1914. кн. II, с. 148.

[4]) с. 150-151.

[5]) Буслаевъ, соч., 377. Ссылка на описаніе греческихъ философовъ въ Сборномъ Подлинникѣ графа Строганова.

рукѣ его свитокъ[1]). Въ Вяжицкомъ монастырѣ Новгородской губерніи и уѣзда въ Николаевской церкви существовали на иконостасѣ старинныя изображенія греческихъ философовъ[2]).

Каковымъ нужно было изображать Платона на иконахъ, описано въ Лицевомъ Подлинникѣ: „Русъ, кудрявъ, въ вѣнцѣ, риза голуба, исподъ киноварь, рукою указуетъ на свитокъ". На свиткѣ же должно быть написано одно изъ его изреченій: „Понеже Богъ благъ есть и благословенію есть виновенъ, злымъ же никакоже", или „Аполлонъ нѣсть богъ, но есть Богъ на небесѣхъ, Ему же снити на землю и воплотитися отъ Дѣвы Чистыя, въ Него же и азъ вѣрую; и по четырехъ стѣхъ лѣтъ по божественнѣмъ его рождествѣ мою кость осіяетъ солнце"[3]).

IV.

Свѣдѣнія изъ философіи Платона.

По содержанію, въ древне-русской письменности изъ философіи Платона (настоящей и мнимой) было извѣстно то, что касалось ближе всего религіозныхъ и этическихъ вопросовъ.

По амартоловскому Платону, Богъ есть существующій присно, не имѣющій рожденія (с. 75), Богъ все сотворилъ изъ преждесуществовавшей нерожденной вещи (т. е. матеріи) (с. 67), Богъ есть благій, и потому является причиной только благого и неповиненъ въ существованіи зла (с. 76), Богъ есть Царь всѣхъ и Кормчій, начало, конецъ и средоточіе всѣхъ сущихъ (с. 80).

Душа человѣческая безсмертна и богообразна (с. 74 и 414). Она свободна и является владычицею страстей (с. 74). Богъ вложилъ въ нее разумѣніе благого и злого разума (с. 248). Поэтому она отвѣтственна за свои поступки. Свѣтомъ душевнымъ раздѣлены лучшіе и худшіе (с. 74). За поступки души человѣческія ожидаетъ воздаяніе (с. 44), умершимъ подобаетъ быть судимымъ праведнымъ судомъ, — тогда несовершенный и скверный, сойдя въ адъ, во тьмѣ изсохнетъ, а совершенный и чистый, оттуда отойдя, вселится у Бога въ блаженныхъ мѣстахъ, вдали отъ всякаго зла (с. 78).

По хроникѣ *Малалы* Платонъ училъ о троичности Божества. Онъ писалъ къ Тимею о Богѣ, что Божество имѣетъ

---

[1]) Это, видимо, сравнительно новая копія со старинной иконы, ибо языкъ надписи на свиткѣ подновленный. Тамъ написано: „Должно надѣяться, что самъ Богъ ниспошлетъ небеснаго утѣшителя и наставника людямъ".

[2]) Гр. М. Толстой, Святыни и древности Великаго Новгорода, стр. 214. Объ изображеніяхъ на иконахъ Платона, Аристотеля и Филона Александрійскаго см. также у Уварова: Христіанская символика, т. I, 1908, стр. 18.

[3]) Буслаевъ, ук. соч. Тамъ же описаніе Аристотеля.

Приведенныя свѣдѣнія объ изображеніи Платона на иконахъ сообщены мнѣ Д. И. Чижевскимъ.

трoякое проявленіе въ трехъ силахъ, составляя, однако, единую силу и Божество: 1) во-первыхъ, Богъ есть верховное добро и причина всякаго добра и милости, 2) во-вторыхъ, Онъ есть умъ, сотворившій все, 3) въ третьихъ, Онъ есть „Животворецъ-Душа“ [1]), всему дающій жизнь, и всѣ эти три силы составляютъ единое Божество [2]).

Въ *Шестодневѣ* Іоанна, экз. Болгарскаго, Платону приписываются слѣд. мысли:

Небесное тѣло не безначально и не безконечно, но имѣетъ подобный началу конецъ (с. ДІ. об.). Оно сложено изъ четырехъ простыхъ стихій (ДІ).

Кромѣ міра чувственныхъ вещей, существуетъ міръ мечты („мъчьть“), сверхчувственныхъ словесъ („словесы нечювства“), „именованій образныхъ“, „образовъ“, т. е. идей. Богъ сотворилъ всѣ вещи по подобію „образныхъ именованій“, смотря на „роды“ и „образы“ прежнихъ „естествъ“ (ст. С13, СІ, САІ).

Размышленіе и умъ являются самыми крѣпкими силами человѣческой души (стр. С13) [3]).

Максимъ Исповѣдникъ въ толкованіяхъ на „Главы иже о божественныхъ именехъ“ *Діонисія Ареопагита* говоритъ о платоновскомъ ученіи объ идеяхъ. При этомъ греческое слово *ἰδέα* переводится терминомъ *„роднѣйшій видъ“* и *„приказнь“*. Однако, Максимъ осуждаетъ Платона за то, что онъ свои мысли „недостойнѣ Божіа пріятъ“, и предпочитаетъ видоизмѣненіе ихъ Діонисіемъ Ареопагитомъ. Послѣдній же опредѣляетъ *„роднѣйшій видъ“*, какъ твореніе самосовершенное и присносущное присносущнаго Бога, въ Бозѣ сущія существорныя и предъ вѣкомъ наставшія словеса, которыя богословіе именуетъ *предъопредѣленіями*, божественными и благими хотѣніями, творящими и раздѣляющими все сущее [4]).

Въ толкованіяхъ на „слово“ Діонисія Ареопагита „О церковномъ священноначаліи“, Максимъ Исповѣдникъ съ одобреніемъ говоритъ объ ученіи Платона о безсмертіи души [5]).

Въ *„Пчелѣ“* содержатся преимущественно нравственныя изреченія „Платона“:

О *разумѣ:* „Начало разуму есть разумѣніе невѣжества своего, мы же невѣдая ничего, мнимъ себя всевѣдущими“ (с. 342). „Великую власть принимающему подобаетъ имѣть великій умъ“ (с. 104).

О *правдѣ:* „Сладко слушать правду, говорить же право лучше, чѣмъ слышать“ (с. 284). „Честенъ тотъ, кто не творитъ

---

[1]) На древнемъ славяно-русскомъ языкѣ душа и жизнь синонимы.
[2]) Стр. 29 и 50.
[3]) Чт. Общ. Ист. и Др. 1879, кн. III.
[4]) Стр. 375 и сл., 532, 533.
[5]) Стр. 619 и сл.

никакой неправды, честнѣй же сугубо не дающій воли никакой другимъ неправду дѣлающимъ: ибо первый достоинъ единаго вѣнца, а второй — многихъ" (49-50). „Всякое ремесло (занятіе), отлучающее человѣка отъ правды, не ремесло есть, но лукавство" (с. 167).

О *богатствѣ:* „Угождающій своему тѣлу не себѣ угождаетъ, а хранящій стяжаніе ни себѣ угождаетъ, ни имѣнію, но удаляется отъ себя" (с. 137). „Не то есть убожество, если имѣніе умалится, но когда несытость умножится" (с. 213). Платонъ, увидѣвъ юношу благороднаго, отчее имѣніе расточившаго съ блудницами, и передъ чужими дверьми сидящаго и хлѣбъ ядущаго съ маслинами и водою, сказалъ ему: „если бы ты ѣлъ добровольно, то не такъ бы ужиналъ (вечерялъ)" (с. 363).

О снѣ и пьянствѣ: „Сонъ многій ни душѣ ни дѣлу не полезенъ, ни дѣяніямъ" (с. 258). „Пьяный кормчій и всякій властелинъ губятъ (прѣвращаетъ) всякій корабль, колесницу, воиновъ и все находящееся подъ ихъ властью" (с. 263).

Въ болѣе поздней редакціи *„Пчелы" (1599 г.)* осталось всего двѣ цитаты изъ Платона [1]).

Въ *„Цвѣтахъ Дарованій"* также нравственныя изреченія Платона, но иного рода: „Если хочешь *возлюбить* человѣка, сначала искуси его, а когда искусишь его, тогда возлюби его чистымъ сердцемъ" (с. 230).

„Если хочешь вѣдать, кто подобенъ тебѣ, посмотри, кого любишь и ради чего" (с. 231).

„Какъ полотно творится тканіемъ, такъ жена ткетъ злобу" (с. 231). „Три вещи изгоняютъ человѣка изъ дому: дымъ, нищета и злая жена" (с. 231, 239) [2]).

Въ трактатѣ *о причинахъ гибели царствъ* Платону приписывается мысль, что всякія царства отъ человѣческихъ винъ или отъ суда Божія пріемлютъ гибель свою и разореніе [3]).

Изъ самостоятельныхъ русскихъ авторовъ, писавшихъ о Платоновой философіи, обращаютъ на себя наибольшее вниманіе слѣдующіе:

Кн. Курбскій имѣлъ представленіе о платоновскихъ „ідіахъ", зналъ, что о нихъ Платонъ написалъ „бесѣду", которой далъ заглавіе по имени философа Парменида, полагавшаго, что все вѣчно и неподвижно (стр. 266). Существо человѣческое, по свѣдѣніямъ кн. Курбскаго, Платонъ опредѣлялъ такъ: „человѣкъ есть звѣрь разумный и смертный" (с. 264) [4]).

---

[1]) Сперанскій, прилож., стр. 178, 186.
[2]) Сперанскій, ук. соч., прил.
[3]) Соболевскій, Пер. лит. Моск. Руси, с. 164-165.
[4]) Толкованія кн. Курбскаго на переводъ І. Дамаскина (Архангельскій, Творенія отцовъ церкви въ др.-русской письменности, стр. 264, 266).

Епифаній Славинецкій пользовался мыслями изъ Платонова Федона [1]).

Захарія Копыстенскій приписываетъ Платону слѣд. изреченіе о Богѣ: „Бога разумѣти есть вещь трудная и межи людъ посполитый мовы о немъ выносити не годится“ [2]). Т. е. говорится о непознаваемости Божества и о сосредоточеніи занятія высшими вопросами философіи въ кругу избранныхъ.

Григорій Скибинскій писалъ, что, по Платону, Тимей, будучи спрошеннымъ, что есть Богъ, отвѣчалъ: „Не есть человѣкъ, ани небо, али чтось большаго“ [3]).

Изъ иноплеменныхъ, дѣйствовавшихъ на Руси, авторовъ, писавшихъ о Платоновой философіи, также обращаютъ на себя вниманіе:

Митр. Никифоръ, согласно съ мыслями Платона, раздѣлялъ душу на три части: разумная (словесная), стремящаяся, аффективная („яростная“) и чувственная („желанная“) [4]).

(О такомъ дѣленіи упоминается также въ Прощальной грамотѣ митрополита Кипріана [5]). Въ Великихъ Минеяхъ-Четіихъ имѣется цѣлая статья на эту тему) [6]).

Максимъ Грекъ, опираясь на Платона, возражалъ противъ астрологіи [7]).

Братья Лихуды въ курсѣ риторики приводятъ ея опредѣленіе Платономъ, какъ душеводительницы (ψυχαγωγόν, flexanimam) [8]).

Т. о., число переводныхъ и самобытныхъ сочиненій, вращавшихся въ древней Руси, въ которыхъ говорилось что-либо о Платонѣ, было довольно велико, и потому онъ былъ у насъ лицомъ хорошо знакомымъ каждому начитанному человѣку.

Но древняя Русь знакомилась съ Платономъ преимущественно не по собственнымъ его произведеніямъ, а черезъ сочиненія различныхъ византійскихъ и иныхъ христіанскихъ авторовъ.

Поэтому знакомство это было не съ настоящимъ античнымъ Платономъ, а съ Платономъ, прошедшимъ сквозь призму средневѣковаго міросозерцанія, легендарнымъ, апокрифическимъ. Онъ немного еретикъ, но больше весьма почитаемый мудрецъ, предтеча христіанства, крещеный послѣ смерти, изображаемый

---

[1]) Опис. ркп. Моск. Синд. Б-ки, Отд. II, 3, приб., с. 199, № 247.
[2]) Р. И. Б., т. IV, с. 920.
[3]) Чт. Общ. Ист. и Др. 1914, кн. II, с. 234.
[4]) Иконниковъ, О культурномъ значеніи Византіи, с. 514 прим.; Свѣнцицкій, с. 5-8; Безобразова, с. 1080-1085.
[5]) Степенная Книга, I, 562. Иконниковъ, с. 514 прим.
[6]) Т. ж.; Оглавленіе Четьихъ-Миней митр. Макарія (Чт. Общ. Ист. и Др. 1887, IV, с. 35). Изъ переводныхъ памятниковъ — то же дѣленіе въ Діоптрѣ (Безобразова, с. 40).
[7]) Соч. I. 417.
[8]) Смирновъ, Ист. Моск. Сл.-Гр.-Лат. Академіи. М. 1885, стр. 55.

на иконахъ, прежде пророковъ пророчествовавшій и раньше вселенскихъ соборовъ опредѣлившій нѣкоторые догматы церкви Христовой.

И изъ философіи его въ такихъ же сочиненіяхъ выбиралось или ему приписывалось то, что соотвѣтствовало христіанству: мысли о Богѣ, о потустороннемъ мірѣ, о безсмертіи души и нравственномъ совершенствованіи. Самая его теорія объ идеяхъ приспособляется къ христіанству.

Получался, несмотря на всѣ искаженія, образъ прекрасный, окруженный ореоломъ поэтическаго обаянія.

Изрѣдка, и то въ болѣе позднее время, попадается иное, болѣе объективное отношеніе къ Платону, когда стали изучать уже собственныя его произведенія.

М. В. Шахматовъ.

Приложеніе.

Замѣтка о значеніи политическихъ идей Платона въ древней Руси.

Послѣ всего изложеннаго о Платонѣ въ древней Руси получаетъ большее значеніе вопросъ о вліяніи его политическихъ идей въ нашемъ прошломъ.

Въ самомъ дѣлѣ, приведенныя выше изреченія Платона о власти и правдѣ связывались въ представленіяхъ начетчиковъ того времени съ образомъ величайшаго и благочестивѣйшаго мудреца древности. При этомъ, главнѣйшія изъ нихъ помѣщались въ „Пчелѣ", которая съ XII до XVII вв. была самымъ распространеннымъ источникомъ политической премудрости нашихъ предковъ[1]). Потомъ эти реченія попали въ предисловіе къ „Мѣрилу Праведному", бывшему настольной юридической книгой едва ли не каждаго владѣтельнаго князя[2]).

Особенное же значеніе пріобрѣла цитата о мудромъ правителѣ: „Великую власть принимающему подобаетъ имѣть великій умъ"[3]). Ибо она была включена въ „чины" вѣнчанія на царство московскихъ государей въ рѣчь митрополита. При этомъ, хотя имя Платона и не было произнесено, надо думать, что цитата была употреблена вполнѣ сознательно, съ опредѣленнымъ представленіемъ о мудрецѣ, которому она въ „Пчелѣ" приписывается.

---

¹) Сперанскій, Переводные сборники изреченій.
Также въ моихъ „Опытахъ" глава объ идеальномъ правителѣ въ изображеніи „Пчелы", стр. 548 и слѣд.

²) Сперанскій, ук. соч.
Калачовъ, „Мѣрило Праведное" (Арх. Ист.-Юр. Свѣд., Кн. I-я, Отд. 3-й, М. 1850).

³) См. выше.

Вѣдь рѣчь святителя, повидимому, была написана м-томъ Макаріемъ, тѣмъ самымъ, который составилъ Четьи-Минеи, вмѣщавшія въ себѣ почти все, сказанное нами выше о Платонѣ XI-XVI вв. Также весьма важно то, что реченіе это должно было произноситься офиціально, въ офиціальной обстановкѣ. Поэтому едва ли подлежитъ сомнѣнію, что мы имѣемъ дѣло съ офиціальнымъ воспріятіемъ въ Московскомъ государствѣ упрощеннаго и укороченнаго платоновскаго политическаго идеала государства философовъ [1]).

Любопытны также съ политической точки зрѣнія вышеприведенныя цитаты Платона изъ „Пчелы" о желательности активнаго противленія неправдѣ.

Невольно чувствуется ихъ родство или аналогія съ проповѣдью Іосифа Волоколамскаго объ активной борьбѣ со зломъ, мысли которой повторяются въ „Чинахъ" вѣнчанія московскихъ государей. Выражены онѣ при помощи образовъ о волкахъ и пастыряхъ, защищающихъ свое государственное стадо отъ волковъ. Такіе же образы часто встрѣчаются и у самого Платона [2]).

М. В. Ш.

---

[1]) См. мою статью „Государственно-Національныя идеи чиновныхъ книгъ вѣнчанія на царство Московскихъ Государей" (Записки Русскаго Научнаго Института въ Бѣлградѣ, вып. I, 1930, стр. 269).

Е. В. Барсовъ, Др.-русскіе памятники свящ. вѣнчанія царей на царство въ связи съ греческими ихъ оригиналами (Чт. Общ. Ист. и Др., 1883, Янв.-Мартъ).

[2]) См. мою статью: „Politická ideologie Josefa Volokolamského" (Sborník věd právních a státních, roč. XXVIII, seš. 3, 1928; стр. 26 отдѣльнаго оттиска).

У самого Платона имѣются выраженія: государственный дѣятель-пастухъ *(ποιμήν)*, пастушеское искусство *(ποιμενική)* (Respublika 343A и дальше, 345C, 370Д и слѣд.), не собаки, а волки у плохого пастуха (Resp. 416A); волки (Nomoi *906B* и дальше, 735A и дальше, 639A); пастухи человѣческихъ стадъ, которыхъ мы называемъ государственными мужами (Политикъ, 267Д и дальше, 275B и дальше) (Теэтетъ, 174B); сравненіе Перикла съ пастухомъ (Горгій, 516A).

(Приведенныя въ семъ примѣчаніи ссылки на подлиннаго Платона доставлены мнѣ Д. И. Чижевскимъ).

Платонъ въ древней Руси.

I.

Собранный и публикуемый въ этой же книгѣ М. В. Шахматовымъ матеріалъ о Платонѣ въ переводной и оригинальной литературѣ древней Руси былъ до настоящаго времени въ большей своей части неизвѣстенъ историкамъ философіи. У историка философіи естественно возникаетъ вопросъ, насколько свѣдѣнія о Платонѣ, доступныя читателю древне-русской литературы, способны были дать ему представленіе о Платонѣ, соотвѣтствующее, конечно, не современнымъ нашимъ воззрѣніямъ, но по крайней мѣрѣ тому традиціонному образу Платона, который сложился въ античности, и традиціонной интерпретаціи его философскаго ученія. Попытку отвѣтить на этотъ вопросъ и даетъ настоящій очеркъ.

Уже бѣглый просмотръ матеріала убѣждаетъ насъ въ томъ, что мы имѣемъ дѣло отнюдь не съ *самостоятельнымъ* философствованіемъ, примыкающимъ къ Платону или исходящимъ изъ него (исключеніемъ являются только такія глубоко-философскія произведенія христіанскаго платонизма, какъ распространенныя въ древней Руси сочиненія Псевдо-Діонисія-Ареопагита) и не встрѣчаемъ попытокъ точнаго изложенія воззрѣній Платона, а только свѣдѣнія, сообщаемыя случайно, по поводу того или иного богословскаго вопроса или разсѣянныя среди другихъ историческихъ данныхъ.

Я произвожу извѣстную систематизацію собраннаго и публикуемаго М. В. Шахматовымъ матеріала и останавливаюсь, прежде всего, на свѣдѣніяхъ, касающихся жизни и личности Платона, а затѣмъ на сообщаемыхъ о его ученіи свѣдѣніяхъ, сначала въ области теоретической, а затѣмъ практической философіи [1]).

---

[1]) Кстати, раздѣленіе философіи на теоретическую и практическую —„зрѣтельную" и „дѣятельную" встрѣчается уже въ древнихъ переводахъ „Книги Философской" Іоанна Дамаскина.

II.

Личность Платона уже въ поздней античности стала объектомъ легенды. Та біографія Платона, которую мы находимъ въ „*Βίοι*" Діогена Лаэрція кн. III, есть не столько жизнеописаніе философа, сколько „житіе" языческаго святого или героя. Вѣдь Діогенъ Лаэрцій сообщаетъ въ первомъ же параграфѣ біографіи Платона даже легенду о томъ, что отцомъ Платона былъ Аполлонъ. Другіе авторы античныхъ біографій Платона не уступали Діогену въ легендарномъ пріукрашеніи жизнеописанія великаго философа. Неудивительно, что и христіанскіе писатели пошли по тому же пути, конечно, mutatis mutandis.

Въ литературѣ древней Руси мы встрѣчаемъ о личности Платона только нѣсколько краткихъ замѣчаній, начиная отъ ошибочнаго пріуроченія времени его жизни къ 1400 году до Рождества Христова (Азбуковникъ) и сообщеній о томъ, что онъ былъ ученикомъ Сократа и учителемъ Аристотеля. Аристотель оказался неблагодарнымъ ученикомъ,— „блудникъ Аристотель", какъ называетъ его Амартолъ, „пріялъ брань" противъ Платона, „ни оучительства его не почте, ... ни преславъного моужа оустыдѣся", „дидаскала своего нечестиво и дерзновенно чюдословилъ есть..." Григорій Скибинскій прославляетъ платоновскую Академію въ патетической, но не лишенной теплоты тирадѣ. Упоминаются и путешествіе Платона въ Египетъ, и обученіе его у евреевъ, благодаря чему онъ де усвоилъ библейскую мудрость, — Платонъ — „аѳинствующій Моисей" (толкованія на Діонисія Ареопагита, ср. „Шестодневъ" Іоанна, экзарха Болгарскаго, Амартолъ, Хронографъ, Гр. Скибинскій). Къ этому присоединяется очаровательная въ своей наивности легенда о воскресеніи Платона и крещеніи его костей.

1. Легенда о пчелахъ, сѣвшихъ на уста лежавшему въ колыбели младенцу Платону, какъ бы предзнаменуя тѣмъ медовую сладость его краснорѣчія, разсказанная въ „Апофегматахъ", заимствована у Цицерона De divinatione 1, 36, 78.

2. О странствіяхъ Платона въ Египетъ „къ пророкамъ" — *παρὰ τοὺς προφήτας* — разсказываетъ Діогенъ Лаэрцій III, 6, „тамъ его спутникомъ будто бы былъ Еврипидъ", прибавляетъ онъ. Такой же разсказъ найдемъ у Плутарха (*περὶ τοῦ Σωκράτους δαιμονίου*, c. 7, p. 579), на Плутарха и ссылается Амартолъ. Разсказываетъ о такой поѣздкѣ и Цицеронъ De finibus bonorum et malorum, 5, 29, 87. Однако, болѣе древніе біографы, подробно разсказывая о путешествіяхъ Платона, о поѣздкѣ въ Египетъ ничего не сообщаютъ[1]).

---

[1]) См. K. Praechter: Götting. Gelehrt. Anz. 1902, стр. 959. Платонъ неоднократно упоминаетъ въ своихъ произведеніяхъ объ Египтѣ, однако

3. Преданія о связяхъ Платона съ евреями (по Амартолу въ Египтѣ же, гдѣ онъ „пророческыхъ словъ любьзно послоуша...") возникли на почвѣ „александрійской школы", пытавшейся объединить мудрость Ветхаго Завѣта и платоническую философію[1]). Наиболѣе выдающійся представитель этого теченія, Филонъ Александрійскій (Филонъ упоминается въ древне-русской литературѣ — „Пчела" — и также, какъ Платонъ и Аристотель, изображался на иконахъ), вычитывавшій изъ Ветхаго Завѣта всю философскую систему Платона, особенно содѣйствовалъ укрѣпленію мысли, что Платонъ такъ или иначе познакомился съ древне-еврейской литературой. Лактанцій (Instit. div. 4, 2) удивляется, какъ это Платонъ не попалъ къ евреямъ во время своей поѣздки на востокъ, между прочимъ въ Египетъ. Іустинъ Философъ (Apologia, I) утверждаетъ, что Платонъ все свое ученіе заимствовалъ у Моисея, но отчасти его не понялъ и исказилъ. Климентъ Александрійскій (Protrepticos) разсказываетъ съ полною опредѣленностью, что Платонъ побывалъ у евреевъ. Такимъ образомъ, легенда эта укоренилась. Возможно, однако, что она была распространена главнымъ образомъ на христіанскомъ востокѣ.

Такъ какъ экзегетическій методъ Филона и даже отдѣльныя частности его интерпретаціи Ветхаго Завѣта были восприняты христіанскими писателями[2]), то неудивительно, что и самая мысль о не только „сродствѣ" нѣкоторыхъ идей Платона съ религіозной философіей Ветхаго Завѣта (сродство это въ отдѣльныхъ пунктахъ несомнѣнно и является только вопросомъ, какъ его нужно объяснять), но и о прямомъ *заимствованіи* Платономъ ветхозавѣтныхъ идей, получила широкое распространеніе.

Встрѣчаемъ мы въ древне-русской литературѣ и иной варіантъ той же мысли о сродствѣ платонизма съ одной стороны и іудаизма и христіанства съ другой. Платонъ де многое правильно „предисповѣдалъ" согласно Священному писанію и христіанскому ученію (Амартолъ), онъ „пророчествовалъ и прежде

ни намекомъ не обмолвился о своемъ личномъ знакомствѣ съ Египтомъ (ср. Тимей, Государство, Законы, Политикъ). Мало того, отношеніе Платона къ египетской культурѣ въ цѣломъ скорѣе отрицательное (ср. особенно „Государство", 538 и дальше), такъ что разсказы объ усвоеніи Платономъ египетской мудрости основаны только на преклоненіи передъ Египтомъ самихъ авторовъ такихъ разсказовъ.

[1]) Ср., наприм., P. Wendland: Die Essäer bei Philo. „Jahrbücher für protest. Theologie", 14 (1888); онъ же: Die Terapeuten... въ „Jahrbücher für klassische Philologie", 22 (1896) и особенно литературу о Филонѣ Александрійскомъ.

[2]) Ср., напр., Paul Heinisch: Der Einfluss Philos auf die aelteste christliche Exegese. Münster i. W. 1908.

пророкъ Бога прославлялъ, отчасти касаясь истины“ (Хронографъ 1512).

4. Живой обликъ Платона рисуютъ два анекдота. Одинъ изъ нихъ, сообщаемый въ „Пчелѣ“ 1599 г. (с. 186), разсказываетъ, какъ Платонъ однажды разгнѣвался на слугу и сказалъ присутствовавшему при этомъ Ксенократу: „ударь его, такъ какъ я разсерженъ“ (и, слѣдовательно, могу въ гнѣвѣ ударить сильнѣе, чѣмъ то было бы справедливо). Этотъ анекдотъ разсказанъ у Діогена Лаэрція III, 38-39, какъ это часто случается у Лаэрція, въ двухъ варіантахъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ. „Когда однажды къ нему вошелъ Ксенократъ, Платонъ попросилъ его побить раба, такъ какъ онъ самъ де не можетъ этого сдѣлать, находясь въ возбужденномъ состояніи. Платонъ сказалъ также однажды рабу: «если бы я не былъ разгнѣванъ, ты былъ бы побитъ»“. Второй анекдотъ о мѣткомъ замѣчаніи, сдѣланномъ Платономъ одному промотавшему имѣніе юношѣ, какъ кажется, въ античности о Платонѣ не разсказывается [1]).

5. Поэтическая легенда о воскресеніи Платона, конечно, христіанскаго происхожденія и при томъ довольно поздняго (вѣдь сообщается о фактѣ, будто бы имѣвшемъ мѣсто 400 лѣтъ по Рождествѣ Христовомъ). „Степенная книга“, однако, сама высказываетъ сомнѣніе въ правдивости приводимаго разсказа — „аще есть истина или ни, вѣдущимъ истину сія оставляемъ судити“ — заканчивается ея разсказъ. Параллелей къ такой христіанизаціи античнаго философа можно найти много — отъ объявленія Платона, Филона и Аристотеля христіанскими святыми до изреченій въ христіанскомъ духѣ, приписываемыхъ античнымъ писателямъ въ древне-русскихъ иконописныхъ „подлинникахъ“.

III.

Изъ метафизики Платона въ древне-русской литературѣ извѣстны были, главнымъ образомъ, ученія Платона о Богѣ и объ идеяхъ. Преимущественный интересъ къ богословію Платона объясняется господствомъ религіозныхъ интересовъ въ древне-русской литературѣ вообще. Изложеніе же ученія объ идеяхъ объясняется центральнымъ положеніемъ этого ученія въ философіи Платона.

1. Ученіе Платона о Богѣ изложено у Малалы, Амартола и въ сокращенномъ Хронографѣ. Хотя Малала и ссылается на „Тимея“ Платона, но приводимое имъ ученіе о троичной расчлененности Божества у Платона не встрѣчается. По Малалѣ

[1]) Этотъ анекдотъ, насколько я могу припомнить, встрѣчается у Діогена Лаэрція, но въ главѣ о Платонѣ я его не нашелъ. „Стиль“ анекдота явно выраженный киническій, но я не нашелъ его и въ главахъ, посвященныхъ киническимъ философамъ.

Платонъ расчленялъ божественное бытіе на добро, умъ и душу. Однако, вѣдь и Платонъ и платоники (напр., Плотинъ) считали умъ — *νοῦς* и душу — *ψυχή*, лежащими внѣ сферы божественнаго бытія. И у Филона — добро стоитъ ниже Бога (De opif, mundi, 2, 8, 1), порождаемыя Богомъ двѣ основныя „силы“ — *ποιητική* и *βασιλική* — также лежатъ внѣ Божества самого. У Прокла[1]) мы встрѣчаемъ сходное расчлененіе божественнаго бытія (Inst. theol. 4, 6, Theol. plat. 2, 4), однако, это расчлененіе не соотвѣтствуетъ приводимому Амартоломъ — у Прокла Богъ есть „Первоединое“, „Первопричина“ и „Перводобро“. Одновременно также и у Нуменія „первый Богъ“ — *νοῦς, οὐσίας ἀρχή, βασιλεύς* (Евсебій: Praep. evangel 11, 22, 3; 11, 18, 8). троичность Божества имѣетъ, такимъ образомъ, иную структуру. Слѣдовательно, источникъ Амартола — какая то *христіанская* обработка ученія Платона.

Непознаваемость и невыразимость божественной сущности Бога, можетъ быть, имѣется въ виду Захаріей Копыстенскимъ („Палинодія“). Дѣйствительно, у Платона такое ученіе имѣется. Въ „Тимеѣ“ намѣчено позднѣйшее „отрицательное богословіе“, нашедшее такой отзвукъ въ патристикѣ и въ частности развитое Псевдо-Діонисіемъ Ареопагитомъ. „Творца и отца вселенной трудно найти и, если онъ найденъ, невозможно сообщить о немъ словами всѣмъ“ („Тимей“, 28.С, ср. 2-ое письмо, 312).

Традиціонно-христіанскимъ является и то подчеркиваніе монотеизма Платона, которое мы встрѣчаемъ, между прочимъ, на иконахъ Платона „Аполлонъ нѣсть Богъ...“ Что это изреченіе, конечно, христіанскій фальсификатъ, объ этомъ не нужно говорить. Но хотя у Платона можно найти и дѣйствительные монотеистическіе мотивы (различеніе, приводимое въ „Тимеѣ“ между Деміургомъ и „сотворенными богами“ — „Тимей“ 40.А, ср. критику антропоморфизма — отожествленіе Бога съ идеею добра, нападки на антропоморфизмъ поэтовъ въ „Государствѣ“), значеніе ихъ все же нельзя преувеличивать — платонизмъ въ своемъ позднѣйшемъ развитіи (Проклъ, Ямблихъ) оказался соединимъ съ политеизмомъ. „Кормчая Книга“ обвиняетъ Платона какъ разъ въ признаніи многобожія. Необходимы были какія то иныя основоположенія, кромѣ принятыхъ Платономъ, чтобы обосновать монотеизмъ.

---

[1]) Мы находимъ въ древне-русской литературѣ и ссылки на Прокла — „словесница аристотелева, богословія платонова, піитика, многихъ философъ слова, сими книгами можетъ каждый философъ свою книгу составити“ („Описаніе русскихъ и слав. рукописей Румянц. Музея“ Востокова, СПБ. 1842, стр. 258, № CXCI). „Богословія Платонова“ это, возможно, „Theologia platonica“ Прокла. Также Амартолъ упоминаетъ Прокла (407) и Плотина (414).

Богъ благъ и является причиною только добра (Амартолъ, Хронографъ). Это положеніе, дѣйствительно, соотвѣтствуетъ ученію Платона. И у Платона благость Божія — одинъ изъ наиболѣе существенныхъ его аттрибутовъ (Федръ. 246.С, Государство. 379.А, и дальше). Богъ не можетъ считаться причиною зла и несчастья людского (Государство, цит. мѣсто, Теэтетъ, 151.С, ср. также OPOI.414.A).

Богъ — начало, середина и конецъ всего, — такую мысль приписываетъ Платону Амартолъ со ссылкою на „Законы". Эта мысль можетъ быть вычитана изъ „Законовъ", но точной ея формулировки тамъ не имѣется. У платониковъ (Фи́ло́нъ, Плотинъ) и въ христіанской литературѣ эта формула повторяется неоднократно. Какъ уже сказано, у Платона эта формула не встрѣчается. Правда, въ „Федрѣ" (273.Е и дальше) Богъ называется „цѣлью" человѣка, а такъ какъ Онъ же есть и начало, то здѣсь даны всѣ элементы данной формулировки. Въ „Законахъ" также развита эта мысль (803), но также безъ того, чтобы приписываемая Платону Амартоломъ формула была высказана explicite. Наиболѣе близкую къ приводимой Амартоломъ формулировку мы встрѣчаемъ во 2-мъ письмѣ Платона (212.Е), принадлежность котораго Платону, однако, часто оспаривалась.

2. Міръ сотворенъ Богомъ изъ вѣчной матеріи (Амартолъ). Это ученіе стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ христіанскимъ креаціонизмомъ и естественно привлекло къ себѣ вниманіе христіанскихъ писателей. Краткую формулировку этого ученія мы находимъ у Платона, напр., въ „Тимеѣ" (матерія, какъ „пріемница" вещей — Тимей, 49.А и слѣд. 53.А)[1]. Съ полной ясностью формулируетъ его Діогенъ Лаэрцій (III, 69, Богъ и матерія — двѣ ἀρχαί, III, 73 — міръ вѣченъ)[2].

3. Не подлежитъ сомнѣнію и платоновскій характеръ ученія о четырехъ стихіяхъ (ср. Филебъ. 29.А и дальше, Тимей. 31.В и дальше, 46.С, 48.А и дальше), сообщаемаго въ „Шестодневѣ" Іоанна, экзарха Болгарскаго.

4. Очень бѣглы и врядъ ли въ деталяхъ правильны сообщаемыя въ „Шестодневѣ" свѣдѣнія объ идеяхъ. Яснѣе высказано это ученіе въ толкованіяхъ Максима Исповѣдника къ Ареопагитикамъ. Мы отмѣтимъ только нѣсколько деталей, — среди разнообразныхъ переводовъ слова „идея" надо отмѣтить удачную передачу его словомъ „видъ". Пониманіе идей, какъ

---

[1]) Пониманіе Платона въ этомъ случаѣ не безспорно. Ср. у Zeller'а обзоръ споровъ; ср. Аристотеля „Физику", D. 2. 209b11 и дальше.

[2]) Мысль о вѣчности міра встрѣчалась, однако, даже у христіанскихъ (мистическихъ) писателей. Объ этомъ см. краткія замѣчанія въ моей статьѣ „Сковорода и нѣмецкая мистика" въ „Трудахъ Русскаго Народнаго Университета въ Прагѣ", т. II и въ моей же книгѣ „Skovoroda. Denker. Dichter. Mystiker" (печатается).

мыслей Божества, не встрѣчается у самого Платона. Самъ Максимъ Исповѣдникъ отмѣчаетъ отличіе пониманія идеи у Платона и Діонисія Ареопагита. — Нѣкоторый слабый намекъ на пониманіе идей, какъ мыслей Божества, найдемъ въ „Тимеѣ“ (28.A), гдѣ Платонъ говоритъ о сотвореніи міра Богомъ по образцу идей. Это же мѣсто одновременно высказываетъ и — съ христіанской точки зрѣнія до крайности „соблазнительную“ мысль о вѣчности идей (ср. еще Пиръ 211.A, Государство 485.B) [1]).

IV.

Интересъ къ антропологіи Платона не удивителенъ. Платонъ училъ о безсмертіи души, далъ систему доказательства безсмертія души, являющуюся непревзойденной и доселе. Съ другой стороны, Платонъ училъ о переселеніи душъ и о загробномъ воздаяніи. Наконецъ, онъ далъ классификацію душевныхъ способностей, державшуюся въ философіи столѣтіями.

1. Безсмертіе и богообразіе души (Амартола) — дѣйствительное ученіе Платона. Проблемѣ безсмертія посвященъ „Федонъ“ Платона. Ученіе о богообразіи (*θεοειδές, θεοείκελον*) души намѣчено въ „Государствѣ“ (501.B). Неудивительно, что это ученіе могло представиться подражаніемъ библейскому „Богъ создалъ человѣка по образу и подобію своему“ (Іоаннъ, экзархъ Болгарскій, въ „Шестодневѣ“). Платономъ было высказано и ученіе объ „обоженіи“ (*ὁμοίωσις τῷ θεῷ* — ср. Государство. 613.B, Законы. 716. C, 762, Теэтетъ. 176.B, Діогенъ Лаэрцій III, 77), позже развитое Порфиріемъ и принятое многими изъ отцовъ церкви. Возможно, что отзвукъ и этого ученія передъ нами въ сообщеніи, что Платонъ училъ о „богообразіи“ души.

2. Ученіе о переселеніи душъ „въ медвѣдицу, во льва, въ телицу, въ морского пѣтуха, въ ласточку, въ соловья“ (Малала, ср. „души могутъ переселяться въ тѣла, даже мелкихъ животныхъ“ — Кормчая), за которое на Платона нападаютъ какъ на еретика, высказано имъ съ нѣкоторыми варіантами много разъ. Съ ученіемъ о переселеніи душъ иногда (Менонъ) связано и ученіе о воспоминаніи, какъ источникѣ знанія (Менонъ 81.B и дальше). О переселеніи душъ Платонъ говоритъ въ Государствѣ (614 и дальше), въ Федрѣ (81.B и слѣд., 107.C и слѣд.), въ Тимеѣ (41.A до 44.C).

---

[1]) Именно за ученіе о вѣчности идей философія Платона была даже предана анафемѣ: „и платонскъія виды, яко сущіа пріемлющихъ... и въявѣ роугающихся самовластію Содѣтелевоу: анаѳема“ — читаемъ въ Синодикѣ болгарскаго царя Бориса — Попруженко: Синодикъ царя Бориса. Одесса. 1896. По сообщенію Попруженко, эта анафема попала и въ русскій Синодикъ XVI вѣка.

3. Также и ученіе о посмертномъ воздаяніи за грѣхи и добродѣтель намѣчено у Платона (ср. Государство 614.А и дальше — цитата оттуда въ „Пчелѣ“ 301). Конечно, приписывать ему ученіе о раѣ и адѣ, какъ это дѣлаетъ Амартолъ, значитъ, приписывать Платону христіанскія мысли.

4. Ученіе о свободѣ души „душа владычица страстямъ“ — платоновское (Діогенъ Лаэрцій III, 91). Но такъ какъ въ данномъ мѣстѣ Амартолъ полемизируетъ противъ „имарменіи“ и, вѣроятно, имѣетъ въ виду стоиковъ, то надо предположить для этого мѣста источникъ болѣе поздній, чѣмъ произведенія самого Платона.

5. Трехчастное раздѣленіе души, о которомъ сообщаютъ и митр. Никифоръ, и митр. Кипріанъ, Великія Минеи-Четіи, Діоптра — чисто платоновское ученіе (ср. Государство 434 и далѣе, Федр. 245 и далѣе, Тимей 69.А и далѣе). При этомъ *λογιστικόν* переводится какъ „словесная“ (митр. Никифоръ) или „помысленное“ (Діоптра), *θυμοειδές* — какъ „яростная“ („-ое“), *ἐπιθυμητικόν* — какъ „желательная“ („-ое“). Въ „Діоптрѣ“ встрѣчается еще раздѣленіе души на двѣ силы: „словесное“ и „безсловесное“, вѣроятно *λογικαί* и *ἄλογοι*, можетъ быть, заимствованное у Іоанна Филопона [1]).

10. У Іоанна, экзарха Болгарскаго, имѣется изложеніе платоновскихъ различеній интеллектуальныхъ способностей — ума „юмъ“, „розмысла“, „размышленія“ и „слова“. Представляется довольно вѣроятнымъ, что „умъ“ — это *νοῦς*, „слово“ — *λόγος*; какъ распредѣляются между славянскими словами „розмыслъ“ и „размышленіе“ греческіе термины *διάνοια, λογισμός* и *φρόνησις* — неясно.

7. Въ Діоптрѣ находимъ аргументы въ пользу безсмертія души, заимствованные изъ „Федона“ Платона [2]).

8. У Іоанна, экзарха Болгарскаго, найдемъ со ссылкою на Платона и (къ сожалѣнію, очень неясное) мѣсто о памяти (CTZ, ср. „Пчела“. 323), въ которомъ какъ будто имѣется въ виду ученіе Платона объ *ἀνάμνησις*. Истолкованіе этого мѣста, однако, затрудняется тяжелой конструкціей фразы.

V.

Въ области практической философіи мы встрѣчаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія о политикѣ и моральной философіи Платона.

1. О платоновской политикѣ сообщается немногое. — Правители должны быть философами — „великую власть пріемлющему подобаетъ имѣть великій умъ“ (Пчела). Это извѣстная

---

[1]) Ср. М. Безобразова: „Замѣтки о Діоптрѣ“. ЖМНПр. 1893, XI, стр. 40.

[2]) Тамъ же, стр. 39.

основная мысль платоновскаго „Государства“ (473, 520.A и дальше). — Государство гибнетъ отъ вины людей или отъ суда Божія („Причины гибели царствъ“). Эта мысль — въ первой своей половинѣ — также платоновская — государства гибнутъ по винѣ гражданъ (Законы. 683.E) вслѣдствіе невѣжества „капитана и матросовъ“ государственнаго корабля (Политикъ. 301.E и дальше). Но христіанскій компиляторъ прибавилъ къ платоновской цитатѣ дополненіе „или отъ суда Божія“, чѣмъ, разумѣется, нѣсколько исказилъ мысль Платона. — „Кормчая Книга“ нападаетъ на „общность женъ“ у Платона, — высказано это обвиненіе въ формѣ, съ историческимъ Платономъ ничего общаго не имѣющей.

2. Въ области этики мы встрѣчаемъ въ древне-русскомъ матеріалѣ, намъ извѣстномъ, только одно *принципіальное* положеніе „Трудно быть блаженннымъ“ (Амартолъ). Мысль, дѣйствительно, платоновская (Гиппій малый. 304.E, Кратилъ. 384.B).

3. Среди моральныхъ изреченій, собранныхъ въ „Пчелѣ“ и „Цвѣтахъ Дарованій“, встрѣчаются и подлинныя цитаты изъ Платона и отрывки, ему не принадлежащіе. Нѣсколько цитатъ явно Платону приписаны облыжно. Такъ, не принадлежатъ ему изреченія о „злыхъ женахъ“, хотя у Платона мы и находимъ мысль о томъ, что женщина — существо низшее сравнительно съ мужчиною (Тимей. 42.B). Не удалось мнѣ найти въ произведеніяхъ Платона и приписываемое ему въ „Пчелѣ“ изреченіе о пьянствѣ.

Подлинную цитату изъ Платона представляетъ собою изреченіе о снѣ (цитата изъ „Законовъ“. 808.A). Также цитату изъ „Законовъ“ представляетъ собою и изреченіе о богатствѣ и бѣдности, приводимое въ „Пчелѣ“ (213) — „бѣдность это не умаленіе имѣнія, но увеличеніе желаній“ (Законы. 736.E, эта мысль подробно развивается далѣе).

Въ рядѣ случаевъ дается пересказъ мыслей, встрѣчающихся у Платона. Такимъ пересказомъ является „сладко слушать правду“ („Пчела“ — приблизительно этимъ словамъ соотвѣтствуютъ мѣста въ „Законахъ“. 603.E и у Діогена Лаэрція. III, 39). — „Начало разуму — разумѣти невѣжества своего“ — это сжатая въ афоризмъ мысль Сократа изъ платоновской „Апологіи Сократа“. — Что любовь и дружба возможны только къ себѣ подобнымъ — это утверждаетъ Платонъ въ Горгіи (510.B). — „Отъ жены познается начало любви“ — не намекъ ли это на образъ жрицы Діотимы въ платоновскомъ „Пирѣ“, бесѣдовавшей съ Сократомъ о любви? — Мысль — „всякое ремесло, отлучающее человѣка отъ правды, не ремесло есть, но лукавство“ — напоминаетъ „Софиста“ (222.E). — „Прилежати тѣлу подобаетъ душѣ удесъ ради“ (Амартолъ), — эта мысль не стоитъ въ противорѣчіи съ отношеніемъ Платона къ тѣлу, которое-де

ни хорошо ни плохо само по себѣ (Лизисъ, 291.С, ср. высокую оцѣнку тѣлесныхъ упражненій въ „Государствѣ“ и „Законахъ“).

Одна цитата „Пчелы“ передаетъ мысли не Платона, а платоника Ямблиха — „всѣ добродѣтели смертоподобны, а болѣе другихъ цѣломудріе“ — это цитата изъ *περὶ σωφροσύνης* Ямблиха.

VI.

По поводу всѣхъ приведенныхъ сопоставленій можно, пожалуй, сдѣлать замѣчаніе, что они де показываютъ, что въ древней Руси было только очень поверхностное, неточное и неясное знакомство съ Платономъ, что ученіе Платона часто тенденціозно искажалось съ цѣлью возвеличить Платона при помощи указанія на мнимую близость его ученія къ христіанству или, наоборотъ, съ цѣлью опровергнуть его, подчеркнувъ непріемлемые для христіанства моменты платонизма. Это замѣчаніе нужно признать въ общемъ и цѣломъ вѣрнымъ. Тѣмъ не менѣе и такое „поверхностное“, „неясное“ и „неточное“ знакомство съ философіей Платона представляется не лишеннымъ интереса фактомъ. Вѣдь обычныя представленія о философской образованности древней Руси сводятся къ утвержденію о томъ „невѣгласіи“, которое одинъ изъ наиболѣе серьезныхъ и основательныхъ изслѣдователей исторіи русской философіи[1]) объявилъ основною чертою древне-русской философской культуры... правильнѣе сказать, безкультурности... Какъ ни элементарны разобранныя нами въ этомъ очеркѣ свѣдѣнія древне-русской литературы о философіи Платона, они весьма далеки отъ „невѣгласія“.

Старинный читатель читалъ не такъ, какъ современный, пробѣгающій глазами десятки страницъ. Стаціонарное чтеніе помогало отдѣльнымъ мелкимъ замѣчаніямъ и фразамъ прочно удерживаться въ памяти и въ умѣ читателя изъ нѣсколькихъ мимолетныхъ указаній слагалась яркая и выпуклая картина.

Представленіе о Платонѣ, какъ мы то уже сказали, не было детальнымъ и глубокимъ, въ частностяхъ — иногда весьма важныхъ — оно было ошибочно. Но были извѣстны отдѣльныя ученія Платона, въ томъ числѣ довольно существенныя. Для самостоятельнаго философствованія, м. б., эти отдѣльныя membra disjecta не могли служить исходною точкою, но могли быть примѣнены въ томъ или иномъ случаѣ вмѣстѣ съ ученіями отцовъ церкви и духовныхъ писателей въ помощь главному источнику всѣхъ умствованій древней Руси о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ — Священному писанію.

---

[1]) Г. Г. Шпетъ: Очеркъ исторіи русской философіи. Томъ I. Петербургъ. 1923. Глава 1-ая.

Мы не хотимъ преувеличеній, — въ древней Руси не было „философіи“ въ такомъ смыслѣ, какъ средневѣковая философія на Западѣ — чистой, хотя бы и зависимой отъ богословія, теоретической работы мысли. Но отрицать существованіе въ древней Руси нѣкоторыхъ философскихъ свѣдѣній и прочнаго „міровоззрѣнія“, отдѣльные пункты котораго были не лишены философской окраски, намъ думается, нѣтъ никакихъ основаній.

Дальнѣйшее изслѣдованіе должно разрѣшить, главнымъ образомъ, три задачи. Во-первыхъ, необходимо освѣтить пути проникновенія свѣдѣній о Платонѣ въ древнюю Русь, — это значитъ, вскрыть византійскіе (для періода, начиная съ XVI вѣка и въ особенности для Украины) и западно-европейскіе (иногда вліявшіе черезъ польское посредство) источники свѣдѣній, сообщаемыхъ о Платонѣ въ древне-русской литературѣ.

Во-вторыхъ, необходимо къ изслѣдованію сообщаемаго о Платонѣ и другихъ философахъ explicite присоединить обозрѣніе всего матеріала, такъ или иначе связаннаго съ философіею Платона, но безъ упоминанія его имени. Идеи Платона имѣли такое прочное и глубокое вліяніе на патристику, въ частности на такого почитаемаго въ древней Руси писателя, какъ Псевдо-Діонисій-Ареопагитъ, что такія *посредственныя* вліянія Платона несомнѣнно окажутся и болѣе широкими и болѣе глубокими, чѣмъ проанализированныя здѣсь *прямыя и непосредственныя* указанія на Платона (также вѣдь заимствованныя почти исключительно изъ вторыхъ рукъ).

Наконецъ, едва ли не наибольшаго интереса заслуживаетъ изслѣдованіе отраженій идей Платона и его языческихъ и христіанскихъ послѣдователей въ оригинальной литературѣ древней Руси, а затѣмъ Московской Руси и Украины. Въ этомъ направленіи еще ничего не сдѣлано. Указанія на *вліянія* Платона въ *оригинальной* литературѣ важны въ первую очередь тѣмъ, что они не только поставятъ конкретно вопросъ о философской „*образованности*“ древней Руси, но и, быть можетъ, покажутъ существованіе въ ней опредѣленной философской *культуры*[1]).

Непосредственнымъ продолженіемъ работы надъ Платономъ должно быть изученіе всего философскаго „книжнаго репертуара“ древней Руси.

Дмитрій Чижевскій.

---

[1]) Ср. замѣчанія въ брошюрѣ В. Шурата: Украïнскі жерела до історіï фильософіï. Львовъ, 1908, гдѣ авторъ отыскиваетъ вліянія Платона, между прочимъ, въ „Словѣ о полку Игоревѣ“. Критическія замѣчанія см. въ моей книгѣ Філософія на Украïні. 2 изд. I ч. Прага. 1929. Стр. 45-46, 50. Указанія о вліяніи политической философіи Платона на чинъ вѣнчанія на царство московскихъ царей — см. въ статьѣ М. В. Шахматова въ этой же книгѣ „Записокъ“.

Чешскій путешественникъ о хозяйственномъ положеніи Россіи въ концѣ XVIII столѣтія.

Однимъ изъ моментовъ въ исторіи чешско-русскихъ культурныхъ отношеній является путешествіе въ Россію чешскаго магната графа Іоахима Штернберга въ концѣ XVIII столѣтія. Обстоятельства этого путешествія подробно изложены въ интересной книгѣ академика В. А. Францева, вышедшей въ 1923 г. въ Прагѣ на чешскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: „Cesta I. Dobrovského a Hr. I. Sternberka do Ruska v letech 1792-1793". Отсылая къ ней читателя, мы ограничимся сообщеніемъ здѣсь о путешествіи гр. І. Штернберга лишь самыхъ краткихъ свѣдѣній.

Въ 1792 г. графъ Іоахимъ Штернбергъ, ученый естествоиспытатель (онъ занимался математикой, астрономіей, метеорологіей, химіей, геологіей и минералогіей) предпринялъ путешествіе въ Россію съ научными цѣлями. Онъ пріѣхалъ въ Петербургъ во второй половинѣ 1792 г., пробылъ тамъ 7 мѣсяцевъ, совершилъ много экскурсій по сѣверной части Россіи, между прочимъ въ Петрозаводскъ и Архангельскъ, и затѣмъ переѣхалъ въ Москву, гдѣ ему удалось прожить только двѣ недѣли. 5 мая н. ст. 1793 г. онъ уже былъ въ Кенигсбергѣ. Путешествуя по Россіи, графъ І. Штернбергъ интересовался ею съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Не ограничиваясь наблюденіями надъ природой Россіи, что составляло, повидимому, главную цѣль его путешествія, онъ обращалъ вниманіе на соціальныя отношенія, на положеніе сельскаго хозяйства, промышленности и торговли. Узнавъ, что готовится англійское посольство въ Пекинъ, онъ хотѣлъ присоединиться къ нему и проѣхать въ Кяхту черезъ всю Россію. Однако, путешествіе графа І. Штернберга въ Россію окончилось неудачей. Хотя русское правительство вообще поощряло научныя экспедиціи по Россіи, тѣмъ не менѣе къ графу Штернбергу оно отнеслось иначе. Личность его не внушила довѣрія петербургскимъ правящимъ кругамъ. Въ апрѣлѣ 1793 г. ему было велѣно Императрицею Екатериною II оставить предѣлы Россіи. Объяснить это распоряженіе Императрицы можно, во-первыхъ, тѣмъ, что графъ І. Штернбергъ возбудилъ противъ себя ея неудовольствіе, какъ масонъ, ибо

Екатерина II объявила себя открытымъ врагомъ масонства, и, во-вторыхъ, тѣмъ, что время пріѣзда графа въ Россію совпало съ періодомъ обостренія борьбы Европы съ французской революціей, когда въ Россіи особенно подозрительно относились къ просвѣтительному движенію XVIII вѣка, яркимъ представителемъ котораго графъ I. Штернбергъ несомнѣнно былъ. Кромѣ того, русское правительство было недовольно тѣмъ, что графъ послалъ Австрійскому Императору особый докладъ о положеніи фабричной промышленности и горнозаводскаго дѣла въ Россіи. Онъ получилъ отъ Императора весьма лестный отвѣтъ через особаго курьера къ тогдашнему австрійскому посланнику при дворѣ графу Кобенцлю. Это возбудило у русскихъ властей подозрѣніе, что графъ Штернбергъ является особо довѣреннымъ лицомъ вѣнскаго кабинета [1]).

Свои впечатлѣнія отъ поѣздки въ Россію графъ I. Штернбергъ изложилъ въ двухъ дополняющихъ другъ друга произведеніяхъ, изъ коихъ первое, наименѣе извѣстное въ исторической литературѣ, носитъ заглавіе Reise von Moskau über Sophia [2]) nach Königsberg mit einer kurzen Beschreibung von Moskau nebst meteorologischen und mineralogischen Beobachtungen von I. Graf v. Sternberg. Berlin, 1793, а второе, болѣе извѣстное, озаглавлено: Bemerkungen über Russland auf einer Reise gemacht im Jahre 1792 u. 93 mit statistischen und meteorologischen Tabellen von Ioachim Grafen von Sternberg, Mitglied der Gesellschaft der Wissenschaften in Prag und der botanischen in Regensburg. 1794.

Въ настоящей статьѣ мы поставили себѣ задачей познакомить читателя съ впечатлѣніями и замѣчаніями графа Штернберга относящимися къ хозяйственной жизни Россіи въ 90-хъ годахъ XVIII столѣтія. Но этому изложенію слѣдуетъ предпослать одно общее замѣчаніе.

Высказывая въ своихъ запискахъ симпатіи къ простому русскому народу, графъ I. Штернбергъ въ то же время рѣзко отрицательно относился къ существовавшимъ тогда въ Россіи соціальнымъ отношеніямъ и политическому строю. Русская дѣйствительность ему не нравилась. Онъ всюду видѣлъ въ ней только темныя стороны. Его общія сужденія о Россіи, дышащія предубѣжденностью и самоувѣренностью представителя эпохи просвѣщенія, — нуждаются въ критическомъ къ себѣ отношеніи еще и потому, что графъ I. Штернбергъ видѣлъ не всю Россію, а только сравнительно небольшую часть ея. Само собою разумѣется, что неудачный конецъ его путешествія также не могъ не содѣйствовать сгущенію имъ красокъ въ описаніи

---

[1]) Francev, 19, 20-21, 23, 24, 38-39.

[2]) Софія — городъ, основанный въ 1785 году около Царскаго Села.

отрицательныхъ сторонъ русской жизни. Но, кромѣ общихъ сужденій о Россіи, записки графа I. Штернберга содержатъ въ себѣ рядъ конкретныхъ замѣтокъ о видѣнномъ имъ въ Россіи, которыя интересны и цѣнны сами по себѣ, какъ историческій матеріалъ.

Замѣчанія графа I. Штернберга о хозяйственной жизни Россіи сведены нами въ три отдѣла: сельское хозяйство, торговля и денежное обращеніе. Кромѣ того, отдѣльно изложены замѣтки графа Штернберга о торговлѣ и промышленности Москвы.

Считая земледѣліе одной изъ основъ благополучія націи, графъ Штернбергъ весьма интересовался положеніемъ крестьянскаго населенія Россіи. Глубокимъ возмущеніемъ проникнуты его слова о крѣпостномъ правѣ, при которомъ крестьянинъ со всей семьей является собственностью помѣщика, можетъ быть проданъ, отданъ въ солдаты, не имѣетъ своего имущества. Говоря объ обязанностяхъ крѣпостного крестьянина къ своему помѣщику, Штернбергъ справедливо замѣчаетъ, что неопредѣленность барщины является если не препятствіемъ, то во всякомъ случаѣ существеннымъ затрудненіемъ для развитія земледѣльческой культуры и поднятія благосостоянія крестьянина, лишеннаго возможности располагать своими силами и временемъ по своему усмотрѣнію. Съ негодованіемъ отмѣчаетъ Штернбергъ существованіе особой отрасли внутренней торговли — торговли крѣпостными людьми [1]). Жилища русскихъ и финскихъ крестьянъ въ тѣхъ мѣстностяхъ, по которымъ проѣзжалъ графъ Штернбергъ, произвели на него самое безотрадное впечатлѣніе. Онъ даетъ подробныя описанія внѣшняго вида русской деревни и крестьянской курной избы, которую сравниваетъ со свинымъ хлѣвомъ, такъ какъ въ ней ютятся не только хозяева, но и ихъ свиньи [2]). Штернбергу бросилось въ глаза почти полное отсутствіе въ деревняхъ мужчинъ средняго возраста. „Мѣстами, говоритъ онъ, изъ населенія мужского пола встрѣчаешь только дѣтей и стариковъ; столь сильное уменьшеніе промежуточныхъ возрастовъ слѣдуетъ приписать войнѣ“ [3]). Мы полагаемъ, однако, что отсутствіе мужчинъ въ деревнѣ объясняется уходомъ ихъ на отхожіе промыслы [4]).

Повсюду, гдѣ графъ Штернбергъ проѣзжалъ, т. е. въ сѣверной Россіи и по дорогѣ между Москвой и С.-Петербургомъ, онъ наблюдалъ очень низкій уровень крестьянскаго хозяйства.

---

[1]) Bemerkungen, 71-75; 132-133.
[2]) Bemekungen, 64-65, 66, 67, 85, 86; Reise, 16, 17.
[3]) Bemerkungen, 86.
[4]) М. Туганъ-Барановскій. Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ. СПБ, 1898 г., томъ I, стр. 44.

Орудія, которыми русскіе крестьяне пользуются въ своемъ хозяйствѣ и при исполненіи барщины, весьма несовершенны. Они пашутъ обыкновенно сохой. Лошадиная упряжь состоитъ изъ нѣсколькихъ связанныхъ между собою веревокъ; повозки тяжелы и непригодны для перевозки большихъ тяжестей, ибо колесная втулка, вращающаяся около оси, чрезвычайно длинна, отчего и усиливается треніе. Кромѣ того, въ нее постоянно попадаютъ земля и песокъ [1]). Въ большей части тѣхъ мѣстъ сѣверной Россіи, гдѣ существуетъ земледѣліе, высѣвъ составляетъ 12 пудовъ, т. е. 3 strychů чешской мѣры. Нигдѣ не встрѣчалъ графъ Штернбергъ распредѣленія участковъ земли между крѣпостными въ зависимости отъ ихъ величины и качества земли. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ урожай не свозили въ гумна, а молотили на мѣстѣ [2]).

Однако, слѣдуетъ отмѣтить, что въ своихъ замѣткахъ о крѣпостномъ правѣ въ Россіи графъ Штернбергъ оказался менѣе проницательнымъ наблюдателемъ, чѣмъ другіе иностранцы, путешествовавшіе въ тѣ времена по Россіи. На обратномъ пути, проѣзжая черезъ прибалтійскія провинціи, онъ приписываетъ ихъ цвѣтущій видъ лучшимъ условіямъ, въ которыхъ находилось, по его мнѣнію, мѣстное крѣпостное населеніе по сравненію съ русскимъ крестьяниномъ [3]). Изъ этого видно, что отъ графа Штернберга ускользнулъ фактъ, уже подмѣченный другими путешественниками, а именно, что при всей суровости крѣпостного права степень эксплоатаціи крестьянина въ коренной Р.ссіи была менѣе высока, чѣмъ на западныхъ ея окраинахъ [4]).

Очень много вниманія удѣлилъ графъ I. Штернбергъ положенію русской торговли, особенно внѣшней. Къ своей книгѣ Bemerkungen онъ приложилъ нѣсколько таблицъ, заключающихъ въ себѣ различныя данныя, относящіяся къ внѣшней торговлѣ Россіи, какъ то: статистику внѣшней торговли Петербурга съ 1742 г. до 1791 г., курсы ассигнаціоннаго рубля въ штиверахъ [5]) на Англію и Голландію и списки купцовъ, торговавшихъ въ Петербургѣ въ 1786 и 1791 гг. Всѣ эти свѣдѣнія, заимствованныя, конечно, графомъ Штернбергомъ изъ другихъ сочиненій, дѣлаютъ его книгу весьма цѣнной для лицъ, занимающихся исторіей русской торговли.

По мнѣнію графа Штернберга, естественныя условія въ Россіи весьма благопріятны для развитія торговли. Продукты животнаго царства, получаемые на сѣверѣ, продаются на югѣ по дорогой цѣнѣ. На югѣ Россіи можно было бы производить

---

[1]) Reise, 16; Bemerkungen, 84-86.
[2]) Bemerkungen, 85.
[3]) Reise, 35.
[4]) См. Струве П. Б. Крѣпостное хозяйство. Москва, 1913 г.
[5]) Штиверъ — бывшая монетная единица Голландіи = $^1/_2$ гульдена.

въ изобиліи все, что доставляется изъ чужихъ странъ съ большими издержками. Сѣверныя области Россіи можно снабжать всѣмъ необходимымъ благодаря удобнымъ воднымъ путямъ, какъ естественнымъ, такъ и искусственнымъ, устроеннымъ Петромъ Великимъ. Какъ не быть разнообразію произведеній у такой страны, климатъ которой допускаетъ столько ступеней! Какъ легко доставлять эти продукты въ самыя отдаленныя мѣста въ государствѣ, гдѣ Каспійское море связано съ Ледовитымъ океаномъ, гдѣ изъ одного срединнаго пункта можно доставить продукты въ Балтійское море, въ Каспійское, въ Черное, въ Ботническій заливъ и въ Нѣмецкое море. Въ отношеніи торговли Россія обладаетъ всѣми выгодами островного положенія, усугубляемыми еще тѣмъ, что она могла бы торговать собственными произведеніями [1]).

Слѣдуетъ отмѣтить, что графъ І. Штернбергъ преклоняется передъ геніемъ Петра Великаго. Только его кипучей дѣятельности слѣдуетъ, по мнѣнію графа Штернберга, приписать появленіе въ Россіи необходимыхъ для торговли учрежденій. Соединеніе морей посредствомъ каналовъ и рѣкъ, сооруженіе гаваней и крѣпостей, судостроеніе, насажденіе мануфактуръ, покровительство наукамъ и искусствамъ — вотъ безспорно дѣло Петра Великаго [2]). Подъ впечатлѣніемъ осмотра Вышневолоцкаго канала, постройка котораго, начатая по повелѣнію Петра Великаго, создавала водный путь отъ 35° до 63° сѣверной широты, Штернбергъ замѣчаетъ, что въ начинаніяхъ Великаго Императора слѣдуетъ удивляться широтѣ замысловъ и отчетливому знанію Россіи. „Если бы, говоритъ онъ, Петръ Великій могъ передать по наслѣдству своимъ преемникамъ хотя бы сотую часть своей дѣйственности, то многія, ведущія отъ него свое начало важныя для Россіи предпріятія скорѣе достигли бы своего завершенія. Ежегодно затрачиваются большія суммы на продолженіе этихъ начинаній, чѣмъ много хвалятся въ печати. А что дѣйственность Петра Великаго въ одинъ годъ достигла бы большаго, чѣмъ суммы, затраченныя въ теченіе 10 лѣтъ, — это очевидно, но объ этомъ, конечно, молчатъ“ [3]).

У русскаго человѣка большая склонность къ наживѣ, но у русскаго правительства нѣтъ никакого пониманія торговли, ибо Россія есть военное государство, вся энергія котораго направлена только на расширеніе своихъ предѣловъ [4]). Въ своихъ запискахъ графъ Штернбергъ неоднократно замѣчаетъ, что существующій въ Россіи строй неблагопріятенъ для развитія

[1]) Bemerkungen, 96, 97.
[2]) Bemerkungen, 3-4.
[3]) Reise, 5.
[4]) Bemerkungen, 102.

торговли [1]). Русскій простолюдинъ не имѣетъ никакого понятія о земледѣліи и не можетъ питать къ нему никакой склонности, потому что онъ постоянно подвергается опасности лишиться своего достоянія, но онъ очень любитъ торговлю, въ которой привыкъ къ различнымъ плутнямъ. Этотъ промыселъ нѣсколько защищаетъ его отъ алчности его господъ, ибо состояніе его не можетъ быть исчислено точно. Къ тому же, обладая наличными деньгами, онъ обыкновенно не платитъ своихъ долговъ [2]). Въ таблицѣ V, приложенной къ „Bemerkungen etc.“, Штернбергъ приводитъ списокъ купцовъ, торговавшихъ въ Петербургѣ въ 1786 и 1791 гг. Число купцовъ съ 479 чел. въ 1786 г. понизилось до 240 въ 1791 г. По мнѣнію графа Штернберга, это уменьшеніе есть вѣрнѣйшее доказательство того, насколько государственный строй Россіи неблагопріятенъ для торговли. При этомъ ему приходитъ въ голову мысль о томъ, какія большія суммы должны были потерять заинтересованные въ дѣлахъ вышеупомянутыхъ русскихъ купцовъ иностранные купцы и до какой степени рискована торговля въ этой странѣ [3]). Графъ Штернбергъ прибавляетъ, что даже въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ пребыванія его въ Россіи произошло нѣсколько банкротствъ. Ссылаясь на приложенныя къ „Bemerkungen etc.“ таблицы ввоза и вывоза черезъ Петербургъ, графъ Штернбергъ говоритъ о ненормальности такого положенія внѣшней торговли Россіи, при которомъ большая часть ввозимыхъ товаровъ состоитъ изъ съѣстныхъ припасовъ и предметовъ роскоши, потребляемыхъ, главнымъ образомъ, въ Петербургѣ, и по цѣнности значительно превышаетъ вывозъ заграницу русскихъ товаровъ, въ производствѣ которыхъ участвуютъ Сибирь и всѣ провинціи Россіи. Такъ, въ 1791 г. съѣстныхъ припасовъ было ввезено на 9.886.070 рублей, а предметовъ роскоши и другихъ товаровъ — на 15.254.561 руб. Въ томъ же году вывозъ русскихъ товаровъ составилъ только 20.000.697 рублей. „Такимъ образомъ, говоритъ Штернбергъ, потребляющій классъ людей, сосредоточенный въ небольшомъ районѣ, потребилъ иностранныхъ товаровъ на 5 милліоновъ рублей больше, чѣмъ та сумма, на которую оказался въ состояніи изготовить внутреннихъ издѣлій производящій классъ“ [4]). Изъ другихъ портовъ Россіи Штернбергъ упоминаетъ только о Ревелѣ, указывая, что и здѣсь торговля пассивна: въ 1790 г. было вывезено на судахъ товаровъ на 81.934 руб., а ввезено на 380.694 руб. [5]).

---

[1]) Reise, 9.
[2]) Bemerkungen, 84.
[3]) Bemerkungen, 111-112.
[4]) Bemerkungen, 104, 105.
[5]) Bemerkungen, 129. Въ 1796 г. русскимъ правительствомъ былъ изданъ таможенный тарифъ, повысившій пошлины на иностранные товары и въ частности на жизненные припасы.

Въ запискахъ графа Штернберга мы находимъ нѣсколько замѣчаній относительно отдѣльныхъ статей внѣшней торговли.

Вывозъ лѣса, по его мнѣнію, убыточенъ для Россіи. Англія и Голландія строятъ свои суда изъ русскаго лѣса, а Россія за доставку необходимыхъ ей товаровъ платитъ этимъ странамъ столь высокій фрахтъ, что врядъ ли остается ей сколько-нибудь изъ денегъ, вырученныхъ отъ продажи лѣса. Если бы русскіе сами строили себѣ корабли, то въ ихъ пользу поступали бы какъ фрахтъ, такъ и прибыль съ вывозимыхъ за границу товаровъ. Только едва ли Англія и Голландія выпустятъ ихъ изъ этого рабства [1]).

Среди природныхъ богатствъ Россіи есть одно, которымъ она недостаточно пользуется для внѣшней торговли: это необычайное обиліе рыбы. Строгіе и продолжительные посты ведутъ къ тому, что большую часть рыбныхъ продуктовъ русскіе потребляютъ сами. Графъ Штернбергъ перечисляетъ въ своихъ „Bemerkungen etc.“ самыя значительныя рѣки и озера Россіи, а также нѣкоторыя породы рыбъ, встрѣчающіяся въ торговлѣ, приводя ихъ латинскія названія [2]).

Относительно звѣроловства графъ Штернбергъ сообщаетъ, что оно ведется примитивно, такъ какъ никто не заботится о томъ, чтобы снабдить звѣролововъ болѣе усовершенствованными орудіями, чѣмъ капканы. Въ ходу также рогатины, но онѣ портятъ мѣхъ. Охотники пользуются также ядомъ (обыкновенно Quecksilber sublimat), подкладывая звѣрямъ отравленное мясо, но не всегда находятъ они потомъ свою добычу. Вывозъ за границу мягкой рухляди, по словамъ Штернберга, упалъ.

Особый интересъ проявилъ графъ Штернбергъ къ состоянію книжнаго дѣла въ Россіи. Онъ исходилъ при этомъ изъ мысли, что положеніе книжной торговли въ странѣ свидѣтельствуетъ о томъ, насколько просвѣщенъ разумъ націи. Графъ Штернбергъ указываетъ на слабое развитіе въ Россіи издательства и книжной торговли и заключаетъ отсюда о малой склонности у русскихъ къ чтенію. „Въ Петербургѣ насчитывается 8 типографій, въ Москвѣ 3 и въ другихъ пунктахъ этого государства 4. Онѣ принадлежатъ отдѣльнымъ управленіямъ, какъ Синоду, Сенату и т. д., нужды которыхъ онѣ обслуживаютъ; иначе трудно было бы понять, чѣмъ онѣ заняты“. Графъ Штернбергъ съ одобреніемъ говоритъ о щедрости Императрицы, отпускающей ежегодно 5000 рублей на оплату переводовъ лучшихъ иностранныхъ книгъ на русскій языкъ. Вѣроятно, изъ осторожности нигдѣ не упоминаетъ онъ въ своемъ письмѣ изъ Москвы о замѣчательномъ для того времени издательствѣ Новикова, прекратившемъ,

---

[1]) Bemerkungen, 98.
[2]) Bemerkungen, 113-124.

правда, свое существованіе не задолго до пріѣзда графа Штернберга въ Россію. Но онъ не могъ о немъ не знать, такъ какъ, по его словамъ, онъ интересовался положеніемъ книжной торговли въ Москвѣ и нашелъ въ московскихъ книжныхъ магазинахъ болѣе значительные и лучше подобранные запасы книгъ, нежели въ Петербургѣ [1]). Странно, что относительно громадное и абсолютно значительное развитіе книжнаго дѣла именно при Екатеринѣ II не отмѣчено вовсе графомъ Штернбергомъ. Онъ подчеркиваетъ безграмотность сельскаго населенія, какъ взрослаго, такъ и молодежи. „Всякій разъ, когда я освѣдомлялся въ деревнѣ, кто умѣетъ читать и писать, меня всегда отсылали на слѣдующую станцію“ [2]).

Во все время пребыванія своего въ Россіи графъ Штернбергъ имѣлъ дѣло съ существовавшими тогда у насъ бумажными деньгами въ видѣ такъ называемыхъ ассигнацій и съ мѣдной монетой. Золотую и серебряную монету онъ видѣлъ только изрѣдка, а когда ему хотѣлось пріобрѣсти нѣсколько серебряныхъ рублей, то онъ вымѣнивалъ ихъ на ассигнаціи, уплачивая лажъ въ 35%. Въ связи съ этимъ замѣчаетъ онъ шутливо, что не удивляется распространенному среди петербургскаго общества увлеченію алхиміей [3]). Бумажныя деньги графъ Штернбергъ считаетъ большимъ зломъ для Россіи. Указавъ, что вексельный курсъ ассигнаціоннаго рубля на Голландію упалъ съ 43 штиверовъ въ 1781 г. до 24 штиверовъ, онъ говоритъ, что государство, у котораго нѣтъ золотой и серебряной монеты, а курсъ бумажныхъ денегъ упалъ столь значительно, не можетъ выгодно торговать и обнаруживаетъ плохое положеніе дѣлъ у себя внутри [4]). „Представьте себѣ, говоритъ онъ, бѣдность страны, гдѣ видишь, какъ безчисленное количество разъ мѣняютъ деньги, и ни разу не слышишь при этомъ звона серебряной монеты; но что еще хуже для каждаго жителя — это необходимость терять по крайней мѣрѣ отъ 4 до 5% при размѣнѣ самихъ ассигнацій: большихъ купюръ на мелкія, а мелкихъ на мѣдную монету — однимъ словомъ при каждомъ случаѣ размѣна денегъ. Слѣдовательно, бумажныя деньги, являющіяся теперь единственной монетой, видимой въ обращеніи, не имѣютъ опредѣленной цѣнности. Можно, имѣя часть своего состоянія въ ассигнаціяхъ и ничего изъ него не затрачивая, сразу обѣднѣть на половину. Это видно изъ того, что цѣнность ассигнаціоннаго рубля съ 43 штиверовъ упала до 24 штиверовъ, а къ этой потерѣ вы должны прибавить еще 5%, которые вы теряете при размѣнѣ денегъ. Такимъ образомъ, ваше состояніе уменьшилось

---

[1]) Reise, 9, 34.
[2]) Bemerkungen, 86.
[3]) Reise, 44; Bemerkungen, 188.
[4]) Bemerkungen, 106.

на половину, несмотря на исправное храненіе его въ вашей шкатулкѣ. Непріятности отъ ассигнацій приходится испытывать также путешественникамъ иностранцамъ. На всѣхъ почтовыхъ станціяхъ съ нихъ вычитаютъ опредѣленный % за размѣнъ денегъ, хотя они думаютъ, что получили бумажныя деньги, устойчиво находящіяся въ обращеніи. Если съ одной стороны считать большими богачами лицъ, имѣющихъ въ годъ дохода по нѣскольку сотъ тысячъ рублей, и съ другой стороны представить себѣ большія траты, происходящія въ Петербургѣ и Москвѣ и покрываемыя только бумажными деньгами, то, пожалуй, склонишься къ мысли о возможности совершенно обойтись безъ звонкой монеты и обратить типографіи въ монетные дворы" [1]).

Все вышеизложенное приводитъ графа Штернберга къ слѣдующимъ выводамъ. Государственное богатство Россіи, повидимому, не имѣетъ столь солидныхъ основаній, какъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ оно зиждется на земледѣліи и промышленности. Точно также и кредитъ въ Россіи можетъ только падать, ибо гдѣ цѣнность не заключается въ недвижимостяхъ, мануфактурахъ, искусствахъ, въ трудолюбіи и даже въ нравахъ націи, тамъ не разовьется кредитная система [2]). Бѣдность Россіи видна изъ того, что ея продукты падаютъ въ цѣнѣ, что ея банкноты упали въ курсѣ и продолжаютъ падать, завися отъ произвола иностранныхъ торговыхъ пунктовъ, что серебряную монету приходится искать, „какъ медаль" и вымѣнивать съ лажемъ въ 35% и что, наконецъ, ввозъ предметовъ роскоши, предназначенныхъ, главнымъ образомъ, только для Петербурга и Москвы, составляетъ сумму такую же или даже бо́льшую, чѣмъ вывозъ произведеній всей огромной Россіи. Пассивный балансъ торговли Петербурга и Ревеля, хотя и объясняетъ отчасти недостатокъ звонкой монеты въ странѣ и сильное паденіе ея вексельнаго курса, не есть единственная причина утечки денегъ за границу. „Это лучше всего могутъ понять тѣ, замѣчаетъ графъ Штернбергъ, кто знакомъ съ любимымъ занятіемъ русскаго двора: производить замѣшательства во всей Европѣ, чтобы тѣмъ временемъ имѣть возможность безпрепятственно дѣлать территоріальныя пріобрѣтенія" [3]).

Теперь намъ осталось сказать нѣсколько словъ относительно московскихъ впечатлѣній графа І. Штернберга. Москвичи своимъ обхожденіемъ понравились ему больше, чѣмъ петербуржцы. Офиціальную цифру населенія Москвы въ 200 тысячъ человѣкъ онъ считаетъ преувеличенной. По его словамъ, онъ убѣдился въ этомъ наглядно, такъ какъ, проѣзжая по улицамъ города въ различные часы дня, часто не встрѣчалъ ни

[1]) Reise, 44-45.
[2]) Bemerkungen, 105.
[3]) Bemerkungen, 129-130.

одного человѣка. Все стеченіе народное сосредоточено около лавокъ, и если бы иностранецъ пожелалъ судить о городѣ по этимъ мѣстамъ, то и цифра въ полъ милліона душъ не показалась бы ему слишкомъ значительной [1]). Китай-городъ, какъ главная торговая часть Москвы, обратилъ на себя вниманіе графа Штернберга. Онъ говоритъ, что тамъ находится до 5 тысячъ мелкихъ лавокъ и что тамъ же стоитъ прежній монетный дворъ, безъ котораго теперь въ Россіи очень хорошо обходятся [2]) (ироническій намекъ на ассигнаціи). Относительно промышленности и торговли Москвы графъ Штернбергъ дѣлаетъ только отрывочныя замѣчанія. Промышленность Москвы не особенно развита. Самая лучшая мануфактура принадлежитъ англичанину Дикенсону. Шелковыхъ фабрикъ насчитывается до 20, но среди нихъ находятся такія незначительныя предпріятія, что ихъ всѣ вмѣстѣ врядъ ли можно счесть за одну настоящую фабрику. 8 суконныхъ фабрикъ производятъ простыя и плохія сукна. Хорошій товаръ приготовляютъ кожевенныя мануфактуры, среди которыхъ находятся двѣ сафьяновыхъ фабрики. 4 мануфактуры выдѣлываютъ полотно, но онѣ не имѣютъ никакого значенія для внѣшней торговли. Въ Москвѣ существуетъ одна ситцевая фабрика, издѣлія которой находятъ себѣ порядочный сбытъ. Къ числу фабрикъ, произведенія которыхъ по большей части потребляются самими русскими, графъ Штернбергъ относитъ 120 пивоваренъ, 10 водочныхъ заводовъ и 13 карточныхъ фабрикъ. Если торговлю Москвы оцѣнивать по числу купцовъ, доходящему до 2655, то ее слѣдуетъ считать весьма значительной. Но состояніе всѣхъ этихъ купцовъ, вмѣстѣ взятыхъ, не превышаетъ состоянія одного именитаго голландскаго купца. Штернбергъ считаетъ возможнымъ развитіе въ Москвѣ торговли китайскими товарами, такъ какъ торговля Россіи съ Китаемъ недавно опять возобновилась (въ 1792 г. *П. О.*) [3]).

Въ заключеніе скажемъ, что русскія дороги оставили по себѣ у графа Штернберга, нѣсколько разъ ломавшаго свой экипажъ, самыя непріятныя воспоминанія. „Воистину грѣхъ, говоритъ онъ, ѣхать въ Россію въ хорошемъ и изящномъ экипажѣ; вѣдь русскій возница мало заботится о томъ, что происходитъ за его спиной; онъ угощаетъ кнутомъ своихъ лошадей и доволенъ уже тѣмъ, что онѣ бѣгутъ по улицѣ, хотя бы повозка разлеталась въ куски на камняхъ и глубоко проѣзженныхъ колеяхъ. Онъ поетъ непрерывно свою пѣсенку, мелодія которой чрезвычайно оскорбительна для музыкальнаго уха“ [4]). При плохихъ дорогахъ и несовершенствѣ крестьянскихъ телѣгъ

[1]) Reise, 10, 12-13.
[2]) Reise, 6, 7.
[3]) Reise, 9.
[4]) Reise, 2.

большая часть перевозокъ совершается на саняхъ, чему благопріятствуютъ продолжительная зима и глубокій снѣгъ [1]). Какъ не вспомнить при этихъ словахъ стихи нашего знаменитаго поэта, написанные лѣтъ 40 спустя:

„Теперь у насъ дороги плохи,
Мосты забытые гніютъ,
На станціяхъ клопы да блохи
Заснуть минуты не даютъ;
Трактировъ нѣтъ; въ избѣ холодной,
Высокопарный, но голодный
Для виду прейскурантъ виситъ
И тщетный дразнитъ аппетитъ,
Межъ тѣмъ, какъ сельскіе циклопы
Передъ медлительнымъ огнемъ
Россійскимъ лечатъ молоткомъ
Издѣлье легкое Европы,
Благословляя колеи
И рвы отеческой земли.
Зато зимы порой холодной
Ѣзда пріятна и легка,
Какъ стихъ безъ мысли въ пѣснѣ модной —
Дорога зимняя гладка.
Автомедоны наши бойки,
Неутомимы наши тройки,
И версты, тѣша праздный взоръ,
Въ глазахъ мелькаютъ, какъ заборъ.“

П. Остроуховъ.

[1]) Bemerkungen, 85.

„Исповѣдь“ М. А. Бакунина.

Въ числѣ весьма цѣнныхъ архивныхъ документовъ, найденныхъ съ начала революціи въ дѣлахъ III отдѣленія „Собственной е. и. в. канцеляріи“, едва ли не самымъ любопытнымъ и цѣннымъ является „Исповѣдь“ Бакунина царю Николаю I, въ „особо запечатанномъ пакетѣ“ присоединенная къ дѣлу „объ отставномъ прапорщикѣ Михаилѣ Бакунинѣ“.

О томъ, что Бакунинъ, сидя въ Петропавловской крѣпости, обращался къ имп. Николаю I съ письмомъ, въ которомъ подробно разсказывалъ о своей революціонной дѣятельности, было извѣстно и раньше. Фактъ этотъ предалъ гласности самъ Бакунинъ въ письмѣ къ Герцену отъ 8.XII.1860 изъ Иркутска. По его словамъ, онъ „написалъ въ самомъ дѣлѣ родъ исповѣди, нѣчто въ родѣ Dichtung und Wahrheit ...Я разсказалъ Николаю всю свою жизнь за границей, со всѣми замыслами, впечатлѣніями и чувствами, причемъ не обошлось для него безъ многихъ неутѣшительныхъ замѣчаній на счетъ его внутренней и внѣшней политики. Письмо мое, расчитанное, во первыхъ, на ясность моего, повидимому, безвыходнаго положенія, съ другой же — на энергическій нравъ Николая, было писано очень твердо и смѣло, — и именно потому ему очень понравилось“ [1]). Впослѣдствіи о письмѣ Николаю I разсказывалъ Бакунинъ и Замфиру Ралли. Вотъ какъ передаетъ З. Ралли объ этомъ въ своихъ воспоминаніяхъ [2]): „Это была большая ошибка съ моей стороны, говорилъ Бакунинъ Ралли; въ письмѣ моемъ я высказалъ много правды Николаю, но все же отнесся къ нему, какъ къ человѣку, любящему Россію, а этого не слѣдовало дѣлать, потому что Николай былъ д----ъ и понять меня не могъ. Я много бы далъ, чтобы этого письма не существовало“. Содержаніе же письма Бакунинъ всегда характеризовалъ словами: „оно было славянофильское, я тогда слишкомъ придавалъ значенія Россіи въ вопросѣ освобожденія славянъ изъ подъ нѣмецкаго ига. Написано оно было подъ вліяніемъ тѣхъ оскорбленій, которыя я вынесъ

---

[1]) Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Съ прилож. его памфлет., біогр. введ. и объясн. прим. М. П. Драгоманова. Женева. 1896. Стр. 70-71.

[2]) Замфиръ Ралли. Мих. Ал. Бакунинъ. Изъ моихъ воспоминаній. „Минувшіе Годы“. 1908. № 10. Стр. 148.

въ австрійскихъ тюрьмахъ. Писать къ Николаю не слѣдовало уже потому, что тогда было ясно, что его царствованіе обнаружило всю ложь его государственной системы — онъ довелъ уже Россію до края гибели". Отрывочныя свѣдѣнія о письмѣ Бакунина царю Николаю I мы находимъ въ воспоминаніяхъ Тучковой-Огаревой и въ сочиненіи Ивана Головина „Der Russische Nihilismus" [1]). Но текста „Исповѣди" никто не читалъ и о характерѣ ея можно было судить лишь со словъ самого Бакунина [2]). А. А. Корниловъ, однако, считаетъ возможнымъ утверждать [3]), будто Бакунинъ „разсказалъ содержаніе исповѣди такъ же подробно, а можетъ быть еще подробнѣе, чѣмъ Россу, старымъ друзьямъ своимъ — Огареву и Герцену. Въ самомъ дѣлѣ, тѣ показанія о Бакунинѣ, которыя даетъ Герценъ, хоть кратки, но ярки и показываютъ, что Герценъ за этотъ періодъ вполнѣ представлялъ себѣ душевный ростъ и душевныя переживанія Бакунина, какъ они были". Предположеніе А. А. Корнилова врядъ ли правильно. Вотъ что Герценъ писалъ объ „Исповѣди" Бакунина [4]): Николай I „прислалъ къ нему Орлова и велѣлъ ему сказать, что онъ желаетъ отъ него записку о нѣмецкомъ и славянскомъ движеніяхъ (монархъ не зналъ, что всѣ подробности были напечатаны въ газетахъ). Записку эту онъ требовалъ не какъ царь, а какъ духовникъ. Б. спросилъ Орлова, какъ понимаетъ государь слово „духовникъ": въ томъ ли смыслѣ, что все сказанное на духу должно быть святой тайной? Орловъ не зналъ, что сказать... Б. написалъ журнальный leading article. Николай и этимъ былъ доволенъ". Трудно на основаніи этихъ словъ предположить, чтобы Герцену во всѣхъ подробностяхъ было извѣстно о характерѣ и о содержаніи бакунинской „Исповѣди" царю Николаю. Осторожнѣй будетъ признать, что истинный характеръ „Исповѣди" былъ скрытъ Бакунинымъ. Онъ не утаилъ лишь самаго факта своего обращенія къ царю изъ Петропавловской крѣпости.

Совершенно понятенъ поэтому тотъ повышенный интересъ, который былъ вызванъ обнародованіемъ „Исповѣди" Вячеславомъ Полонскимъ въ 1921 г. [5]). Содержаніе „Исповѣди", ея характеръ, ея льстивый, подобострастный, вѣрноподданническій тонъ на первыхъ порахъ произвели ошеломляющее впечатлѣніе, особенно въ кругахъ анархическихъ. Тѣ, кто привыкъ смотрѣть

[1]) Leipzig. 1880.

[2]) Объ „Исповѣди" Бакунина царю Николаю I подробнѣе другихъ былъ, кажется, освѣдомленъ лишь М. П. Сажинъ (Россъ).

[3]) А. А. Корниловъ. Годы странствій Михаила Бакунина. Госиздат. Ленинградъ. 1925. Стр. 305-306.

[4]) А. Герценъ. Михаилъ Бакунинъ и польское дѣло. Берлинъ 1904. стр. 12-13.

[5]) М. А. Бакунинъ. Исповѣдь. Вступительная статья Вяч. Полонскаго. Госизд. 1921. Редакція журнала „Историческій Архивъ".

на Бакунина, какъ на учителя и вождя, кто склоненъ былъ ставить его на пьедесталъ и вѣрить въ цѣльность и непреклонную силу его характера, были крайне смущены какъ самымъ фактомъ „покаяннаго“ обращенія Бакунина къ царю Николаю I. такъ и, въ особенности, содержаніемъ и тономъ этого обращенія. Начались толки о „паденіи“ Бакунина, о „сумеркахъ великой души“. Всѣхъ занималъ вопросъ, былъ ли Бакунинъ искрененъ, когда писалъ свою „Исповѣдь“, вѣрилъ ли онъ своимъ покаяннымъ словамъ, дѣйствительно ли онъ каялся въ своихъ „прегрѣшеніяхъ“, или вся „Исповѣдь“ не что иное, какъ сознательный и ловкій обманъ, притворство, къ которымъ узникъ прибѣгъ для облегченія своей участи. Была ли „Исповѣдь“ документомъ, выношеннымъ въ сердцѣ, выстраданнымъ въ тяжкой душевной мукѣ и борьбѣ, или она должна быть разсматриваема. какъ результатъ холоднаго и трезваго расчета, какъ произведеніе искуснаго, спокойнаго и увѣреннаго въ себѣ дипломата? Наконецъ, допустимо ли было для революціонера типа Бакунина просить милости у царя и обращаться къ нему со словами вѣрноподданническими, покаянными и даже льстивыми?

Покаянная „Исповѣдь“ Бакунина не является документомъ одинокимъ среди писаній и высказываній русскихъ революціонеровъ XIX вѣка. Начиная съ покаянныхъ показаній нѣкоторыхъ декабристовъ, черезъ исповѣдь петрашевца Спѣшнева [1]), малодушіе Д. И. Писарева [2]), подробныя признанія Василія Кельсіева [3]), приходимъ къ исповѣди Льва Тихомірова [4]), явившейся слѣдствіемъ полнаго и искренняго измѣненія первоначальнаго міровоззрѣнія. Цѣлый рядъ революціонеровъ пришелъ къ тому, къ чему вынужденъ былъ придти и Бакунинъ. Его „Исповѣдь“ не является исключеніемъ. И все-таки документъ этотъ поражаетъ насъ непріятно и болѣзненно и дѣлаетъ естественными и законными тѣ недоумѣнные вопросы, которые были приведены выше. При первомъ чтеніи бакунинской „Исповѣди“ нельзя избавиться отъ чувства неловкости.

Это чувство неловкости въ первую очередь ярко ощущалъ самъ авторъ „Исповѣди“. Онъ не любилъ о ней распространяться. Ему гораздо выгоднѣе было представить свое поведеніе въ отношеніи царя Николая I полнымъ достоинства, гордости и сознанія своей правоты и силы. О времени своего заточенія

---

[1]) Спѣшневъ послужилъ, повидимому, прототипомъ Ставрогина въ „Бѣсахъ“ Достоевскаго.

[2]) М. К. Лемке. Дѣло Д. И. Писарева. Былое. 1906. № 2. Февраль. Стр. 46.

[3]) Исповѣдь В. И. Кельсіева. Архивъ Русской Революціи. Томъ XI Берлинъ. 1923.

[4]) Л. Тихоміровъ. Почему я пересталъ быть революціонеромъ. Парижъ 1887.

въ саксонскихъ и австрійскихъ тюрьмахъ Бакунинъ могъ вспоминать безъ чувства неловкости. „Прусскій офицеръ, говоритъ Замфиръ Ралли [1]), который сторожилъ его въ темницѣ города Альтенбурга, разсказывалъ, что Бакунинъ сохранялъ въ неволѣ своей желѣзный характеръ революціонера, непоколебимо вѣрующаго въ свою правоту". Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Въ русской же тюрьмѣ случилось иное: желѣзный характеръ революціонера подался...

Другіе революціонеры приходили къ покаянному настроенію въ концѣ своей революціонной карьеры. „Исповѣдь" Бакунина прорѣзываетъ его революціонную дѣятельность въ самой серединѣ ея. Какъ связать при наличіи этой „Исповѣди" оба этапа жизненнаго пути Бакунина-революціонера: начальный, завершенный Петропавловкой и Сибирью, и послѣдующій, отъ бѣгства изъ Сибири до самой смерти?

Повторяю, всѣ эти недоумѣнные вопросы являются вполнѣ законными. По разному отвѣчаютъ на нихъ. „Исповѣдь" Бакунина породила цѣлую литературу. Вокругъ „Исповѣди" возникла оживленная полемика. Въ общемъ, и объясненіе и оцѣнка „Исповѣди" даются весьма различныя. Ниже я коснусь большинства этихъ различныхъ мнѣній. Но, чтобы правильно разобраться въ нихъ и попытаться дать собственный отвѣтъ, необходимо сперва выяснить ту внѣшнюю обстановку, въ которой появилась „Исповѣдь", хотя бы вкратцѣ познакомиться съ міровоззрѣніемъ Бакунина той эпохи и съ характеромъ его, какъ человѣка, сопоставить между собой отдѣльныя мѣста „Исповѣди" и сравнить ее съ другими высказываніями Бакунина какъ того же времени, такъ и послѣдующаго.

Покидая въ 1840 году Россію, Бакунинъ мечталъ посвятить себя наукѣ. Онъ былъ охваченъ настроеніями праваго гегеліанства и всякую дѣйствительность, русскую въ томъ числѣ, признавалъ разумной. Интересъ къ политическимъ и соціальнымъ вопросамъ пробудился въ Бакунинѣ не сразу, а постепенно, по мѣрѣ расширенія круга его знакомствъ въ Берлинѣ и въ Дрезденѣ. Но разъ проявившись, интересъ этотъ сдѣлался доминирующимъ. Наука отошла на второй планъ, главнымъ дѣломъ жизни стало участіе въ политическомъ движеніи. Агитація, проповѣдь, борьба, обличеніе, конспирація, митингъ, баррикада — вотъ къ чему теперь сводилась дѣятельность Бакунина за границей. Не покорное подчиненіе разумной дѣйствительности, а пламенное обличеніе ея и активная борьба съ ней. Но во имя чего? Политическіе взгляды Бакунина эпохи 40-хъ годовъ не были приведены въ систему. Въ то время онъ не былъ ни анархистомъ, ни коммунистомъ, ни соціалистомъ. „Отчаянный

---

[1]) Op. cit., стр. 148.

демократъ" — вотъ какъ самъ Бакунинъ опредѣлялъ свое политическое настроеніе тѣхъ годовъ [1]).

Въ концѣ 40-хъ годовъ XIX вѣка Бакунинъ велъ кочевой образъ жизни, ища въ разныхъ мѣстахъ Европы наиболѣе выгодныхъ условій для развитія революціонной дѣятельности. Вспыхнувшая въ 1848 году во Франціи революція, вскорѣ перебросившаяся въ Центральную Европу, давала Бакунину основаніе ожидать, что революціонное движеніе постепенно перебросится дальше на востокъ и захватитъ Польшу и Россію. Возникшее національное движеніе среди поляковъ и австрійскихъ славянъ Бакунинъ склоненъ былъ разсматривать, какъ ключъ къ революціонному перевороту въ Россіи.

Со всей присущей ему страстностью, со всей энергіей и съ вѣрой въ правоту своихъ идей бросился Бакунинъ въ революціонный омутъ. Выставивъ лозунгомъ разрушеніе Австріи и образованіе на ея развалинахъ всеславянской федераціи, Бакунинъ спорилъ съ Палацкимъ на Славянскомъ съѣздѣ въ Прагѣ въ іюнѣ 1848 года, стрѣлялъ въ войска Виндишгреца во время пражскаго возстанія въ день Св. Духа, пытался создать тайное революціонное общество въ Чехіи, убѣждалъ славянъ соединиться съ нѣмецкой и мадьярской демократіей для общей борьбы съ надвигающейся реакціей, строилъ грандіозный планъ соціальной революціи въ Чехіи, наконецъ, принималъ активное участіе въ дрезденскомъ возстаніи 1849 года. Арестованный въ Хемницѣ, Бакунинъ былъ судимъ саксонскимъ судомъ и присужденъ къ смертной казни. Выданный саксонцами Австріи, онъ былъ судимъ и тамъ и также приговоренъ къ смерти. Но имп. Николай I добился отъ австрійскаго правительства выдачи Бакунина Россіи, и въ маѣ 1851 года жандармскій полковникъ Распоповъ доставилъ Бакунина въ Петербургъ. Опасный революціонеръ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость.

Одиночное заключеніе для такой дѣятельной, энергичной натуры, какимъ былъ Бакунинъ, само по себѣ явилось тяжкимъ испытаніемъ. Два смертныхъ приговора, тяжелыя цѣпи Пражской и Оломоуцкой тюремъ, сознаніе полной безпросвѣтности будущаго, физическія лишенія — все это способствовало состоянію крайней моральной подавленности. Находясь въ одиночномъ заключеніи, постоянно подвергаясь пристрастнымъ

---

[1]) О жизненномъ пути М. А. Бакунина въ 40-хъ годахъ и о постепенной эволюціи его взглядовъ см.: Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву, съ приложеніемъ его памфлетовъ, біографическимъ введеніемъ и объяснительными примѣчаніями М. П. Драгоманова. Женева. 1896. — А. А. Корниловъ. Годы странствій Михаила Бакунина. Госиздат. Лнг. 1926. — Вяч. Полонскій. Мих. Ал. Бакунинъ. Томъ первый. Бакунинъ романтикъ. 2-е изданіе. Госиздат. 1925. — Ю. Стекловъ. Мих. Ал. Бакунинъ, его жизнь и дѣятельность. 1814-1876. Томъ I. Изд. Комм. Академ. Москва. 1926. — Hélène Iswolsky. La vie de Bakounine. N. R. F. Paris. 1930.

допросамъ со стороны саксонскихъ и австрійскихъ военно-слѣдственныхъ властей, Бакунинъ не могъ не подвергнуть внутренней критикѣ какъ тѣ идеи, которыми онъ жилъ до сихъ поръ, такъ и способы, коими онъ хотѣлъ осуществить ихъ въ жизни. Въ тюремной обстановкѣ эта внутренняя критика не могла не привести къ глубокимъ разочарованіямъ, къ полной переоцѣнкѣ нѣкоторыхъ прежнихъ позицій. Собственная дѣятельность начинала представляться Бакунину въ иномъ свѣтѣ, ошибки и увлеченія ярко выступали наружу. Отчаяніе, овладѣвшее Бакунинымъ въ австрійской тюрьмѣ, привело его даже къ попыткѣ самоубійства: онъ пробовалъ отравиться спичками, но ѣлъ ихъ безъ всякаго ущерба для своего здоровья. „Подлая страна, говорилъ онъ, не умѣетъ ни покончить съ человѣкомъ, котораго считаетъ вреднымъ, ни смягчить его человѣческимъ обращеніемъ“ [1]).

Бакунинъ съ радостью воспринялъ вѣсть о выдачѣ его русскому правительству. Австрійскій тюремный режимъ, австрійскія цѣпи становились ему уже непереносными. Но онъ не могъ не сознавать, что въ Россіи ждутъ его новыя, не менѣе тяжелыя испытанія. Одинъ каменный мѣшокъ онъ мѣнялъ на другой. Правда, цѣпи были родныя, русскія, кругомъ слышалась русская рѣчь, утѣшало сознаніе близости къ семьѣ, любовь къ которой была еще жива въ душѣ узника. Но все же будущее казалось безпросвѣтно темнымъ, о свободѣ не приходилось и мечтать. Кромѣ того угнетало сознаніе ошибки: ни Россія, ни славянскіе народы не были достаточно подготовлены къ революціи. Массы дремали. Ихъ внезапное пробужденіе, ихъ быстрый подъемъ были нереальны. Зато вполнѣ реальна и ощутительна была сила царя. Помимо душевной депрессіи и физически Бакунинъ чувствовалъ себя плохо. Совершенно естественно, что цѣлый вихрь противоположныхъ чувствъ и мыслей долженъ быть возникнуть въ головѣ у Бакунина, когда графъ Орловъ, по порученію государя, предложилъ ему написать родъ исповѣди, „какъ духовный сынъ пишетъ къ духовному отцу“.

Бакунинъ любилъ изображать царя Николая I кровожаднымъ деспотомъ. Испытавъ рядъ физическихъ страданій и нравственныхъ оскорбленій въ австрійскихъ тюрьмахъ, Бакунинъ и отъ русскихъ тюремщиковъ ожидалъ пытокъ, а, можетъ быть, и лютой казни. И вдругъ — милостивое разрѣшеніе царя писать ему откровенно, какъ на духу. Предложеніе царя, казалось, выводило узника изъ бездѣйствія, открывалась какая-то, неясная еще впрочемъ, надежда. Принять это предложеніе или отвергнуть? Самому отсѣчь отъ себя послѣднюю надежду? Отказаться отъ радости высказаться? Искушеніе было слишкомъ велико.

[1]) Н. А. Тучкова-Огарева. Воспоминанія. Academia. Ленинградъ. 1929. Стр. 94.

Многихъ поражаетъ то, что Бакунинъ не отвергъ сдѣланнаго ему предложенія. Въ самомъ согласіи его „исповѣдаться“ передъ царемъ усматриваютъ *паденіе* Бакунина, доказательство того, что „высокая душа“ на мгновеніе заколебалась и померкла. Бакунинъ изъ твердости характера, изъ гордости и благородства долженъ былъ отказаться бесѣдовать со своими тюремщиками. Но при такомъ взглядѣ считаютъ, повидимому, заранѣе безспорнымъ, что Бакунинъ обладалъ „великой душой“, непреклоннымъ гордымъ и благороднымъ характеромъ. Часто бываетъ, что яркую личность, оставляющую глубокій и прочный слѣдъ въ жизни, надѣляютъ душевными качествами, которыми данная личность вовсе не обладала. Человѣкъ кипучей энергіи и громадной умственной силы могъ и не имѣть „великой“ души. Чтобы правильно судить поступки Бакунина, необходимо освободиться отъ предвзятой оцѣнки его душевныхъ качествъ: если мы не будемъ превозносить силу и благородство характера Бакунина, то не придется и говорить о „паденіи“; не надо закрывать глазъ на нѣкоторыя черты его характера, которыя отнюдь не служатъ доказательствомъ „величія“ души. Правда, Герценъ находилъ, что, хотя Бакунинъ имѣлъ много недостатковъ, „но недостатки его были мелки, а сильныя качества крупны“ [1]). Дѣйствительно, эти сильныя качества — кипучая энергія, широкій умъ, діалектическія способности, вѣра въ свое призваніе, личная храбрость, стремленіе къ благу человѣчества — иногда совершенно заслоняли другой рядъ мыслей и чувствъ Бакунина, мелкихъ, лживыхъ и отталкивающихъ.

И все же, многое въ характерѣ Бакунина и многое въ его поступкахъ вызываетъ чувство недоумѣнія и протеста. Прежде всего — его легкомысленное отношеніе къ деньгамъ. Бакунинъ вѣчно жилъ на чужія средства, занималъ деньги направо и налѣво, большими и малыми суммами, никогда не думая о возвратѣ. Правда, здѣсь отсутствовалъ элементъ стяжанія; Бакунинъ не богатѣлъ за чужой счетъ, онъ проживалъ занятыя деньги полностью или тратилъ ихъ на революціонныя нужды. Герценъ говорилъ даже, что если бы Бакунина „кто нибудь спросилъ окончательно, что онъ думаетъ о правѣ собственности, онъ могъ бы сказать то, что отвѣчалъ Лаландъ Наполеону о Богѣ; „Sire, въ моихъ занятіяхъ я не встрѣчалъ никакой надобности въ этомъ правѣ“ [2]). Бакунинъ никогда не задумывался надъ тѣмъ, каковы источники его средствъ, и не желалъ понять, что своими дѣйствіями онъ роняетъ себя и причиняетъ затрудненія другимъ [3]).

---

[1]) А. Герценъ. Михаилъ Бакунинъ и польское дѣло. Берлинъ. 1904. Стр. 17.

[2]) Тамъ же, стр. 20.

[3]) Бар. Н. Врангель въ своихъ Воспоминаніяхъ („Отъ крѣпостного права до большевиковъ“, „Слово“, Берлинъ, 1924, стр. 62-63) разсказываетъ, какъ Бакунинъ послѣ одного собранія въ Женевѣ, на которомъ

Бакунинъ, повидимому, вовсе не видѣлъ того, что деньги добываются трудомъ (большинство кредиторовъ Бакунина одалживало ему именно свои трудовые гроши); самъ онъ никогда не унижался до того, чтобы *зарабатывать* себѣ на жизнь. Когда въ маѣ 1843 года онъ очутился въ Швейцаріи совершенно безъ денегъ, задолжавъ содержателямъ гостиницъ, портнымъ, сапожникамъ, друзьямъ и случайнымъ знакомымъ, перспектива сдѣлаться рабочимъ и систематическимъ трудомъ заработать себѣ деньги казалась ему ужасной и унизительной. Онъ не привыкъ къ труду, не умѣлъ работать, не зналъ обязанностей. Ю. Стекловъ эти непріятныя особенности характера Бакунина оправдываетъ тѣмъ, что „легкомысленное отношеніе къ денежному вопросу было однимъ изъ пороковъ, наслѣдованныхъ Бакунинымъ отъ того класса, къ которому онъ принадлежалъ по рожденію... Тотъ же классъ крѣпостниковъ-рабовладѣльцевъ и государственныхъ кормленщиковъ надѣлили его халатностью и лѣнью, неспособностью къ усидчивой и упорной работѣ“ [1]). Оправданіе съ коммунистической и классовой точки зрѣнія, можетъ быть, очень вѣско и убѣдительно, но съ общечеловѣческой точки зрѣнія врядъ ли можетъ кого-нибудь удовлетворить. Легкомысленное отношеніе къ деньгамъ и неспособность къ систематическому труду — явленія, встрѣчающіяся столь же часто и у представителей другихъ классовъ населенія; ихъ надо съ большей справедливостью отнести къ психическимъ особенностямъ индивидума, а не среды.

Крайне непріятное впечатлѣніе производитъ также слѣдующее. Бакунинъ отрицательно относился къ своимъ родителямъ, особенно къ матери. „Вы читали письмо отца? спрашивалъ Бакунинъ сестеръ Татьяну и Варвару въ письмѣ отъ 28-29 февраля 1836 года [2]), оно меня навсегда отрѣзало отъ семейства“. „Лишь моральное родство можетъ быть человѣчественно“ [3]), въ томъ же февралѣ писалъ Бакунинъ сестрѣ Варварѣ. „Съ моей точки зрѣнія, писалъ онъ сестрѣ Варварѣ въ 1836 году, нѣтъ родителей, я отрицаю своихъ, я не нуждаюсь въ ихъ любви... и не нахожу себя обязаннымъ валяться у нихъ въ ногахъ“ [4]). Матери своей онъ посылаетъ проклятья, считая, что та сгубила

онъ выступалъ съ рѣчью, пригласилъ своихъ многочисленныхъ друзей и поклонниковъ въ ресторанъ ужинать. „Господа, заказывайте, я угощаю“. Когда подали счетъ, Бакунину не чѣмъ было расплатиться. Онъ расхохотался. Пришлось прибѣгнуть къ займу. Бакунинъ обѣщалъ деньги вернуть, но не вернулъ.

[1]) Ю. Стекловъ. Мих. Алекс. Бакунинъ. Его жизнь и дѣятельность. Томъ первый. 1814-1861. Изд. Ком. Акад. М. 1926.

[2]) А. А. Корниловъ. Молодые годы Михаила Бакунина. Изъ исторіи русскаго романтизма. Москва. 1915. Стр. 173.

[3]) Тамъ же, стр. 181.

[4]) Тамъ же, стр. 181.

жизни своихъ дочерей. Такой взглядъ на родителей не помѣшалъ, однако, Бакунину требовать отъ нихъ присылки ему 16.000 рублей на уплату долговъ и на личные расходы за границей. Въ любви родительской онъ не нуждался, зато нуждался въ родительскихъ деньгахъ.

Внимательно присматриваясь къ отношеніямъ Бакунина съ друзьями, мы не можемъ не отмѣтить нѣкоторыхъ крайне несимпатичныхъ чертъ его характера: онъ любилъ безтактно вмѣшиваться въ интимныя дѣла своихъ друзей, критикуя, наставляя и проповѣдуя, онъ проявлялъ исключительную неуживчивость, требуя, чтобы друзья шли за нимъ, даже не справляясь съ тѣмъ, куда ведетъ ихъ вождь, онъ не терпѣлъ ни возраженій, ни указаній и раздражался, когда ему говорили правду въ глаза. Ссора съ Бѣлинскимъ произошла именно на этой почвѣ. Что касается исторіи съ Катковымъ, то поведеніе въ ней Бакунина „величіемъ" души объяснить никакъ нельзя: насплетничавъ на Каткова и замѣшавъ въ этой сплетнѣ женщину, Бакунинъ получилъ то, что, повидимому, заслуживалъ — двѣ пощечины и брошенное ему въ лицо слово „подлецъ". Всѣ ждали дуэли, но ея не послѣдовало. По поводу этой ссоры Огаревъ писалъ Герцену: „что за продолженіе боя у Каткова съ Бакунинымъ и почему окончаніе дурно? Объясни. Я уже придумалъ: вѣроятно, одинъ другого ударилъ въ рожу, а тотъ (Бакунинъ) обтерся. Мнѣ ужасно жалко, что я протянулъ руку помощи этому длинному гаду. Поведеніе его относительно Боткина такъ низко, что выразить нельзя... Это такой человѣкъ, которому гадко руку протянуть... Два умныхъ человѣка, изъ которыхъ одинъ мальчишка (Катковъ), другой подлецъ (Бакунинъ)" [1]). Герценъ писалъ о Бакунинѣ въ 1868 году: „Бакунинъ, любившій всегда быть стокомъ сплетенъ" [2]). А въ 1843 году Герценъ занесъ въ свой Дневникъ слѣдующую оцѣнку личности Бакунина: „талантъ и дрянной характеръ" [3]). Бѣлинскій писалъ Бакунину въ октябрѣ 1838 года слѣдующее: „Всегда признавалъ и теперь признаю въ тебѣ благородную львиную породу, духъ могущій и глубокій, необыкновенное движеніе духа, превосходныя дарованія, безконечное чувство, огромный умъ. Но въ то же время признавалъ и признаю: чудовищное самолюбіе, мелкость въ отношеніяхъ съ друзьями, ребячество, легкость, недостатокъ задушевности и нѣжности, высокое мнѣніе о себѣ на счетъ другихъ, желаніе покорять, властвовать, охоту говорить правду и отвращеніе слушать ее отъ другихъ" [4]).

---

[1]) Біографич. введеніе М. П. Драгоманова къ письмамъ М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева. 1896. Стр. XI.
[2]) Р. Старина. 1886. XII. 668.
[3]) Сочиненія. Т. I. 88.
[4]) Письма В. Г. Бѣлинскаго. Т. I. СПб. 1914. Стр. 302.

Въ Бакунинѣ была еще одна характерная и непріятная черта, не отмѣченная Бѣлинскимъ. Въ немъ была значительная доля лукавства, онъ не разъ въ своей дѣятельности сознательно прибѣгалъ ко лжи и къ обману.

Столь же трудно объяснить „величіемъ" души Бакунина все его поведеніе во время ссылки въ Сибири, когда онъ сдѣлался пламеннымъ поклонникомъ ген.-губернатора Восточной Сибири Н. Муравьева-Амурскаго, усердно защищалъ его политику и административные пріемы, мечталъ о роли всероссійскаго диктатора для Муравьева и занялъ враждебную позицію въ отношеніи политическихъ ссыльныхъ Петрашевскаго, Завалишина и др. Имѣются даже свѣдѣнія, что Бакунинъ использовалъ свои добрыя отношенія съ Муравьевымъ для сведенія личныхъ счетовъ съ неугодными ему товарищами по ссылкѣ. Про Петрашевскаго и Львова Бакунинъ открыто говорилъ, что они занимаются писаніемъ доносовъ въ III отдѣленіе. Крайне неблаговидна была также роль Бакунина въ нашумѣвшей въ Сибири дуэли Беклемишева съ Неклюдовымъ.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить еще одного печальнаго факта въ судьбѣ Бакунина: его участія въ экспедиціи парохода „Warld Jackson" въ 1863 году, во время польскаго возстанія [1]). Будучи однимъ изъ вдохновителей этой экспедиціи, однимъ изъ главныхъ ея руководителей, онъ въ послѣднюю минуту сошелъ на берегъ въ Швеціи и отказался раздѣлить тяжкія мытарства и затрудненія экспедиціи, закончившейся трагической катастрофой и гибелью столькихъ молодыхъ жизней. Я не хочу этимъ заподозрить мужество Бакунина: въ другихъ случаяхъ жизни онъ это мужество блистательно подтвердилъ. Но въ его настроеніяхъ бывали срывы, бывали моменты малодушія, затменія и непослѣдовательности. Противорѣчій и въ мысляхъ, и въ настроеніяхъ, и въ поступкахъ Бакунина было всегда достаточно. Натура Бакунина не была монолитной и безкомпромиссной; было бы ошибкой считать его натуру возвышенной и исключительно благородной. Въ ней несомнѣнно, какъ я уже отмѣтилъ выше, былъ элементъ лукавства, дипломатической изворотливости и актерства, да и другія мелкія и крупныя человѣческія слабости не были ей чужды. Къ тому же, какъ правильно отмѣтилъ Л. Ильинскій [2]), Бакунинъ всегда пасовалъ передъ силой переживаемаго момента, „моментъ у него всегда господствуетъ". Жизнь и дѣло Бакунина неизбѣжно должны поражать широтой замысловъ, напряженностью стремленій и глубиной мысли. Но

---

[1]) М. Бакунинъ и экспедиція на пароходѣ „Warld Jackson". „Красный Архивъ". Томъ 7-ой. — Письма М. А. Бакунина къ А. И. Герцену и Н. П. Огареву. Женева. 1896. Стр. 107-121.

[2]) Л. Ильинскій. Новые матеріалы о Бакунинѣ. Голосъ Минувшаго. 1920-1921. Стр. 128.

душевныя свойства Бакунина были ниже его умственныхъ способностей и не всегда оказывались на высотѣ тѣхъ задачъ, которыя онъ себѣ ставилъ. Это надо твердо помнить при изученіи всей его дѣятельности, а въ частности при оцѣнкѣ его „Исповѣди".

Изъ всего вышеизложеннаго было бы, однако, невѣрно дѣлать выводъ, будто бы я готовъ признать наличность двухъ моралей: одной - повышеннаго требованія для людей сильныхъ духомъ, нравственное чувство которыхъ развито чрезвычайно сильно, и другой, существующей для обыкновенныхъ смертныхъ, подвергнутыхъ разнообразнымъ человѣческимъ слабостямъ. Относя Бакунина къ категоріи людей, моральный уровень которыхъ невысокъ, я какъ будто бы готовъ оказать ему снисхожденіе. Но не моральная оцѣнка личности Бакунина сама по себѣ интересуетъ меня въ данный моментъ; я стремлюсь лишь, на основаніи всего намъ извѣстнаго изъ біографіи и характера Бакунина, попытаться объективно объяснить самый фактъ написанія имъ „Исповѣди" и опредѣлить ея сущность. Я не вижу въ „Исповѣди" „паденія", такъ какъ она не вызвала трагедіи въ душѣ Бакунина, а пробудила въ немъ лишь чувство игрока, готоваго сдѣлать ловкій ходъ.

Но для правильнаго пониманія „Исповѣди" всего выше отмѣченнаго еще недостаточно. Необходимо принять во вниманіе то обстоятельство, что революціонерамъ первой половины XIX вѣка, вышедшимъ изъ среды помѣщичье-дворянской или военной, чуждо было чувство ненависти въ отношеніи слугъ самодержавнаго режима и самого самодержца. Правда, среди декабристовъ были люди, мечтавшіе о цареубійствѣ. Но это была скорѣе революціонная экзальтація горячихъ головъ, увлеченныхъ идеей сверженія тирановъ и примѣрами классической древности, чѣмъ продуманная и облеченная въ систему мысль. Ю. Стекловъ правильно отмѣчаетъ [1]), что „у революціонеровъ изъ привилегированной среды въ нѣкоторые моменты сказывалась какая-то духовная связь, какая-то исключительная общность съ ихъ преслѣдователями". Этой общности, этой связи, разумѣется, не могло быть у позднѣйшихъ революціонеровъ-разночинцевъ. Для Бакунина графъ Орловъ, Муравьевъ-Амурскій, кн. Долгорукій и другіе слуги царя не являлись врагами. Это были люди одной съ нимъ общественной среды, одного воспитанія [2]). Бакунинъ не могъ разсматривать общеніе съ ними, бесѣду, переписку, заявленіе просьбъ — какъ дѣйствія предосудительныя, марающія чистоту его революціонныхъ ризъ. Что касается царя, то для той среды, въ которой Бакунинъ родился

[1]) Назв. соч., стр. 397.
[2]) Съ Муравьевымъ-Амурскимъ Бакунинъ былъ даже въ родствѣ.

и выросъ, царь оставался первымъ дворяниномъ имперіи; обращеніе къ нему считалось вполнѣ законнымъ и естественнымъ. Царь былъ хозяинъ, отъ его слова зависѣло все, онъ долженъ былъ знать правду. И мы видимъ, что къ царю обращался и Герценъ, съ царемъ откровенно бесѣдовали и декабристы и многіе петрашевцы. Программа Бакунина той эпохи не требовала обязательно сверженія царскаго трона: она могла быть осуществлена и царемъ, если бы онъ пожелалъ быть вождемъ своего народа и всего славянскаго міра. Бакунинъ самъ пережилъ въ молодости періодъ священнаго и любовнаго трепета передъ личностью царя; покорно склониться передъ нимъ для Бакунина не являлось трагедіей, особенно, если, склоняясь, онъ говорилъ царю-духовнику свою выстраданную правду.

Бакунинъ не только революціонный фантастъ, какимъ онъ можетъ представиться, когда читаешь его „славянскія“ программы той эпохи. Въ извѣстные моменты онъ несомнѣнно является также реальнымъ политикомъ, человѣкомъ, взвѣшивающимъ свои тактическіе шаги, готовымъ мѣнять свои методы подъ вліяніемъ измѣняющейся жизненной обстановки. Для него не методы важны, а цѣль, къ которой онъ стремится. Отъ цѣлей онъ не отказывается, наоборотъ, онъ уточняетъ и лучше выявляетъ ихъ; не отказывается онъ и отъ критики дѣйствительности, отъ предпосылокъ, обосновывающихъ его выводы. А методы осуществленія въ жизнь намѣченныхъ цѣлей могутъ быть разными, въ зависимости отъ обстановки: царь вчера могъ быть врагомъ, препятствіемъ на пути, а сегодня — онъ союзникъ и вождь. Такъ, напримѣръ, находясь въ Прагѣ на Славянскомъ съѣздѣ въ іюнѣ 1848 года, Бакунинъ писалъ и говорилъ противъ царской, николаевской, официальной Россіи, а въ то же время задумалъ написать Николаю I письмо въ стремленіи обратить царя въ свою вѣру и поставить его во главѣ всего славянскаго міра.

Возможно, что Бакунинъ шелъ здѣсь даже дальше. Будучи отъ природы проповѣдникомъ, агитаторомъ, пророкомъ, онъ мечталъ о возможности убѣдить царя, если не обратить его полностью въ свою вѣру, то во всякомъ случаѣ создать общую почву для взаимнаго пониманія. Бакунинъ старался угадать, что́ можетъ сблизить его міропониманіе съ міропониманіемъ царя Николая, къ чему прибѣгнуть, чтобъ вызвать симпатію у властителя? Два крупныхъ человѣка, двѣ сильныхъ воли вступили въ состязаніе. Напряженная работа мысли, стремленіе лучше проникнуть въ психику противника, найти въ ней созвучныя струны, отыскать самыя сильныя и самыя нужныя слова, — вотъ что преобладало въ психикѣ Бакунина передъ написаніемъ „Исповѣди“, а не борьба съ самимъ собой.

Обратимся теперь къ самой „Исповѣди“ и отмѣтимъ въ ней сперва все то, что можетъ почитаться лестью, покаяніемъ, униженной мольбой о прощеніи.

„Графъ Орловъ, пишетъ Бакунинъ, объявилъ мнѣ отъ имени Вашего Императорскаго Величества, что Вы желаете, Государь, чтобы я Вамъ написалъ полную Исповѣдь всѣхъ своихъ *прегрѣшеній*. — Государь, я не заслужилъ такой милости и краснѣю, вспомнивъ все, что дерзалъ говорить и писать о неумолимой строгости Вашего Императорскаго Величества.. Графъ Орловъ сказалъ мнѣ отъ имени Вашего Императорскаго Величества слово, которое потрясло меня до глубины души и переворотило все сердце мое: «Пишите, сказалъ онъ мнѣ — пишите къ Государю, какъ бы Вы говорили со своимъ духовнымъ отцомъ». Да, Государь, буду исповѣдываться Вамъ, какъ духовному отцу“.

И дальше:

„Буду говорить передъ Вами, какъ бы говорилъ передъ самимъ Богомъ, котораго нельзя обмануть ни лестью, ни ложью“ [1].)

Суммарно Бакунинъ опредѣляетъ свои *прегрѣшенія* такъ: „я кругомъ виноватъ передъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ и передъ законами отечества... Я былъ въ явномъ бунтѣ противу Васъ, Государь, и противъ Вашего правительства; дерзалъ противустать Вамъ, какъ врагъ, писалъ, говорилъ, возмущалъ умы противъ Васъ, гдѣ и сколько могъ“. За эти тяжкія преступленія Бакунинъ проситъ судить и казнить его: и судъ и казнь будутъ одинаково законны и справедливы.

Описывая свой пріѣздъ въ Россію, Бакунинъ говоритъ о томъ, какъ онъ „былъ пораженъ, глубоко тронутъ благороднымъ, человѣческимъ, снисходительнымъ обхожденіемъ“, встрѣтившимъ его при въѣздѣ на русскую территорію. „Я ожидалъ другой встрѣчи, пишетъ Бакунинъ. Что я увидѣлъ, услышалъ, все, что испыталъ впродолженіи цѣлой дороги, отъ Царства Польскаго до Петропавловской Крѣпости, было такъ противно моимъ боязненнымъ ожиданіямъ, стояло въ такомъ противорѣчіи со всѣмъ тѣмъ, что я самъ, по слухамъ, и думалъ, и говорилъ, и писалъ о жестокомъ русскомъ правительствѣ, что я, въ первый разъ усумнившись въ истинѣ прежнихъ понятій, спросилъ себя съ изумленіемъ: не клеветалъ ли я?“ [2]).

Послѣдовательно и откровенно, мѣстами сжато, мѣстами подробно, разсказываетъ Бакунинъ въ „Исповѣди“ о своей жизни и дѣятельности, о своихъ взглядахъ, мечтахъ и планахъ. „Исповѣдь“ даетъ намъ полную картину пребыванія Бакунина за границей и во многомъ можетъ служить надежнымъ источникомъ

---

[1]) Исповѣдь, стр. 48.
[2]) Исповѣдь, стр. 47.

для біографіи знаменитаго революціонера. Описывая свои настроенія, мысли и дѣйствія въ 40-хъ годахъ, Бакунинъ неизмѣнно говоритъ о „преступномъ“ революціонерномъ пути, о „печальной“ революціонерной карьерѣ, о томъ, что онъ „впадалъ изъ безумія въ безуміе, изъ ошибки въ грѣхъ, изъ грѣха въ преступленіе“. Все пребываніе свое за границей Бакунинъ разсматриваетъ теперь, какъ серію „безсмысленныхъ поступковъ“, „грѣховъ“ и „преступленій“. „Я вполнѣ и отъ глубины души сознаю, восклицаетъ Бакунинъ, что... я преступникъ противъ Васъ, Государь, преступникъ противъ Россіи и что преступленія мои заслуживаютъ казнь жесточайшую“. Вся жизнь его до Петропавловки кажется ему „пустой, безполезной и преступной“; и онъ счастливъ, что Богъ во время остановилъ его „на широкой дорогѣ ко всѣмъ преступленіямъ“.

Первымъ по времени „преступленіемъ“ своимъ Бакунинъ считаетъ отказъ вернуться въ Россію по повелительному зову правительства. Статья въ демократической газетѣ „Réforme“ явилась вторымъ его положительнымъ преступленіемъ. Но это были грѣхи юношескіе, несознательные, легкомысленные. Вскорѣ за ними послѣдовали грѣхи „съ сознаніемъ“ и съ „опредѣленной цѣлью“. Но среди этихъ грѣховъ не было и мысли о цареубійствѣ. Съ негодованіемъ отвергаетъ Бакунинъ эту клевету:

> „Меня обвиняли, будто бы я хотѣлъ, въ сообществѣ двухъ поляковъ, которыхъ теперь позабылъ и фамилію, что будто бы я намѣревался посягнуть на жизнь Вашего Императорскаго Величества. — Не стану входить въ подробности такой клеветы; я подробно отвѣчалъ на нее въ своихъ заграничныхъ показаніяхъ и стыжусь много говорить объ этомъ предметѣ. Одно только скажу, Государь: я преступникъ передъ Вами и передъ закономъ, я знаю великость своихъ преступленій, но знаю также, что никогда душа моя не была способна ни къ злодѣйству, ни къ подлости. Мой политическій фанатизмъ, жившій болѣе въ воображеніи, чѣмъ въ сердцѣ, имѣлъ также свои крѣпко-опредѣленныя границы, и никогда ни Брутъ, ни Равальякъ, ни Алибо не были моими героями. Къ тому же, Государь, въ душѣ моей собственно противъ Васъ никогда не было даже и тѣни ненависти. Когда я былъ юнкеромъ въ Артиллерійскомъ Училищѣ, я такъ же, какъ и всѣ товарищи, страстно любилъ Васъ. Бывало, когда Вы пріѣдете въ лагерь, одно слово: «Государь ѣдетъ», приводило всѣхъ въ невыразимый восторгъ и всѣ стремились къ Вамъ навстрѣчу. Въ Вашемъ присутствіи мы не знали боязни; напротивъ, возлѣ Васъ и подъ Вашимъ покровительствомъ искали прибѣжища отъ начальства; оно не имѣло итти за нами въ Александрію. Я помню, это было во время холеры: Вы были грустны,

Государь; мы молча окружали Васъ, смотрѣли на Васъ съ трепетнымъ благоговѣньемъ и каждый чувствовалъ въ душѣ своей Вашу великую грусть, хоть и не могъ познать ея причины, — и какъ счастливъ былъ тотъ, которому Вы скажете, бывало, слово. — Потомъ, много лѣтъ спустя, за границей, когда я сдѣлался уже отчаяннымъ демократомъ, я сталъ считать себя обязаннымъ ненавидѣть императора Николая; но ненависть моя была въ воображеньи, въ мысляхъ, не въ сердцѣ: я ненавидѣлъ отвлеченное политическое лицо, Олицетворенье Самодержавной Власти въ Россiи, притѣснителя Польши, а не то Живое Величественное лицо, которое поразило меня въ самомъ началѣ жизни и запечатлѣлось въ юномъ сердцѣ моемъ. Впечатлѣнья юности не легко изглаживаются, Государь! — Да и въ самомъ разгарѣ моего политическаго фанатизма, безумье мое сохранило извѣстную мѣру; мои нападки противъ Васъ никогда не выходили изъ политической сферы: я дерзалъ называть Васъ жестокимъ, желѣзнымъ, немилосерднымъ деспотомъ, проповѣдывалъ ненависть и бунтъ противъ Вашей власти; но никогда не дерзалъ и не хотѣлъ и не могъ коснуться святотатственнымъ языкомъ собственно до Вашего Лица, Государь, и, какъ бы выразить это, не нахожу словъ, хоть и глубоко чувствую различье, — никогда однимъ словомъ я не говорилъ, не писалъ, какъ подлый лакей, который ругается надъ своимъ Господиномъ, и хулитъ и клевещетъ, потому что знаетъ, что баринъ или не слышитъ или слишкомъ отдаленъ отъ него, для того, чтобы задѣть его своею дубинкой. Наконецъ, Государь, даже и въ самое послѣднее время, наперекоръ всѣмъ демократическимъ понятьямъ и какъ бы противъ воли, я глубоко, глубоко почиталъ Васъ! — Не я одинъ, множество другихъ, Поляковъ и Европейцевъ вообще, сознавали со мною, что между всѣми нынѣ царствующими Вѣнценосцами Вы только одинъ, Государь, сохранили вѣру въ свое Царское Призванье. — Съ такими чувствами, съ такими мыслями, несмотря на все политическое безумье, я не могъ быть Цареубiйцею, и Вы повѣрите, Государь, что это обвиненье, не что иное, какъ гнусная клевета“ [1]).

Разсказавъ откровенно о своихъ „грѣхахъ“ и „преступленiяхъ“, Бакунинъ въ правѣ былъ ожидать вопроса, какъ же онъ думаетъ теперь? Отвѣтъ Бакунина на этотъ трудный вопросъ поражаетъ дiалектической тонкостью; въ немъ Бакунинъ скользитъ по поверхности, нарочито не желая давать точныхъ и ясныхъ формулировокъ. Вотъ, что онъ пишетъ:

„Какъ думаешь ты теперь? — Государь! Трудно мнѣ будетъ отвѣчать на этотъ вопросъ! — Въ продолженье болѣе

---

[1]) Исповѣдь, стр. 70-71.

чѣмъ двухлѣтняго одинокаго заключенья, я успѣлъ многое передумать и могу сказать, что никогда въ жизни такъ серьезно не думалъ, какъ въ это время: я былъ одинъ, далеко отъ всѣхъ обольщеній, былъ наученъ живымъ и горькимъ опытомъ. Еще болѣе усумнился я въ истинѣ многихъ старыхъ мыслей, когда, въѣхавъ въ Россію, нашелъ въ ней такую человѣколюбивую, благородную, сострадательную встрѣчу, вмѣсто ожидаемаго жестокаго и грубаго обхожденья. На дорогѣ я услышалъ многое, чего прежде не зналъ и чему бы за границей никогда не повѣрилъ. Многое, очень многое во мнѣ измѣнилось; но могу ли сказать по совѣсти, чтобъ во мнѣ не осталось также и много, много слѣдовъ старой болѣзни? — Одну истину понялъ я совершенно: что Правительственная наука и Правительственное дѣло такъ велики, такъ трудны, что мало кто въ состояньи постичь ихъ простымъ умомъ, не бывъ къ тому приготовленъ особеннымъ воспитаньемъ, особенною атмосферою, близкимъ знакомствомъ и постояннымъ обхожденьемъ съ ними: — что въ жизни Государствъ и Народовъ есть много высшихъ условій, законовъ, не подлежащихъ обыкновенной мѣркѣ, и что многое, что кажется намъ въ частной жизни неправеднымъ, тяжкимъ, жестокимъ, становится въ высшей политической области необходимымъ. Понялъ, что исторія имѣетъ свой собственный, таинственный ходъ, логическій, хоть и противурѣчащій часто логикѣ міра, спасительный, хоть и не всегда соотвѣтствующій нашимъ частнымъ желаньямъ, — и что, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній весьма рѣдкихъ въ Исторіи, какъ бы допущенныхъ Провидѣньемъ и освященныхъ признаньемъ Потомства, ни одинъ частный человѣкъ, какъ бы искренни, истинны, святы ни казались впротчемъ его убѣжденья, не имѣетъ ни призванья, ни права воздвигать крамольную мысль и безсильную руку противъ неисповѣдимыхъ высшихъ судебъ. — Понялъ, однимъ словомъ, что мои собственные замыслы и дѣйствія были въ высшей степени смѣшны, безсмысленны, дерзостны и преступны; — преступны противъ Васъ, моего Государя, преступны противъ Россіи, моего Отечества, преступны противъ всѣхъ политическихъ и нравственныхъ, божественныхъ и человѣческихъ законовъ“ [1]).

Столь же тонко и изворотливо „кается“ Бакунинъ въ своемъ самомъ тяжкомъ „преступленьи“ — въ желаніи поднять революцію въ Россіи:

„Я довольно сказалъ, чтобы показать, сколь была велика необузданность моей мысли. Теперь же, съ опасностью погрѣшить противъ логики и связи, спѣшу перескочить черезъ

[1]) Исповѣдь, стр. 89.

множество подобныхъ вопросовъ и мыслей, приведшихъ меня къ окончательному революціонному заключенію. Трудно, Государь, и неимовѣрно какъ тяжело мнѣ говорить Вамъ объ этихъ предметахъ. Трудно, потому что не знаю, какимъ образомъ я долженъ объясняться: если стану смягчать выраженья, то Вы можете подумать, что я хочу скрыть или умалить дерзость своихъ мыслей и что исповѣдь моя не искренна, не совершенна; — если жъ стану повторять выраженья, которыя употреблялъ, когда находился въ самомъ разгарѣ политическаго безумья, то Вы пожалуй подумаете, Государь, что я, отъ чего сохрани меня Богъ, хочу еще передъ Вами Самими щеголять вольнодумствомъ. Кромѣ этого, высчитывая подробно всѣ старыя мысли, я долженъ бы былъ различать между тѣми, которыя ужъ совершенно отбросилъ, и тѣми, которыя отчасти или вполнѣ сохранилъ, долженъ бы былъ войти въ безконечныя объясненья, разсужденья, которыя были бы здѣсь не только что неприличны, но совершенно противны духу и единственной цѣли сей исповѣди, долженствующей содержать только простой и нелицемѣрный разсказъ всѣхъ моихъ прегрѣшеній. — Но не такъ еще трудно, какъ тяжело мнѣ, Государь, говорить Вамъ о томъ, что я дерзалъ думать о направленьи и духѣ Вашего управленья! Тяжело во всѣхъ отношеньяхъ: тяжело по положенью, ибо я предстаю Вамъ, моему Государю, какъ осужденный преступникъ! — тяжело моему самолюбью: мнѣ такъ и слышится, что Вы, Государь, говорите: мальчишка болтаетъ о томъ, чего не знаетъ! *А болѣе всего тяжело моему сердцу, потому что стою передъ Вами какъ блудный, отчудившійся, развратившійся сынъ передъ оскорбленнымъ и гнѣвнымъ Отцемъ*“ [1]).

„Могли бы спросить меня: какъ же ты при такой неопредѣленности мыслей, не зная самъ, что выйдетъ изъ твоего предпріятья, какъ же ты могъ рѣшиться на такую страшную вещь, какова *русская* революція? Развѣ ты не слыхалъ о Пугачевскомъ бунтѣ? Или не знаешь, до какого варварства, до какой звѣрской жестокости могутъ дойти русскіе взбунтовавшіеся мужики? И не помнишь словъ Пушкина: «избави насъ Богъ отъ русскаго бунта, безсмысленнаго и безпощаднаго!..»“

„Государь! На этотъ вопросъ, на этотъ упрекъ мнѣ будетъ тяжелѣе отвѣчать, чѣмъ на всѣ предыдущіе. Оттого тяжелѣе, что хоть преступленіе мое не выходило изъ области мыслей, а въ мысли ужъ и тогда чувствовалъ себя преступникомъ, и самъ содрогался отъ возможныхъ послѣдствій моего преступнаго предпріятья, — и не отказывался отъ него!

---

[1]) Исповѣдь, стр. 90-91.

Правда, что я старался обманывать себя пустою надеждою на возможность остановить, укротить опьянѣлую ярость разнуздавшейся толпы; но плохо надѣялся, оправдывалъ же себя софизмомъ, что иногда и страшное зло бываетъ необходимымъ, а наконецъ утѣшалъ себя мыслью, что если и будетъ много жертвъ, то я паду вмѣстѣ съ ними... И Богъ знаетъ! достало ли бы у меня довольно характера, силы и злости для того, чтобъ, не говорю совершить, но для того чтобъ начать преступное дѣло. Богъ знаетъ? Хочу вѣрить, что нѣтъ, а можетъ быть и да. Чего не дѣлаетъ фанатизмъ! И не даромъ же говорятъ, что въ зломъ дѣлѣ только первый шагъ труденъ. -- Я много и долго думалъ объ этомъ предметѣ и до сихъ поръ не знаю, что сказать, а благодарю только Бога, что онъ не далъ мнѣ сдѣлаться извергомъ и палачемъ моихъ соотечественниковъ!" [1]).

Совсѣмъ вѣрноподданнически звучатъ послѣднія страницы „Исповѣди", въ которыхъ Бакунинъ обращается къ Государю съ различными просьбами:

„Исповѣдь моя кончена, Государь! Она облегчила мою душу. Я старался сложить въ нее всѣ грѣхи и не позабыть ничего существеннаго; если же, что позабылъ, такъ ненарочно. Все что, въ показаньяхъ, обвиненьяхъ, доносахъ противъ меня будетъ противно мною здѣсь сказанному, рѣшительно ложно, или ошибочно, или клеветливо.

Теперь же обращаюсь опять къ своему Государю и, припадая къ стопамъ Вашего Императорскаго Величества, молю Васъ:

Государь! я преступникъ Великій и не заслуживающій помилованья! Я это знаю, еслибъ мнѣ была суждена смертная казнь, я принялъ бы ее какъ наказанье достойное, принялъ бы почти съ радостью; она избавила бы меня отъ существованья несноснаго и нестерпимаго. Но графъ Орловъ сказалъ мнѣ отъ имени Вашего Императорскаго Величества, что смертная казнь не существуетъ въ Россіи. Молю же, Васъ, Государь! если по законамъ возможно и если просьба преступника можетъ тронуть сердце Вашего Императорскаго Величества, Государь, не велите мнѣ гнить въ вѣчномъ крѣпостномъ заключеньи! Не наказывайте меня за Нѣмецкіе грѣхи Нѣмецкимъ наказаньемъ. Пусть каторжная работа самая тяжкая будетъ моимъ жребіемъ. я приму ее съ благодарностью, какъ милость; чѣмъ тяжелѣе работа, тѣмъ легче я въ ней позабудусь! Въ уединенномъ же заключеньи все помнишь и помнишь безъ пользы; и мысль и память становятся невыразимымъ мученьемъ и живетъ долго, живетъ противъ воли и

---

[1]) Исповѣдь, стр. 94-95.

никогда не умирая, всякій день умираетъ въ бездѣйствіи и тоскѣ. — Нигдѣ не было мнѣ такъ хорошо, ни въ крѣпости Königstein, ни въ Австріи, какъ здѣсь въ Петропавловской крѣпости, и дай Богъ всякому свободному человѣку найти такого добраго, такого человѣколюбиваго начальника, какого я нашелъ здѣсь къ своему величайшему счастью! и несмотря на то, еслибъ мнѣ дали выбрать, мнѣ кажется, что я вѣчному заключенью въ крѣпости предпочелъ бы не только смерть, но даже тѣлесное наказанье.

Другая же просьба, Государь! позвольте мнѣ одинъ и послѣдній разъ увидѣться и проститься съ Семействомъ, если не со всѣмъ, то по крайней мѣрѣ съ старымъ отцомъ, съ матерью и съ одною любимою сестрою, про которую я даже не знаю, жива ли она?

Окажите мнѣ сіи двѣ величайшія милости, Всемилостивѣйшій Государь, и я благословляю Провидѣнье, освободившее меня изъ рукъ Нѣмцевъ, для того чтобы предать меня въ Отеческія руки Вашего Императорскаго Величества.

Потерявъ право называть себя вѣрноподданнымъ Вашего Императорскаго Величества, подписываюсь отъ искренняго сердца

Кающійся Грѣшникъ
Михаилъ Бакунинъ" [1]).

Я нарочно текстуально привелъ всѣ тѣ мѣста „Исповѣди", которыя могутъ дать основаніе говорить о „паденіи" и о „покаяніи" Бакунина. Но было бы ошибкой за этими мѣстами „Исповѣди" не замѣчать въ ней иного слоя мыслей, иного плана, глубокаго, яркаго и убѣдительнаго. Этотъ иной слой мыслей на первый взглядъ плохо вяжется съ фразистой риторикой „покаянныхъ" страницъ „Исповѣди" и обнаруживаетъ подлиннаго Бакунина, принимающаго позу кающагося грѣшника какъ бы только для того, чтобы подъ этой личиной свободнѣй высказать Государю свой политическій идеалъ того времени и подвергнуть рѣшительной критикѣ политическую систему Николая I. Бакунинъ не боится высказывать Государю положительныя сужденія о соціализмѣ и коммунизмѣ; онъ удостовѣряетъ, что, живя въ Зап. Европѣ, внимательно слѣдилъ „за движеніемъ соціализма, особенно же коммунизма, ибо смотрѣлъ на него, какъ на естественный, необходимый, неотвратимый результатъ экономическаго и политическаго развитія Зап. Европы; видѣлъ въ немъ юную, элементарную, себя еще не знающую силу, призванную или обновить или разрушить въ конецъ Западныя государства" [2]). По мнѣнію Бакунина, коммунизмъ стихійный, „невидимый, неосязаемый",

[1]) Исповѣдь, стр. 138.
[2]) Исповѣдь, стр. 53.

живущій въ томъ или иномъ видѣ во всѣхъ безъ исключенія, въ тысячу разъ опаснѣе того опредѣленнаго и приведеннаго въ систему, который проповѣдуется только въ немногихъ организированныхъ тайныхъ или явныхъ коммунистическихъ обществахъ" [1]). Этотъ стихійный коммунизмъ питается, по словамъ Бакунина, съ одной стороны — все возрастающей бѣдностью рабочаго класса, превращаясь въ „потребность неясную, но энергическую, какъ инстинктъ возвышенія"; съ другой же стороны — развратомъ, эгоизмомъ и безсиліемъ высшихъ классовъ.

Нѣсколько разъ на протяженіи „Исповѣди" говоритъ Бакунинъ о моральной расшатанности и паразитизмѣ высшихъ сословій, противопоставляя имъ классъ рабочій. „Никогда и нигдѣ, пишетъ Бакунинъ, не нашелъ я столько истинно трогательной честности, столько сердечной деликатности въ обращеніи и столько любезной веселости, соединенной съ такимъ героизмомъ, какъ въ этихъ простыхъ, необразованныхъ людяхъ" [2]). Больше всего поражалъ въ нихъ Бакунина глубокій инстинктъ дисциплины. Столь же симпатичными чертами надѣляетъ Бакунинъ „русскаго добраго и всѣми угнетеннаго мужика", въ противоположность „безхарактерному и блудному сословію русскихъ дворянъ".

Это опорачиваніе Бакунинымъ высшаго соціальнаго слоя имперіи, служившаго главной опорой самодержавнаго властителя, имѣло особый смыслъ. Бакунинъ, агитаторъ и проповѣдникъ, вѣрившій въ неотразимую силу зажигательнаго, яркаго и убѣдительнаго слова, втайнѣ надѣялся вселить въ имп. Николаѣ недовѣріе къ своему окруженію, психологически подготовить его къ возможности найти иную опору для трона, содѣйствовать установленію взаимнаго пониманія между самодержцемъ и массами. Расчетъ съ нашей точки зрѣнія наивный, но для Бакунина той эпохи — это былъ ходъ въ игрѣ.

Переходя къ изображенію современнаго ему состоянія Россіи, Бакунинъ не скупится на темныя краски. Въ Россіи атмосфера душная, царство страха и рабской покорности, таящее въ себѣ опасность грядущаго бунта. Чтобы спасти страну, чтобы улучшить положеніе народныхъ массъ, необходимы, по словамъ Бакунина, „вольный просторъ", раскрѣпощеніе и свобода.

„Когда обойдешь міръ, пишетъ Бакунинъ, вездѣ найдешь много зла, притѣсненій, неправды, а въ Россіи, можетъ быть, болѣе, чѣмъ въ другихъ Государствахъ. Не оттого, чтобъ въ Россіи люди были хуже, чѣмъ въ Западной Европѣ; напротивъ, я думаю, что русскій человѣкъ лучше, добрѣе, шире душой, чѣмъ западный; но на Западѣ противъ зла есть

---

[1]) Исповѣдь, стр. 54.
[2]) Исповѣдь, стр. 65.

лѣкарства: публичность, общественное мнѣніе, наконецъ, свобода, облагораживающая и возвышающая всякаго человѣка. Это лѣкарство не существуетъ въ Россіи. Западная Европа потому иногда кажется хуже, что въ ней всякое зло выходитъ въ наружу, мало что остается тайнымъ. Въ Россіи же всѣ болѣзни входятъ во внутрь, съѣдаютъ самый внутренній составъ общественнаго организма. Въ Россіи главный двигатель страхъ, а страхъ убиваетъ всякую жизнь, всякій умъ, всякое благородное движеніе души. Трудно и тяжело жить въ Россіи человѣку любящему правду, человѣку любящему ближняго, уважающему равно во всѣхъ людяхъ достоинство и независимость безсмертной души! человѣку, терпящему однимъ словомъ не только отъ притѣсненій, которыхъ онъ самъ бываетъ жертва, но и отъ притѣсненій, падающихъ на сосѣда! Русская общественная жизнь есть цѣпь взаимныхъ притѣсненій: Высшій гнететъ Низшаго; сей терпитъ, жаловаться не смѣетъ, но зато жметъ еще Низшаго, который также терпитъ и также мститъ на ему Подчиненномъ. Хуже же всѣхъ приходится простому народу, бѣдному русскому мужику, который, находясь на самомъ низу общественной лѣстницы, ужъ никого притѣснять не можетъ, и долженъ терпѣть притѣсненья отъ всѣхъ, по этой русской же пословицѣ: «Насъ только лѣнивый не бьетъ»"[1]).

Съ ужасомъ отмѣчая, какіе громадные размѣры приняли въ Россіи воровство, взяточничество и казнокрадство, съ горечью констатируя, что Россія стала страной неправды, Бакунинъ не видитъ возможности измѣненія положенія къ лучшему, пока Россія будетъ оставаться страной молчанія. Молчитъ же Россія „не оттого, чтобъ нечего было говорить, а только потому, что и языкъ и всѣ движенія ея связаны. Пусть она воспрянетъ и заговоритъ, и тогда мы узнаемъ, и что она думаетъ, и чего она хочетъ; она сама покажетъ намъ, какія формы и какія учрежденія ей нужны". Для развитія самостоятельности мысли, для выявленія общественной совѣсти необходимъ „вольный просторъ", а не „рабство и страхъ". Русскому же мужику необходимо дать свободу и собственность, необходимо научить его читать и писать.

Осуждаетъ Бакунинъ и завоевательную — имперіалистическую, сказали бы теперь — политику Николаевской Россіи. „Какая польза Россіи въ ея завоеваніяхъ, спрашиваетъ Бакунинъ. И если ей покорится полъ-свѣта, будетъ ли она тогда счастливѣй, вольнѣе, богаче? И не распадется ли могучее русское царство?.. Гдѣ послѣдняя цѣль его расширенія? Что принесетъ оно порабощеннымъ народамъ замѣсто похищенной

---

[1]) Исповѣдь, стр. 86.

независимости?" — „Развѣ только свою національность, стѣсненную рабствомъ", самъ себѣ спѣшитъ отвѣтить Бакунинъ[1]).

Сопоставляя „покаянныя" страницы „Исповѣди" съ „обличительными", убѣждаешься, что „Исповѣдь" Бакунина — произведеніе весьма сложное, къ которому не приложимы элементарныя, штампованныя мѣрки. Искреннее покаяніе или сознательный обманъ? И то и другое: Dichtung und Wahrheit, по словамъ самого Бакунина. Въ „Исповѣди" есть одно любопытное мѣсто: „Государь, восклицаетъ Бакунинъ, я не буду стараться извинять свои неизвинимыя преступленія, ни говорить Вамъ о позднемъ раскаяніи: — *раскаяніе въ моемъ положеніи столь же безполезно, какъ и раскаяніе грѣшника послѣ смерти*". Этой ловко построенной фразой Бакунинъ, собственно говоря, осторожно и тонко вовсе обошелъ вопросъ о раскаяніи.

Но это произведеніе Бакунина сложно и интересно не только потому, что въ немъ причудливо сочетаются два плана, одинъ — униженный, льстивый и покаянный, и другой — твердый, обличительный и агитаціонный, но также и тѣмъ, что оба эти плана *органически другъ съ другомъ связаны и другъ друга дополняютъ*. Цѣль „Исповѣди" — произвести впечатлѣніе на Государя, проникнуть въ его душу, повліять на его волю. Надо заслужить похвалу не только униженнымъ покаяніемъ въ „прегрѣшеніяхъ", но и благородствомъ стремленій и цѣлей, надо доказать, что цѣли Бакунина могутъ стать и цѣлями русскаго самодержца, что взгляды запертаго въ казематѣ государственнаго преступника могутъ быть близкими и симпатичными императору Всероссійскому. Надо такъ сочетать „покаяніе" съ „обличеніемъ" и съ исповѣданіемъ вѣры, чтобы царь былъ удовлетворенъ.

Въ нѣкоторомъ отношеніи Бакунинъ достигъ цѣли. Прочитавъ бакунинскую „Исповѣдь", Николай I написалъ на поляхъ: „стоитъ тебѣ прочесть, весьма любопытно и поучительно". Надпись эта относилась къ наслѣднику, будущему императору Александру II. На рукописи вообще много отмѣтокъ, помарокъ и замѣчаній царя, позволяющихъ болѣе или менѣе точно опредѣлить, какія мысли и чувства вызвали въ имп. Николаѣ I тѣ или иныя мѣста бакунинской „Исповѣди". Прежде всего несомнѣнно должны были понравиться царю мысли Бакунина о провиденціальной миссіи Россіи, его любовь къ родинѣ и вѣра въ ея великую будущность. Указанія Бакунина на основныя отличія Россіи отъ Запада, на дряхлость и гнилость Запада, выпады Бакунина противъ нѣмцевъ, противъ франкфуртскаго парламента вызываютъ сочувственныя замѣтки царя: „разительная истина", „прекрасно", „правда". Далѣе, отвращеніе Бакунина къ

---

[1]) Исповѣдь, стр 89.

демократіи, его критика конституціонныхъ формъ, его влеченіе къ сильной, диктаторской власти, все это не могло не произвести на имп. Николая I впечатлѣнія благопріятнаго. Здѣсь дѣйствительно могла создаться почва для взаимнаго пониманія между революціонеромъ и самодержцемъ.

Но этого мало. Критикуя окружавшую его россійскую дѣйствительность, обличая развращенность высшихъ сословій, говоря объ ошибкахъ власти, Бакунинъ не нападалъ лично на царя. Онъ бережно обособлялъ самодержца отъ окружавшей его мрачной обстановки, онъ не только не взваливалъ на императора вину за все происходящее кругомъ, но онъ лукаво и тонко старался вселить въ Николаѣ I увѣренность, что только онъ, Николай, и въ силахъ все исправить, все подтянуть, все измѣнить къ лучшему.

Были, однако, мѣста въ „Исповѣди", которыя имп. Николаю I не понравились. Такъ, Бакунинъ достойно и гордо отклонилъ предъявленное, повидимому, къ нему требованіе дать въ руки III отдѣленія матеріалъ для дальнѣйшихъ разслѣдованій: „Молю Васъ, Государь, не требуйте отъ меня, чтобы я Вамъ исповѣдывалъ *чужіе* грѣхи, говоритъ Бакунинъ. Вѣдь на духу никто не открываетъ грѣхи другихъ, только свои. Изъ совершеннаго кораблекрушенія, постигшаго меня, я спасъ только одно благо: честь и сознаніе, что я для своего спасенія, какъ для облегченія своей участи, нигдѣ, ни въ Саксоніи, ни въ Австріи не былъ предателемъ. Противное же сознаніе, что я измѣнилъ чьей-нибудь довѣренности или даже перенесъ слово, сказанное при мнѣ по неосторожности, было бы для меня мучительнѣй самой пытки. И въ Вашихъ собственныхъ глазахъ, Государь, я хочу быть лучше преступникомъ, заслуживающимъ жесточайшей казни, чѣмъ подлецомъ"[1]). Этотъ отказъ Бакунина вызвалъ недовольную реплику Николая I: „этимъ уже уничтожаетъ всякое довѣріе; ежели онъ чувствуетъ всю тяжесть своихъ грѣховъ, то одна чистая, полная исповѣдь, а не условная, можетъ почесться исповѣдью".

Значительный свѣтъ на „Исповѣдь" — на ея происхожденіе и смыслъ — проливаетъ опубликованная А. А. Корниловымъ[2]) записка Бакунина, тайно переданная имъ сестрѣ Татьянѣ во время свиданія съ ней въ крѣпости въ февралѣ 1854 года. Бакунинъ выражалъ радость, что можетъ, наконецъ, высказать „свободно и безъ принужденія все то", что онъ чувствовалъ и думалъ. „Это письмо, говоритъ Бакунинъ, — моя высшая и послѣдняя попытка связаться съ жизнью". Разсказывая о себѣ, о своей жизни въ крѣпости, онъ говоритъ, что

[1]) Исповѣдь, стр. 48—49.

[2]) А. А. Корниловъ. Годы странствій Михаила Бакунина. Госиздат. Ленинград. 1925. Стр. 491—495.

вынужденъ вѣчно носить маску: „я всегда въ хорошемъ настроеніи, я всегда смѣюсь, — а между тѣмъ двадцать разъ въ день я хотѣлъ бы умереть, настолько жизнь моя стала тяжела". Бакунинъ жалуется, что здоровье его разрушается: разыгрывается страшный геморрой, часто появляется жаръ, мучатъ головныя боли. Но физическія страданія не вліяютъ на духъ: „воля моя, надѣюсь, никогда не сломится; сердце мое кажется каменнымъ". Энергія Бакунина не изсякла: „никогда, пишетъ онъ, я не чувствовалъ такой пламенной жажды движенія и дѣятельности". Но долгое заключеніе грозитъ отупѣніемъ и параличемъ мысли; Бакунинъ болѣе всего страшится потерять способность логически и интенсивно мыслить. Онъ рѣшительно заявляетъ, что мысли его все тѣ же: онъ не измѣнялъ своимъ убѣжденіямъ. Его поддерживаетъ надежда снова начать то, что привело его сюда, „только съ большей выдержкой и съ большей предусмотрительностью". Тюрьма „укрѣпила мой разумъ, говоритъ Бакунинъ, но она нисколько не измѣнила моихъ прежнихъ убѣжденій. Она сдѣлала ихъ, наоборотъ, болѣе пламенными, болѣе рѣшительными, болѣе безусловными, чѣмъ прежде, и отнынѣ все, что остается мнѣ въ жизни, заключается въ одномъ словѣ свобода".

Это любопытное письмо, казалось бы, полностью подтверждаетъ мнѣніе, что „Исповѣдь" не что иное, какъ сознательный обманъ. Такъ и смотритъ на дѣло Ю. Стекловъ, говоря, что Бакунинъ писалъ „Исповѣдь" „для того, чтобы одурачить Николая и добиться освобожденія изъ крѣпости". Я согласенъ съ тѣмъ, что никакого дѣйствительнаго покаянія въ „Исповѣди" нѣтъ. Но въ ней далеко не все сводится къ желанію „одурачить". Несомнѣнно, что во многихъ своихъ разочарованныхъ словахъ и мысляхъ Бакунинъ былъ вполнѣ искрененъ. Но мы имѣемъ еще одно подтвержденіе, что нѣкоторыя мысли „Исповѣди" не были высказаны случайно или съ умысломъ ввести читателя въ заблужденіе, но явились результатомъ искреннихъ и довольно прочныхъ настроеній Бакунина, во власти которыхъ онъ находился еще долгое время послѣ выхода изъ крѣпости. Въ брошюрѣ, изданной Бакунинымъ въ 1862 году въ Лондонѣ[1]), мы встрѣчаемъ мысли, весьма сходныя съ мыслями, высказанными въ „Исповѣди". Въ этой брошюрѣ Бакунинъ страстно убѣждаетъ царя стать истиннымъ вождемъ своего народа. „Русскій народъ не потерялъ вѣры въ царя. Бѣды свои онъ приписываетъ кому и чему вамъ угодно, и помѣщикамъ, и чиновникамъ, и попамъ, только отнюдь не царю... Народъ почитаетъ въ царѣ символическое представленіе

---

[1]) Романовъ, Пугачевъ или Пестель. Мих. Бакунинъ. Избр. сочиненія. Томъ III. 1920.

единства, величія и славы русской земли... Царь — идеалъ русскаго народа, это родъ русскаго Христа". Русскій царь долженъ превратиться изъ императора петербургскаго въ царя земскаго, и тогда Бакунинъ охотно пойдетъ за Романовымъ, отвергнувъ Пестеля и Пугачева. Все это писалось Бакунинымъ, когда онъ былъ на свободѣ, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ написанія „Исповѣди". Это ясно показываетъ, что далеко не все въ „Исповѣди" должно быть отнесено къ желанію обмануть и одурачить. Въ „Исповѣди", наряду съ сознательнымъ обманомъ, мы видимъ и отраженіе истинныхъ взглядовъ и настроеній Бакунина.

Какой же практическій результатъ имѣла для Бакунина его длинная и сложная „Исповѣдь"? Въ концѣ рукописи царь написалъ, что „на свиданіе съ отцомъ и сестрой согласенъ, въ присутствіи г. Набокова" [1]). По существу это была единственная милость, которой добился Бакунинъ своей „Исповѣдью". Истомившись многолѣтнимъ одиночнымъ заключеніемъ, ослабѣвъ физически, Бакунинъ въ февралѣ 1857 года подалъ преемнику Николая, имп. Александру II, новое прошеніе. Написанное съ тихой, покорной печалью, оно вновь говоритъ о жизни, „растраченной въ химерическихъ и безплодныхъ стремленіяхъ". „Если бы могъ я, вырывается у Бакунина тоскливое восклицаніе, сызнова начать жизнь, то провелъ бы ее иначе, но увы! прошедшаго не воротишь!" Бакунинъ умолялъ дать ему свободу, дабы онъ могъ „взглянуть на свѣтлое небо, на свѣжіе луга, — увидѣть домъ отца моего, поклониться его гробу, и, — посвятивъ остатокъ дней сокрушающейся обо мнѣ матери, приготовиться достойнымъ образомъ къ смерти". Въ сопроводительномъ письмѣ къ кн. Долгорукому Бакунинъ чистоту своихъ намѣреній и мыслей завѣряетъ честнымъ словомъ, крѣпкимъ и ненарушимымъ, какъ „крѣпостная стѣна". „Другого для него исхода не вижу, какъ въ ссылку въ Сибирь на поселеніе": такова была резолюція имп. Александра II на прошеніи Бакунина.

Естественно возникаетъ вопросъ, почему царское правительство не использовало имѣвшагося у него въ рукахъ цѣннаго документа для дискредитированія Бакунина въ глазахъ революціонной партіи на Западѣ? Вѣдь опубликованіе „Исповѣди" несомнѣнно произвело бы крайне неблагопріятное впечатлѣніе среди друзей и адептовъ Бакунина и подорвало бы его авторитетъ. Дѣйствительно, такая мысль возникла въ 60-хъ годахъ, послѣ бѣгства Бакунина изъ Сибири и возвращенія его къ прежней революціонной работѣ.

---

[1]) Ген. И. А. Набоковъ (1787-1852) — комендантъ С.-Петербургской крѣпости, женатый на сестрѣ декабриста И. И. Пущина, Екатеринѣ Ивановнѣ.

Во время польскаго возстанія 1863 года Бакунинъ проявилъ кипучую дѣятельность. Ему казалось, что вслѣдъ за возставшими поляками неизбѣжно должны подняться и народныя массы въ Россіи. Принявъ участіе въ организаціи экспедиціи Лапинскаго на пароходѣ „Warld Jackson" и стремясь наладить регулярную доставку нелегальной литературы подпольной революціонной организаціи „Земля и Воля" въ Россіи, Бакунинъ прибылъ въ Швецію. Сочувствіе, съ которымъ онъ былъ принятъ шведскимъ общественнымъ мнѣніемъ, и пламенная агитація противъ русскаго правительства, которую развилъ Бакунинъ въ Швеціи, неминуемо должны были вызвать опасенія русскихъ офиціальныхъ круговъ. Необходимо было парализовать дѣятельность Бакунина. Лучшимъ способомъ для этого являлось опубликованіе его „Исповѣди".

Въ дѣлахъ III отдѣленія, уже послѣ революціи, была обнаружена приготовленная къ печати рукопись брошюры, носящей заглавіе „Михаилъ Бакунинъ — самъ себя изображающій. Сочиненіе шведа. Стокгольмъ. 1863". Въ брошюрѣ приводились въ выдержкахъ „Исповѣдь" и письма Бакунина въ тѣхъ частяхъ, которыя представляли автора въ невыгодномъ свѣтѣ. Къ выдержкамъ изъ писаній Бакунина „Шведъ" присовокупилъ свои собственныя сужденія, клонящіяся къ тому, что къ Бакунину нельзя относиться, какъ къ серьезному политическому дѣятелю. Попутно „Шведъ" всячески стремится освободиться отъ подозрѣній въ своей зависимости отъ III отдѣленія. „Я счелъ небезполезнымъ, пишетъ онъ [1]), собрать подробныя свѣдѣнія о г-нѣ Бакунинѣ въ самой Россіи и не отъ русскаго правительства или русскаго офиціальнаго общества, а отъ моихъ соотечественниковъ, по самому положенію своему въ Россіи стоящихъ совершенно независимо". Въ одной черновой запискѣ, принадлежащей перу кн. Долгорукаго, говорится: „брошюру... взялъ я въ Царское Село для прочтенія Его Величеству". Изъ этихъ словъ позволительно заключить, что брошюра была изготовлена въ нѣдрахъ III отдѣленія. 12 іюня 1863 года брошюра была представлена въ Царское Село. Повидимому, одобренія она не получила, такъ какъ въ печати она не появилась. Возможно, что съ ликвидаціей польскаго возстанія и съ отъѣздомъ Бакунина изъ Швеціи, надобность въ изданіи этой брошюры отпала.

Опубликованіе „Исповѣди" вызвало громадный интересъ и породило цѣлую литературу. Какъ я уже отмѣчалъ выше, оцѣнки „Исповѣди" весьма различны. Коснусь нѣкоторыхъ изъ нихъ. Самой элементарной является оцѣнка нѣкоей красноармейки, соображенія которой приводитъ А. С. Изгоевъ въ статьѣ

---

[1]) Цитирую по Л. Ильинскому. Новые матеріалы о Бакунинѣ. „Голосъ Минувшаго". 1920-1921, стр. 133-135.

„О душѣ, источенной нигилизмомъ“ [1]). „Когда дѣло идетъ о жизни и смерти, пишетъ красноармейка, все, все позволено для торжества жизни. Бакунинъ сидѣлъ въ тюрьмѣ 6 лѣтъ, онъ предвидѣлъ свою физическую и нравственную смерть, — и рѣшилъ обмануть коронованнаго тигра, чтобы освободиться ... Бакунину негдѣ было искать спасенія, кромѣ личности царя, и онъ обратился къ ней... Виновенъ ли онъ передъ судомъ исторіи? Нѣтъ, не виновенъ“. Изъ этихъ словъ становится яснымъ, что „красноармейка“ и не вчиталась и не вдумалась въ „Исповѣдь“, сложное содержаніе которой скользнуло мимо ея сознанія. Но столь же невѣрнымъ представляется оцѣнка человѣка, который, казалось бы, долженъ былъ особенно тщательно разобраться въ бакунинской „Исповѣди“: я говорю объ оцѣнкѣ перваго издателя и комментатора „Исповѣди“ — Вячеслава Полонскаго [2]). „«Исповѣдь» и письмо Александру II, по словамъ В. Полонскаго, принадлежатъ къ числу самыхъ потрясающихъ документовъ, какіе знаемъ мы о революціонерахъ. Содержаніе ихъ ошеломляетъ. Вѣрноподданническій тонъ, унизительное смиреніе, грубоватая, но нерѣдко тонкая лесть вызываютъ изумленіе. Самобичеванія же автора, расправа, которую производитъ онъ со своею дѣятельностью, осужденіе, которое выноситъ онъ своему міровоззрѣнію, бросаютъ новый и неожиданный свѣтъ на его духовный обликъ“. Для Полонскаго „Исповѣдь“ — во-первыхъ, показатель глубокаго нравственнаго паденія Бакунина, а, во-вторыхъ, - доказательство его искренняго возврата на позиціи праваго гегеліанства, доказательство торжества формулы „все дѣйствительное разумно“ и полнаго подчиненія Бакунина реальной и разумной дѣйствительности, побороть которую онъ былъ не въ силахъ [3]).

Думать такъ, значитъ совершенно не понимать ни духа ни смысла „Исповѣди“. Гораздо правильнѣе смотритъ на „Исповѣдь“ другой изслѣдователь жизни и дѣятельности Бакунина — Ю. Стекловъ [4]). Онъ не говоритъ ни о „паденіи“, ни о „покаяніи“. Онъ считаетъ, что „Исповѣдь“ — сознательный обманъ большого и ловкаго хитреца, стремившагося ввести въ заблужденіе своихъ тюремщиковъ и добиться облегченія своей участи. Любопытно, что такъ же понялъ „Исповѣдь“ предсѣдатель Государств. Совѣта гр. Чернышевъ, которому Николай I отослалъ

---

[1]) Лѣтопись дома литераторовъ, № 1-2 (5-6), 15 янв. 1922.

[2]) М. А. Бакунинъ. Исповѣдь и письмо Александру II. Вступительная статья „Михаилъ Бакунинъ въ эпоху сороковыхъ-шестидесятыхъ годовъ“ Вяч. Полонскаго. Редакція журнала „Историческій архивъ“. Госиздат. 1921.

[3]) Впослѣдствіи, послѣ опубликованія Корниловымъ записки Бакунина сестрѣ Татьянѣ, В. Полонскій отказался отъ своего невѣрнаго взгляда.

[4]) Ю. Стекловъ. Мих. Ал. Бакунинъ, его жизнь и дѣятельность. Томъ I. Изд. Коммунистич. академіи. Москва. 1926.

рукопись для ознакомленія. Чернышевъ не нашелъ въ ней „ни тѣни серьезнаго возврата къ принципамъ вѣрноподданнаго, скажу болѣе — христіанина и истинно-русскаго человѣка“. Мнѣніе Ю. Стеклова грѣшитъ, однако, односторонностью. Правильно отмѣчаетъ Б. Козьминъ [1]), что въ „Исповѣди“ своей Бакунинъ все же каялся; но въ чемъ? не въ идеяхъ, а въ методахъ. Разочарованіе въ путяхъ, которыми онъ шелъ за границей, наступило не въ Петропавловкѣ, а раньше: революція перестала казаться близкой и спасительной; вмѣсто революціи Бакунинъ ищетъ осуществленія своихъ идей въ демократическомъ цесаризмѣ, въ диктатурѣ Николая, въ его сильной власти. Онъ мечталъ превратить Николая въ „народнаго батьку“ и примирить самодержавіе съ народомъ. Сходныя съ Козьминымъ мысли высказываетъ и А. Е. Боровой [2]). „На протяженіи всей «Исповѣди», пишетъ онъ, Бакунинъ неизмѣнно свидѣтельствуетъ глубокую преданность своимъ общественнымъ идеаламъ“. Разочарованіе замѣтно въ другомъ: Бакунинъ усталъ отъ революціонной фразеологіи, отъ комитетовъ, клубовъ, съѣздовъ. „Исповѣдь“ нужна была Бакунину не только для царя, но для личнаго душевнаго покоя, какъ средство отдѣлаться отъ прошлаго. По словамъ Борового, „Исповѣдь не можетъ бросить никакой тѣни на міровоззрѣніе Бакунина“. Это мнѣніе подтверждаетъ и Л. Ильинскій [3]), считая, что „Исповѣдь“ — „смѣлая, не безъ достоинства рѣчь человѣка, независимаго въ своемъ внутреннемъ міровоззрѣніи“.

Съ совершенно иной оцѣнкой мы встрѣчаемся у Гроссмана-Рощина [4]). Для него „Исповѣдь Бакунина, это послѣдняя вспышка тлетворнаго огня стараго міра, это послѣдняя дань позора и паденія, которые уплатилъ Бакунинъ за свою невыжженную до тла привязанность къ старымъ богамъ“. Исповѣдь — это „паденіе титана“, „позоръ великой души“. Исповѣдь — это „бесѣда духа Бакунина съ самимъ собой о великихъ сумеркахъ собственной души“. Эта трескучая фразеологія служитъ рамкой для выраженія той мысли, что трагедія Бакунина заключается въ разладѣ „между волей къ бунту и объективнымъ ходомъ вещей, который оказывается болѣе могущественнымъ, чѣмъ бунтарская воля одного человѣка“. Пораженіе *вѣры*, замѣнившей у Бакунина знаніе, и *воли*, противопоставленной объективной дѣйствительности, привело Бакунина къ *покаянію* [5]).

---

[1]) М. А. Бакунинъ. Исповѣдь и письмо Александру II. „Вѣстникъ Труда“, сентябрь 1921. № 9 (12).
[2]) Печать и Революція. 1921. Книга 3, стр. 202-207.
[3]) Новые матеріалы о Бакунинѣ. Голосъ Минувшаго. 1920-1921 г.
[4]) Сумерки великой души. Печать и Революція. 1921. Кн. 3, стр. 44-58.
[5]) Къ сожалѣнію, мнѣ не пришлось познакомиться со статьей А. А. Корнилова, помѣщенной въ „Вѣстникѣ Литературы“ за 1921 г., № 12.

Иначе подходитъ къ истолкованію „Исповѣди“ Бакунина польскій изслѣдователь Янъ Кухаржевскій[1]). Сопоставляя бакунинскую „Исповѣдь“ съ предшествующими и послѣдующими покаяніями русскихъ революціонеровъ, начиная отъ декабристовъ и кончая Борисомъ Савинковымъ, Кухаржевскій утверждаетъ, что въ душѣ каждаго революціонера живетъ потребность столковаться съ противникомъ, установить взаимное пониманіе. Любовь къ покаянію, стремленіе сжечь то, чему только что поклонялся, жажда распластаться передъ торжествомъ силы — все это, по мнѣнію Кухаржевскаго, патологическія, темныя черты русской души. Не даромъ въ Исповѣди Кельсіева звучитъ радость по поводу разрушенія собственной программы. Блестящій примѣръ этихъ патологическихъ свойствъ русской души - сочиненія Достоевскаго. Бакунинъ, по словамъ Кухаржевскаго, не былъ человѣкомъ вѣры въ правду и въ торжество морали; для него имѣла значеніе реальная сила, лишь съ ней надлежало считаться, безразлично, борясь съ ней или находясь въ ея власти. Смѣсь правды, искренняго порыва и ловко приправленной лжи находимъ не только въ „Исповѣди“, но и въ другихъ писаніяхъ и рѣчахъ Бакунина. Уклоненіе отъ истины ради лучшаго достиженія поставленной себѣ цѣли — было постоянной его чертой. Бакунинъ ошибся въ Николаѣ I, какъ въ человѣкѣ. Онъ нарисовалъ себѣ образъ величаваго царя, милосерднаго отца-утѣшителя, стоящаго выше человѣческихъ страстей. Этому воображаемому царю Бакунинъ поклонился. А царь оказался лишь жандармомъ, инквизиторомъ-садистомъ. Написанное царемъ на поляхъ „Исповѣди“, по поводу призывовъ Бакунина стать во главѣ революціонной славянской федераціи, ироническое „спасибо“, разрушало все сложное построеніе бакунинской „Исповѣди“. Многое въ статьѣ Кухаржевскаго по существу правильно: указаніе на душевную депрессію Бакунина въ крѣпости, на духовный кризисъ, имъ переживавшійся, на ожиданіе пытокъ и казни и на внезапную радость отъ возможности высказаться, признаніе психологической сложности „Исповѣди“, имѣвшей конечной цѣлью не столько покаяніе, сколько воздѣйствіе на Николая I, — со всѣмъ этимъ легко согласиться. Но тогда утвержденія Кухаржевскаго о патологическихъ свойствахъ русскаго человѣка, со ссылкой на Достоевскаго, являются по существу ненужной попыткой мимоходомъ расправиться съ такъ называемой „русской душой“.

Елена Извольская въ своей недавно вышедшей книгѣ[2]) находитъ, что Бакунинъ былъ искренне и глубоко тронутъ,

---

[1]) Ian Kucharzewski. Spowiedz Bakunina. Przegląd Wspólczesny. R. IV. Kraków. 1925. №№ 42 и 43.

[2]) Hélène Iswolsky. La vie de Bakounine. NRF. Paris. 1930.

когда Орловъ предложилъ ему писать царю, какъ духовному отцу. Николай I вызывалъ теперь въ Бакунинѣ почтеніе и ужасъ. Преклониться передъ такимъ царемъ, развѣ означаетъ паденіе? Особенно, когда это преклоненіе связано съ надеждой пламеннымъ словомъ воздѣйствовать на царя, сказавъ ему свою правду. Е. Извольская полагаетъ, что въ „Исповѣди" нашла свое выраженіе двойственность натуры Бакунина — лукавство и энтузіазмъ, искренность и легкомысліе, могучіе взлеты и мелочныя интриги, подлинное чутье политическихъ реальностей и наивность школьника; и вмѣстѣ съ тѣмъ — что то низкое, подлое, вызывающее у читателя чувство отвращенія...

Какіе же выводы можно сдѣлать изъ всего предшествующаго изложенія? Самый фактъ откровенной бесѣды революціонера съ царемъ для той эпохи не являлся фактомъ необычнымъ. Психологическихъ препятствій для такой бесѣды у Бакунина возникнуть не могло. Покаянныя и льстивыя слова „Исповѣди" — не что иное, какъ разсчитанная на опредѣленный эффектъ фразеологія. Многія же выраженія являются аттрибутомъ обращеній подданнаго къ своему Государю.

Существеннѣй то, что Бакунинъ рѣшительно отклоняетъ требованіе предательства и твердо исповѣдуетъ свои основные взгляды, не стѣсняясь обличать современную ему русскую дѣйствительность и правительственную систему Николая I. Разочаровавшись въ путяхъ, которымъ онъ до тѣхъ поръ слѣдовалъ для достиженія своей цѣли, онъ зоветъ теперь имп. Николая сдѣлаться революціоннымъ вождемъ Россіи и всего славянства. Эта идея кажется намъ теперь бредовой фантазіей, но въ то время Бакунинъ вѣрилъ въ ея осуществимость и спасительность. Бакунинъ всегда увлекался планами грандіозными, замыслами великими. Николай I — революціонный диктаторъ, — было однимъ изъ его очередныхъ, но искреннихъ увлеченій.

Вообще же „Исповѣдь" Бакунина — замѣчательное литературное произведеніе, обнаруживающее громадный, чисто литературный талантъ у его автора, острое и тонкое чутье, дипломатическую изворотливость и словесную ловкость. „Исповѣдь" и *не* паденіе, и *не* трагедія; она — плодъ спокойной мозговой работы человѣка, съ удивительнымъ мастерствомъ сплетающаго въ одинъ неразрывный клубокъ Dichtung und Wahrheit [1]).

Б. А. Евреиновъ.

[1]) Законнымъ представляется вопросъ: каково значеніе „Исповѣди" Бакунина, какъ историческаго источника? Фактическое описаніе Бакунинымъ своей общественной и революціонной дѣятельности въ 40-хъ годахъ, изложеніе взглядовъ, настроеній и надеждъ той эпохи, — все это въ общихъ чертахъ соотвѣтствуетъ другимъ имѣющимся въ распоряженіи изслѣдователей матеріаламъ. А потому „Исповѣдь" является драгоцѣннымъ источникомъ не только для біографіи Бакунина, но и для исторіи умственнаго и революціоннаго движенія 40-хъ годовъ въ Европѣ.

Практическія начала политической экономіи П. И. Пестеля*).

Работа Пестеля подъ названіемъ „Практическія начала политической экономіи“ напечатана впервые въ „Красномъ Архивѣ“ томъ 13, 1925 годъ. ГИЗ. 1926. То, что до сихъ поръ эта рукопись Пестеля никогда не публиковалась и не разбиралась, объясняется тѣмъ, что она находилась въ томъ „дѣлѣ“, гдѣ собраны военныя записки Пестеля, не привлекавшія къ себѣ интереса историковъ. Внѣшній видъ рукописи очень отличается отъ остальныхъ работъ Пестеля, т. к. эта работа, по свидѣтельству г-на Мильмана, сдѣлавшаго для „Краснаго Архива“ ея переводъ, написана четкимъ, каллиграфическимъ почеркомъ, почти безъ помарокъ, за исключеніемъ послѣднихъ 18 страницъ, представляющихъ собой черновые наброски. Все написано на французскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, работа Пестеля въ „Архивѣ“ опубликованъ въ русскомъ переводѣ, что очень затрудняетъ ея изученіе. Подлинный французскій текстъ долженъ быть въ будущемъ напечатанъ въ изданіи Центроархива „Русская правда Пестеля“. Отсутствіе подлиннаго текста особенно затрудняетъ изученіе еще оттого, что переводъ сдѣланъ экономистомъ-марксистомъ, который употребляетъ специфическую марксистскую терминологію, а потому совершенно неясно, что говоритъ подлинный текстъ, когда въ переводѣ употребляются термины: „производительность“ или „воспроизводство“ или еще, когда переводчикъ употребляетъ термины „постоянный и перемѣнный капиталъ“.

Внѣшній видъ рукописи, по свидѣтельству Мильмана, тоже таковъ, что даже въ настоящее время историки склонны были предполагать, что они имѣютъ дѣло съ конспектомъ прочитанной книги, а не съ оригинальнымъ произведеніемъ.

Работа Пестеля сопровождена въ „Красномъ Архивѣ“ предисловіемъ г-на Мильмана, въ которомъ онъ говоритъ: „написана она (работа Пестеля) не раньше 1819 года. Основаніемъ для такого утвержденія служатъ достаточно убѣдительныя данныя. Сличая эту работу Пестеля съ экономической и политической литературой того времени, легко замѣтить, что она написана подъ впечатлѣніемъ и даже подъ вліяніемъ извѣстнаго труда Сисмонди „Nouveaux Principes d'Economie Politique“.

---

*) Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ весной 1928 г.

Сисмонди настолько сильно овладѣлъ вниманіемъ Пестеля, что въ публикуемомъ документѣ очень часто можно встрѣтить пересказъ мысли изъ „Nouveaux Principes". Это утвержденіе Мильмана ошибочно отъ начала до конца. Работа Пестеля написана раньше, и меньше всего на нее повліяла работа Сисмонди. Переходя къ содержанію работы Пестеля, надо прежде всего указать на то, что ея внѣшній видъ показываетъ, что это только первоначальный набросокъ большой задуманной работы. Вначалѣ идетъ подробное изложеніе, но чѣмъ дальше, тѣмъ все больше изложеніе переходитъ въ конспектъ основныхъ мыслей, а послѣдняя часть представляетъ собою просто перечисленіе главъ и отдѣловъ, съ указаніемъ, чего они должны касаться.

Вся работа распадается на три части: первая часть говоритъ о земледѣліи, вторая часть о фабрикахъ и третья часть поименована „статистика". Цѣликомъ изложена, собственно говоря, только первая часть работы, которая вся написана связно и гдѣ каждую свою мысль Пестель старается обосновать. Во второй части — о фабрикахъ — довольно подробно написана только первая глава. Вторая глава уже явно недокончена — напримѣръ, въ ней послѣ отдѣла перваго слѣдуетъ сразу отдѣлъ третій, который набросанъ въ видѣ сжатаго конспекта. Еще конспективнѣе написана глава третья. Наконецъ, послѣдняя часть — статистика — имѣетъ только перечисленіе и заглавія отдѣльныхъ отдѣловъ.

Такимъ образомъ, исчерпывающе изложены пестелевскіе экономическіе взгляды того времени только на вопросы земледѣлія. Несомнѣнно этотъ отдѣлъ имѣетъ наибольшій интересъ и оригинальность, т. к. Пестель старался знакомые ему экономическіе принципы примѣнить къ окружающей его русской дѣйствительности.

Надо сразу указать, что Пестель былъ, повидимому, довольно хорошо знакомъ съ современной ему экономической литературой. Онъ въ своей работѣ неоднократно упоминаетъ объ Адамѣ Смитѣ, Стюартѣ, Тюрго, Сэй-ѣ, одинъ разъ онъ упоминаетъ о Сисмонди, называя его Симондъ, и о книжкѣ Леопольда Пирни — о народномъ богатствѣ Пруссіи; онъ знаетъ систему меркантилистовъ и систему физіократовъ, которыхъ онъ, по распространенной тогда терминологіи, именуетъ „экономистами". Однако, изложеніе не даетъ, мнѣ кажется, достаточныхъ основаній установить, кого изъ авторовъ Пестель читалъ въ подлинникѣ, а о комъ судитъ изъ вторыхъ рукъ. Но, во всякомъ случаѣ, мнѣ кажется, можно считать, что двухъ авторовъ Пестель зналъ въ подлинникѣ. Это Адамъ Смитъ, котораго онъ часто цитируетъ, и Сэй. Объ остальныхъ Пестель могъ знать, если онъ слѣдилъ за журнальной литературой своего времени напримѣръ, „Духъ Журналовъ").

Адамъ Смитъ былъ тотъ писатель, который наложилъ наиболѣе сильный отпечатокъ на ученіе Пестеля о земледѣліи. Все пестелевское изложеніе въ этой части пропитано смитіанскимъ духомъ. Повторить то же про ученіе Пестеля о фабрикахъ, мнѣ кажется, нельзя. Здѣсь, очевидно, взгляды Пестеля складывались подъ другими вліяніями. И вѣрнѣе всего это была та полемика вокругъ запретительнаго тарифа 1811 года, которая продолжалась не только до 1816 года (изданіе новаго умѣреннаго тарифа), но и послѣ, когда въ 1822 г. Россія опять вернулась къ строгой запретительной таможенной системѣ.

Первая часть „Практическихъ началъ политической экономіи" Пестеля распадается на три главы. Первая глава — о трехъ производительныхъ классахъ. Вторая глава — увеличеніе производительныхъ силъ и третья глава — оборотъ капитала. Пестель, провозгласивъ, что принципъ свободы является основнымъ въ политической экономіи, говоритъ:

> „Необходимо даровать землевладѣльцамъ, фермерамъ и рабочимъ свободу, вытекающую изъ ихъ наиболѣе полной неприкосновенности. Необходимо стараться увеличить раздѣленіе труда, для чего потребуется затрата капитала, а поэтому необходимо облегчить свободный оборотъ капитала. Когда Правительство достигнетъ этихъ цѣлей, тогда оно дѣйствительно сдѣлаетъ для земледѣлія все, что имѣется въ его власти. Изъ вышесказаннаго видно, что трактатъ о практическихъ началахъ политической экономіи долженъ подраздѣляться на три главы, изъ которыхъ въ первой трактуется вопросъ о трехъ производительныхъ классахъ, занятыхъ въ земледѣліи, во второй — объ увеличеніи производительныхъ силъ и въ третьей — объ оборотѣ капитала".

Земледѣлецъ ведетъ хозяйство на землѣ и для того, чтобы его хозяйство шло успѣшно, земледѣлецъ долженъ быть увѣренъ, что онъ своей земли не лишится. „Поэтому неприкосновенность земельной собственности является основой всего того, что правительство можетъ сдѣлать для земледѣлія". Пестель идетъ такъ далеко, что указываетъ только два случая, когда можно у землевладѣльца отобрать землю: — это покушеніе на Государя или его представителя и пресѣченіе рода. Никакія же иныя политическія или гражданскія преступленія не могутъ служить поводомъ отнять собственность на землю. Необходимы въ гражданскомъ кодексѣ точные законы о владѣніи и наслѣдованіи землей, при чемъ Пестель возражаетъ противъ принципа первородства и требуетъ неограниченнаго права распоряженія землей для лица, ею владѣющаго.

Самое интересное во взглядахъ Пестеля — это отношеніе къ крупному и мелкому землевладѣнію. Онъ является опредѣленнымъ сторонникомъ крупнаго землевладѣнія и системы фермерства.

Въ этой подробности онъ отличается отъ Смита, т. к. Смитъ ставитъ фермерство на второе мѣсто, послѣ хозяйства мелкихъ собственниковъ, а Сисмонди всю свою работу строитъ именно для обоснованія преимущества въ народномъ хозяйствѣ мелкой земельной собственности.

Уже это одно положеніе совершенно опровергаетъ мнѣніе Мильмана, говорящаго въ предисловіи къ работѣ Пестеля, что она написана подъ впечатлѣніемъ книги Сисмонди. Вся книга Пестеля написана въ духѣ совершенно не отвѣчающемъ духу книги Сисмонди и найти въ ней слѣды его вліянія при внимательномъ чтеніи невозможно.

Пестель считаетъ самымъ благопріятнымъ положеніемъ для земледѣлія существованіе крупнаго землевладѣнія. На земляхъ этихъ крупныхъ землевладѣльцевъ должны хозяйничать фермеры, а остальное населеніе должно состоять изъ свободныхъ рабочихъ. Пестель говоритъ дословно: „Крупные (-же) владѣльцы, обладая большимъ капиталомъ, содержатъ много рабочихъ, надзоръ за которыми очень утомителенъ. Для большого удобства они возлагаютъ работы по надзору на комиссаровъ, а мало по малу поручаютъ имъ и всю обработку земли, за что эти послѣдніе, въ свою очередь, платятъ землевладѣльцамъ ренту и пріобрѣтаютъ званіе фермеровъ. Фермеры живутъ, такимъ образомъ, на землѣ крупныхъ помѣщиковъ, которымъ они выплачиваютъ ренту и землю которыхъ они обрабатываютъ на собственный капиталъ и по своему усмотрѣнію. Фермеры являются капиталистами земледѣльческаго класса. Вычтя изъ валового дохода всѣ издержки, фермеры дѣлятъ чистую прибыль на три части, изъ которыхъ одну отдаютъ землевладѣльцу въ качествѣ ренты, вторую — правительству въ видѣ налога, а третью оставляютъ себѣ, какъ процентъ на капиталъ. Мелкій землевладѣлецъ является одновременно и своимъ же собственнымъ фермеромъ, поэтому въ его доходъ входятъ и рента и процентъ на капиталъ. Первое положеніе вещей гораздо благопріятнѣе для земледѣлія чѣмъ второе. Въ первомъ случаѣ возникаетъ крупное сельское хозяйство, которое даетъ большую чистую прибыль и достаточную ренту. Въ послѣднемъ случаѣ мы имѣемъ мелкое сельское хозяйство, дающее небольшую чистую прибыль и ничтожную ренту. Оно даетъ мало доходу правительству и порождаетъ только обременительное для государства населеніе“.

Этотъ абзацъ одинъ самъ по себѣ является яркимъ опроверженіемъ мнѣнія, что Пестель находился подъ вліяніемъ Сисмонди. Пестель не зналъ въ это время ученія Сисмонди, т. к., если бы онъ читалъ его „Nouveaux Principes d'Economie Politique“, то онъ, конечно, зналъ бы его знаменитое противопоставленіе

валового и чистаго дохода, которое Сисмонди иллюстрируетъ именно на примѣрѣ фермера — капиталиста и мелкаго земельнаго собственника. Здѣсь Сисмонди доказываетъ, насколько выгоднѣе для государства мелкая земельная собственность, такъ какъ въ этомъ случаѣ огромное населеніе всегда себя прокормитъ, тогда какъ интересъ фермера заставитъ его часто пренебречь обработкой земли и пустить ее подъ пастбище изъ за полученія ничтожнаго лишняго чистаго дохода, оставляя безъ заработка многіе десятки рабочихъ*).

Самый подходъ къ вопросу, самая сущность взглядовъ у Пестеля и Сисмонди діаметрально противоположны.

Переходя къ вопросу сельско-хозяйственныхъ рабочихъ, Пестель указываетъ на то, что въ экономической литературѣ давно доказано положеніе, что свободный трудъ выгоднѣе рабскаго труда. „Наибольшая сумма общественныхъ доходовъ всегда поступаетъ отъ самаго многочисленнаго класса, т. е. отъ класса земледѣльцевъ. Послѣдніе дадутъ гораздо больше, если будутъ служить добровольно. Благосостояніе рабочихъ зависитъ отъ ихъ жалованія“. Поэтому Пестель хочетъ имѣть свободное сельское населеніе. Вторая его цѣль — это облегчить постепенное образованіе класса фермеровъ. Это дѣло долгое. „Декретированная свобода не сразу увеличиваетъ народное богатство и не сразу распространяетъ просвѣщеніе, необходимое для реальнаго освобожденія“ — говоритъ Пестель. — „Законъ же, который гласитъ объ этомъ, можетъ оказаться безполезнымъ и опаснымъ. Гораздо лучше итти медленнымъ, но вѣрнымъ шагомъ, освобождая крестьянъ постепенно“. Исходя изъ указаннаго принципа и желая создать классъ фермеровъ, Пестель намѣчаетъ слѣдующую постепенность освобожденія крестьянъ: „1-й этапъ — изъ раба, который можетъ быть проданъ безъ земли, онъ становится рабомъ, который можетъ быть проданъ только съ землей.

2-ое — потомъ онъ становится земледѣльцемъ, который можетъ покинуть свою землю съ разрѣшенія установленныхъ властей.

3-е — наконецъ, онъ становится свободнымъ работникомъ.

4-ое — послѣ этого онъ пріобрѣтаетъ небольшую земельную собственность и становится половникомъ.

---

*) Въ другой своей болѣе ранней работѣ „Tableau de l'Agriculture Toscane, 1801 годъ“ Сисмонди это формулируетъ такъ: „Почему надо считать высокій доходъ одного богатаго фермера полезнѣе для государства, чѣмъ небольшой заработокъ многихъ тысячъ рабочихъ и крестьянъ“.

5-ое — наконецъ, онъ выходитъ изъ этого класса въ классъ свободныхъ фермеровъ, пріобрѣтшихъ болѣе значительную собственность и капиталъ".

Эта схема интересна съ нѣсколькихъ точекъ зрѣнія: прежде всего, здѣсь Пестель подъ словомъ фермеръ понимаетъ не то, что онъ понималъ подъ этимъ въ началѣ своего изложенія. Тамъ онъ говорилъ о фермерѣ въ англійскомъ смыслѣ этого слова, т. е. крупномъ арендаторѣ у землевладѣльца части земли, на которой онъ ведетъ капиталистическое сельское хозяйство. Здѣсь подъ фермеромъ понимается сравнительно мелкій земельный собственникъ, имѣющій нѣкоторый капиталъ для веденія своего хозяйства. Общаго въ этихъ двухъ понятіяхъ почти ничего нѣтъ.

Затѣмъ интересно то, что въ схемѣ Пестеля, по существу, содержится два процесса: — одинъ — это освобожденіе крестьянъ безъ земли и превращеніе ихъ въ сельско-хозяйственныхъ рабочихъ; второй процессъ — это переходъ изъ состоянія простого рабочаго въ положеніе сравнительно богатаго землевладѣльца. Никакой постепенности въ указанной Пестелемъ схемѣ нѣтъ и, насколько осуществимъ и вѣроятенъ ходъ событій въ первой части схемы, настолько во второй части онъ экономически мало возможенъ и осуществимъ, чтобы не сказать просто фантастиченъ.

И, наконецъ, интересно то, что свою схему Пестель старается построить на основѣ чисто экономической, а не политической.

Онъ говоритъ: „Неприкосновенность личности и пріобрѣтеніе собственности является основнымъ принципомъ политической экономіи. Тамъ, гдѣ гражданскій законъ утверждаетъ наибольшую неприкосновенность личности и имущества, можно съ увѣренностью ожидать увеличенія народнаго богатства. Англія обязана своимъ величіемъ исключительно законамъ, обезпечивающимъ эту неприкосновенность, а вовсе не своей политической системѣ и еще менѣе меркантильнымъ правиламъ торговли". И въ другомъ мѣстѣ Пестель говоритъ: „Уничтоженіе рабства не можетъ быть дѣломъ одного дня. Не законы освобождаютъ, но индустрія, капиталъ и просвѣщеніе, которые распространяются очень медленно".

Такимъ образомъ, лучшимъ способомъ сельскаго хозяйства Пестелю представляется тотъ, когда существуетъ крупное землевладѣніе и фермеры-капиталисты, которые эту землю арендуютъ и воздѣлываютъ при помощи вольнонаемныхъ рабочихъ. Эту точку зрѣнія подтверждаетъ все изложеніе Пестеля въ дальнѣйшихъ его разсужденіяхъ о земельныхъ владѣніяхъ. Здѣсь онъ возражаетъ противъ государственныхъ имѣній, считая ихъ зломъ, которое можно исправить, лишь продавая

казенныя земли частнымъ лицамъ, по мѣрѣ того, какъ у нихъ будетъ накопляться капиталъ, позволяющій имъ обрабатывать землю такъ, какъ это дѣлаютъ англійскіе фермеры. Это трудно осуществимо, но все же это лучшее, что мыслимо, хотя иногда и приводитъ къ плохимъ результатамъ, но „еще хуже, — восклицаетъ Пестель — отдать землю крестьянамъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о количествѣ рабочихъ рукъ, но о капиталѣ и просвѣщеніи, а крестьяне не имѣютъ ни того, ни другого“.

Таково отношеніе Пестеля къ крестьянскому землевладѣнію и его проектъ освобожденія крестьянъ.

Пестель, говоря объ увеличеніи производительности труда, указываетъ для этого три пути: 1) — раздѣленіе труда, 2) — примѣненіе машинъ и 3) — увеличеніе числа рабочихъ. Пестель совершенно правильно, слѣдуя Смиту, указываетъ, что степень раздѣленія труда и возможность широкаго примѣненія машинъ зависятъ исключительно отъ наличія капитала.

Также и въ своей теоріи народонаселенія Пестель опять придерживается взглядовъ Смита, но въ томъ нѣсколько упрощенномъ видѣ, какъ они изложени Сэй-емъ: „Число рабочихъ зависитъ отъ количества населенія, величина послѣдняго зависитъ отъ количества средствъ питанія, а эта величина — отъ размѣра производительнаго капитала. Правительство не можетъ сдѣлать ничего другого, какъ только обезпечить неприкосновенность и свободу, и въ такомъ случаѣ населеніе будетъ всегда пропорціонально средствамъ питанія и капиталу“.

Тутъ мы подходимъ къ еще одному вопросу, который чрезвычайно интересенъ, т. к. онъ характеризуетъ практическую складку подхода Пестеля къ своей работѣ. Пестель, какъ правило, всегда придерживается положенія (смитіанскаго), что правительство должно какъ можно меньше вмѣшиваться въ хозяйственную дѣятельность своихъ подданныхъ. „Оно (правительство) должно лишь удалять препятствія, непреодолимыя частными лицами, и гарантировать послѣднимъ полную безопасность“. Но это положеніе Пестель не выдерживаетъ во всей строгости и даетъ этому объясненіе, которое вполнѣ оправдывается заглавіемъ его книги. Пестель пишетъ *Практическія* начала политической экономіи, а потому онъ долженъ учесть то, что происходитъ въ дѣйствительности вокругъ него. А на самомъ дѣлѣ мы видимъ, что хотя „всѣ современные авторы по политическимъ наукамъ вполнѣ согласны между собой въ вопросѣ о дурномъ дѣйствіи мѣръ, предпринятыхъ въ соотвѣтствіи съ меркантильной системой (т. е. вмѣшательство государства), и стремленіе защищать ихъ даже при нѣкоторыхъ ихъ видоизмѣненіяхъ было бы непростительной ошибкой — прибавляетъ отъ себя Пестель, — однако, часто Пестель какъ-разъ и обсуждаетъ

такое вмѣшательство государства въ хозяйственную жизнь своихъ подданныхъ. А дѣлаетъ это Пестель по чисто практическимъ соображеніямъ, именно потому, что „правительства дѣйствуютъ всегда болѣе или менѣе согласно принципамъ меркантильной системы, провозглашая въ то же время во всѣхъ своихъ актахъ принципы другихъ системъ. А такъ какъ въ Европѣ всегда существуютъ эти мѣропріятія и учрежденія, то необходимо знать ихъ свойства, а также ихъ дурное и хорошее вліяніе".

Становясь на такую практическую точку зрѣнія и считаясь съ реальнымъ положенімъ вещей, Пестель указываетъ тѣ области вмѣшательства и руководства, гдѣ, по его мнѣнію, государственная дѣятельность нужна. Это:

„1) — Распространеніе просвѣщенія.

2) — Распространеніе рынка, т. е. заключеніе договоровъ съ сосѣдями, улучшеніе дорогъ и водныхъ путей сообщенія.

3) — Правительство примѣромъ, своимъ законодательствомъ и организаціей своей администраціи должно пріучать населеніе къ экономіи (учреждать хорошую финансовую систему и т. п.).

4) — Земледѣльцамъ правительство можетъ оказывать помощь денежными ссудами изъ банка, ипотеками, покупкой земель разорившихся землевладѣльцевъ.

5) — Фермерамъ и земледѣльцамъ правительство должно оказывать помощь въ несчастныхъ случаяхъ, для чего: 1 — организовать хорошую сельскую полицію и 2 — учредить денежный фондъ посѣвныхъ и сырыхъ матеріаловъ (строевой лѣсъ и т. п.).

6) — Правительство должно учредить награды за вывозъ, въ особенности зернового хлѣба, или за производство.

7) — Правительство должно учредить мѣры, требуемыя меркантильной системой, т. е., 1 — учрежденіе коллегій, уставовъ, инспекторовъ, однимъ словомъ, специальной полиціи для надзора за фабричными рабочими; 2 — учрежденіе корпорацій и цѣховъ для искусствъ и ремеслъ; 3 — оказаніе положительной помощи въ видѣ привилегій и наградъ, денежныхъ пособій; 4) — заключеніе выгодныхъ торговыхъ договоровъ и выработки тарифовъ въ пользу мѣстныхъ фабрикъ".

Это перечисленіе случаевъ, гдѣ допустимо вмѣшательство правительства, прямо противорѣчитъ всей системѣ Смита. Тутъ допускается и считается желательнымъ вмѣшательство правительства въ такія области хозяйства, которое система Смита считала вредной и недопустимой. Вообще это перечисленіе показываетъ, что Пестель приписывалъ огромную регулирующую и организующую роль правительственному вмѣшательству, т. е. говоритъ именно то, противъ чего была направлена доктрина Смита. Кромѣ этого надобно подчеркнуть, что вытекающая изъ

вышеприведеннаго перечисленія формулировка меркантилизма Пестеля совершенно не похожа на ту формулировку, которую въ „Богатствѣ Народовъ“ даетъ Смитъ. Смитовская формулировка вложила въ понятіе меркантилизма несуществовавшее въ реальной жизни содержаніе, и прошла мимо самой сущности меркантилизма, принявъ одну второстепенную мѣру (накопленіе золота) за самую сущность системы. Эта формулировка Смита была перенята не только его ближайшими послѣдователями, но вообще стала общепринятой въ экономической наукѣ и лишь сравнительно недавно было возстановлено истинное хозяйственное лицо историческаго меркантилизма. Такъ же какъ и Смитъ, формулировали меркантилизмъ и Сэй, и Сисмонди, и Шторхъ, которые всѣ ему слѣпо въ этомъ вопросѣ подражали. Пестель стоитъ на другой точкѣ зрѣнія, при чемъ безъ труда можно установить, что онъ придерживается точки зрѣнія и формулировки сторонниковъ меркантилизма, стремившихся его обосновать и оправдать въ хозяйственныхъ условіяхъ своего времени.

Въ смыслѣ выясненія знакомства Пестеля со Смитомъ интересна глава третья первой части его работы, озаглавленная — „Объ оборотѣ капитала въ земледѣліи“. Говоря о сельско-хозяйственномъ производствѣ и о цѣнахъ на земледѣльческіе продукты, Пестель даетъ, собственно говоря, довольно точный конспектъ XI главы „Богатства Народовъ“ Смита, посвященной земельной рентѣ и вліянію земельныхъ улучшеній на цѣну сырыхъ продуктовъ. Даже порядокъ изложенія сохраненъ и Пестель касается отдѣльныхъ вопросовъ и отдѣльныхъ продуктовъ земледѣлія въ томъ же порядкѣ, въ какомъ они упоминаются у Смита. Но это конспектъ только относительно точный. Въ изложеніи есть одно рѣзкое отличіе, которое, мнѣ кажется, надо отнести на счетъ вліянія на Пестеля русской окружающей среды и условій русскаго хозяйства. Пестель начинаетъ съ раздѣленія, которое онъ заимствовалъ у Смита: „Производственный капиталъ, вложенный въ земледѣліе, будетъ употребленъ на производство или такихъ продуктовъ, которые даютъ доходъ во всякое время, или же такихъ, которые приносятъ его въ извѣстное время и въ извѣстномъ мѣстѣ. Къ первому принадлежитъ зерновой хлѣбъ, ко второму фабричное сырье“. У Смита раздѣленіе сдѣлано тоже такъ, только вмѣсто зерновой хлѣбъ у него стоитъ слово food, т. е. — продукты питанія. Его построеніе, конечно, логичнѣе. Онъ указываетъ, что доходъ отъ полей, засѣянныхъ зерновымъ хлѣбомъ, фактически опредѣляетъ обработку луговъ или обращеніе ко всякаго рода другимъ полевымъ и садовымъ культурамъ, добавляя, что часто садъ или виноградникъ бываетъ чрезвычайно доходнымъ (доходнѣе хлѣбной культуры), но сомнѣвается, будетъ ли такая улучшенная

культура приносить земельную ренту, т. к. для превращенія участка земли въ такое состояніе требуется большая затрата капитала. Система Смита очень стройна и ясна, если принять за основу его теорію земельной ренты.

Пестель никакой теоріи земельной ренты не даетъ и, принявъ въ началѣ главы двухчленное дѣленіе Смита, на самомъ дѣлѣ въ изложеніи дѣлитъ продукты сельско-хозяйственнаго производства на три группы, при чемъ дѣлитъ ихъ по признаку доходности тамъ, гдѣ Смитъ говорилъ о наличіи или отсутствіи ренты. Пестель различаетъ 1) — Всегда доходную культуру зернового хлѣба (вмѣсто food Смита), затѣмъ 2) — „Главные предметы земледѣлія, которые не даютъ постояннаго дохода: 1 — рисъ, 2 — картофель, 3 — садоводство и фруктовыя деревья, 4 — виноградники, 5 — оливки, 6 — сахарный тростникъ и кофе, 7 — крупы и горохъ. Ни одна изъ этихъ культуръ, — продолжаетъ Пестель, — не способствуетъ благосостоянію государства, поэтому правительство и не вмѣшивается въ ихъ воздѣлываніе". Въ другомъ мѣстѣ Пестель прибавляетъ: „поощреніе, оказываемое правительствомъ этимъ земледѣльческимъ культурамъ, за счетъ зернового хлѣба и луговъ, привлекло бы къ производству, не приносящему дохода, капиталы, вложенные въ доходное дѣло". Наконецъ, 3) — земледѣльческія культуры, которыя не являются предметомъ питанія и которыя иногда даютъ доходъ (второе подраздѣленіе Смита). Въ пестелевскомъ изложеніи, слѣдующемъ внѣшне совершенно точно за Смитомъ, внутреннее содержаніе не то. Теоретически оно, конечно, гораздо безпомощнѣе, но съ точки зрѣнія практической опять для своего времени его наблюденіе совершенно вѣрно, т. к. въ Россіи его времени сбыта для тѣхъ культуръ, которыя онъ называетъ бездоходными, конечно, не было.

Таково богатое содержаніе первой части пестелевскихъ „Практическихъ началъ", посвященной земледѣлію и единственно изложенной полно.

Вторая часть работы Пестеля посвящена фабрикѣ. Въ отдѣлѣ „общія идеи" Пестель, указавъ на то, какъ промышленная дѣятельность передвинулась изъ восточныхъ странъ въ Европу, останавливается на различіи между ремесломъ и фабрикой. Онъ отмѣчаетъ, что „надъ сырьемъ производится двоякаго рода работа: 1 — сырье обрабатывается для потребленія его всѣми вообще людьми или, по крайней мѣрѣ, большимъ числомъ людей, напр., мука, сукно, шелкъ, или 2 — уже обработанные предметы изготовляются для потребностей одного человѣка, согласно его личнымъ нуждамъ, его росту, его вкусамъ. Исходя изъ такого положенія, Пестель слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ фабрику и ремесло: „Фабрики суть такого рода

предпріятія, гдѣ: 1 — обрабатываютъ сырье, 2 — для общихъ нуждъ, 3 — въ большомъ количествѣ и 4 — продуктъ производства которыхъ сохраняется долго. Ремесленныя предпріятія суть такія, гдѣ: 1 — обрабатываютъ продукты фабричнаго производства, 2 — для индивидуальныхъ нуждъ, 3 — въ деталяхъ, — и продукты производства которыхъ 4 — предназначаются для непосредственнаго потребленія". Такое опредѣленіе фабрики и ремесла проходитъ мимо существа вопроса; конечно, разница лежитъ въ совершенно иной организаціи производства и въ совершенно различной экономической мотиваціи фабричнаго и ремесленнаго производства, равно, какъ въ томъ, что фабрика работаетъ на неопредѣленный рыночный спросъ, а ремесленникъ обычно на опредѣленнаго заказчика. Но, несмотря на недостатки такого опредѣленія (которое, быть можетъ, объясняется тѣмъ, что оно не заимствовано), Пестель несомнѣнно довольно правильно для Россіи своего времени провелъ грань между объектами фабричнаго производства и производства ремесленнаго.

Дальнѣйшее изложеніе Пестеля, гдѣ онъ говоритъ о капиталѣ, помѣщенномъ въ фабрики, о цѣнахъ, объ усовершенствованіи фабрикъ, о вліяніи фабрикъ и заканчиваетъ все это размышленіями о государствахъ земледѣльческихъ и промышленныхъ, показываютъ еще полную неустойчивость взглядовъ автора на основные вопросы, о которыхъ въ его время шелъ горячій споръ. Часто положенія, высказываемыя Пестелемъ, стоятъ на точкѣ зрѣнія чистаго смитіанства. Онъ говоритъ: „Въ виду того, что вкусы, способности, величина капитала, легкость добыванія сырья, свойства спроса рѣшаютъ родъ ремесла, то каждый можетъ устроить себѣ фабрику согласно своимъ желаніямъ и возможностямъ. Отсюда слѣдуетъ, что наибольшая свобода должна быть основнымъ принципомъ въ дѣлѣ естественнаго учрежденія фабрикъ частными лицами". „Законъ политической экономіи указываетъ, что надо заниматься тѣмъ родомъ труда, который обходится дешевле, т. е. который создаетъ наибольшія цѣнности при наименьшихъ затратахъ". Въ другомъ мѣстѣ Пестель пишетъ: „Фабрики являются удѣломъ только богатыхъ странъ, потому что требуютъ большихъ средствъ. Желаніе учреждать ихъ насильно въ бѣдныхъ странахъ — означало бы привлекать къ нимъ капиталы, которые съ большей пользой могутъ быть употреблены въ сельскомъ хозяйствѣ"... „учрежденіе фабрикъ въ такихъ странахъ принесло бы больше убытку, чѣмъ барыша, поэтому здѣсь слѣдуетъ больше заниматься земледѣліемъ".

Это, конечно, повтореніе наиболѣе извѣстныхъ положеній Адама Смита. Такимъ же полнымъ повтореніемъ ученія Смита

является отдѣлъ „о капиталѣ, помѣщенномъ въ фабрики искусства и ремесла“.

Но рядомъ съ этимъ, въ той же главѣ, говоря о вліяніяхъ фабрикъ на народное хозяйство, Пестель приводитъ всѣ соображенія, которыя обычно выдвигаются писателями-меркантилистами, при ихъ восхваленіи фабричнаго производства, причемъ тутъ совершенно правильно указано и на то огромное положительное вліяніе, которое фабрики имѣютъ на земледѣліе. Даже еще больше: разсуждая о выгодахъ и недостаткахъ большихъ и малыхъ фабрикъ, Пестель говоритъ: „Экономисты покровительствуютъ малымъ, а меркантилисты — большимъ“. И затѣмъ, приводя соображенія „экономистовъ“, онъ по каждому пункту ихъ разбиваетъ доводами меркантилистовъ, становясь цѣликомъ на точку зрѣнія послѣднихъ и даже считая, что крестьянамъ, мѣщанамъ и мелкимъ собственникамъ не слѣдуетъ разрѣшать работу, которая можетъ быть хорошо выполнена только на большихъ фабрикахъ. „Нужно имъ строго запретить такой родъ работы, т. к. они не въ состояніи выполнить ее хорошо, а тѣмъ самымъ они наносятъ ущербъ національному кредиту, удорожаютъ сырье, развращаютъ рабочихъ, продаютъ свои издѣлія по низкой цѣнѣ и вызываютъ крахъ крупныхъ предпринимателей изобиліемъ плохихъ товаровъ. Большинство такихъ фабричныхъ издѣлій должно изготовляться на предпріятіяхъ опредѣленной величины“.

Конечно, эти положенія Пестеля совершенно не вяжутся съ теоріей Смита и содержатъ въ себѣ какъ разъ тѣ ученія меркантилизма, въ опроверженіе которыхъ Смитъ писалъ свое „Богатство Народовъ“.

Третій отдѣлъ „Практическихъ началъ“ долженъ былъ содержать исторію торговли. Здѣсь мы находимъ уже только перечисленіе параграфовъ, въ которыхъ указаны въ двухъ-трехъ словахъ ихъ содержаніе. Начинается съ мореплаванія, финикіяне, греки, римляне, Византія, крестовые походы, города Италіи, Ганзейскіе города, роль еврейства, Голландія, Испанія, Англія, открытіе Америки, политика Франціи — Ришелье и Кольберъ и т. д.

Столь же конспективенъ отдѣлъ, посвященный просвѣщенію, при чемъ здѣсь конспектъ предполагаетъ касаться науки, религіи и воспитанія по отдѣльнымъ націямъ. Интересно при этомъ отмѣтить, что здѣсь упоминаются Франція, Англія, Австрія, Пруссія, Германія, Швейцарія, Голландія, Данія, Швеція, Испанія и Италія, но нѣту главы, посвященной Россіи. Наконецъ, послѣдняя часть — статистика — содержитъ всего 18 строчекъ, въ которыхъ намѣчено дать статистику населенія, народнаго богатства и просвѣщенія по государствамъ, начиная съ Россіи.

Таково содержаніе работы Пестеля, которое показываетъ огромный кругъ его интересовъ и одновременно отсутствіе установившихся взглядовъ.

Въ заключеніе нѣсколько словъ о предисловіи г-на Мильмана къ работѣ Пестеля въ „Красномъ Архивѣ“ и о срокѣ написанія пестелевской работы*). Предисловіе г-на Мильмана вызываетъ во мнѣ полное недоумѣніе. Прежде всего г. Мильманъ считаетъ, что работа Пестеля написана не ранѣе 1819 года. Онъ это устанавливаетъ на томъ основаніи, что работа Пестеля, по его мнѣнію, написана „подъ впечатлѣніемъ и даже подъ вліяніемъ извѣстнаго труда Сисмонди „Nouveaux Principes d'Economie Politique“, вышедшихъ въ 1819 году**).

Подтверждаетъ онъ это такимъ соображеніемъ: Пестель въ своихъ Практическихъ началахъ упоминаетъ имя Simonde и говоритъ тамъ о томъ, что Францiя потеряла много своихъ производительныхъ капиталовъ, добавляя „что въ указанной главѣ трактата Пестеля рѣчь идетъ именно о Сисмонди, видно изъ того, что въ 5 книгѣ II тома Nouveaux Principes Сисмонди, дѣйствительно, свою мысль о пагубномъ вліяніи черезмѣрнаго выпуска бумажныхъ денегъ иллюстрируетъ примѣромъ изъ исторіи Франціи. Вышла въ свѣтъ упомянутая работа Сисмонди только въ 1819 году въ Парижѣ, слѣдовательно, мы имѣемъ полное основаніе утверждать, что трактатъ «Практическія начала политической экономіи» написанъ не раньше 1819 года“.

Все это доказательство ни на чемъ не основано. Прежде всего, въ указанномъ г. Мильманомъ мѣстѣ (Nouveaux Principes d'Economie Politique, Paris 1819. Livre V. ch. X. p. 143) есть краткое упоминаніе о потерѣ Франціей „capital-circulant“ благодаря бумажнымъ деньгамъ при Лоо и во время ассигнацій. Что же пишетъ Пестель: „Не будь ассигнацій, не было бы французской революціи, безъ бумажныхъ денегъ *Австрія* не могла бы собрать полмилліона солдатъ. Но, какъ утверждаетъ Симондъ, Францiя потеряла много своихъ *производственныхъ капиталовъ*, ея благосостояніе поколебалось, несмотря на побѣды, на контрибуціи, на большой порядокъ, который послѣдовалъ за терроромъ. *Австрія* совершенно разорена; и не потеря провинцій разоряетъ ее, но огромная сумма въ два милліарда флориновъ бумажныхъ денегъ, которую ей нужно выплатить или сократить тѣмъ или инымъ способомъ, чтобы предупредить общее банкротство, разоряющее это нѣкогда столь богатое государство“. Изъ этой выписки ясно, что онъ говоритъ здѣсь

---

*) Красный Архивъ, томъ 13, 1925. ГИЗ. 1926. Стр. 175-176.

**) Simonde de Sismondi — Nouveaux Principes d'Economie Politique. Paris 1819.

больше объ Австріи, чѣмъ о Франціи и, упоминая о Франціи, говоритъ о производительныхъ капиталахъ, а не о „циркулирующемъ капиталѣ“, т. е. о деньгахъ, какъ это дѣлаетъ Сисмонди въ „Nouveaux Principes“. Внимательное сопоставленіе не позволяетъ видѣть здѣсь заимствованіе. Объясненіе пестелевской ссылки, мнѣ кажется, надъ искать въ другомъ мѣстѣ. Кромѣ „Nouveaux Principes“, Сисмонди написалъ еще рядъ книгъ*) и среди нихъ „Memoire sur le papier monnaie dans les Etats autrichiens“. Какъ разъ къ этой послѣдней работѣ и относятся упоминанія Пестелемъ имени Сисмонди. Самый правдоподобный путь, подтверждаемый и способомъ написанія имени автора Simonde, былъ слѣдующій. Въ 1815 г. въ Петербургѣ вышелъ курсъ политической экономіи Шторха**). Въ своемъ курсѣ, въ главѣ о бумажныхъ деньгахъ, Шторхъ ссылается на Сисмонди, называя здѣсь его, такъ же, какъ это дѣлаетъ Пестель, Simonde, и приводя точное заглавіе его работы о бумажныхъ деньгахъ въ Австріи. Всѣ эти сопоставленія, мнѣ кажется, позволяютъ установить, что Пестель заимствовалъ написаніе имени Сисмонди у Шторха, а по содержанію видно, что оно относится къ болѣе ранней работѣ Сисмонди о бумажномъ обращеніи въ Австріи. Если это такъ, то и написаніе работы Пестеля ничто не мѣшаетъ перенести на три-четыре года назадъ противъ срока, устанавливаемаго г. Мильманомъ. Перенесеніе даты написанія „Практическихъ началъ“ на болѣе ранній срокъ уже само собой объясняетъ то недоумѣніе, которое вызываетъ у г. Мильмана быстрое измѣненіе взглядовъ Пестеля, написавшаго въ 1819 году „Практическія начала“, а въ 1820 г. „Записку о государственномъ правленіи и краткое умозрительное обозрѣніе государственнаго управленія“, не имѣющихъ между собой, дѣйствительно, ничего общаго. Уже это одно должно было заставить г. Мильмана, при элементарной добросовѣстности изслѣдованія, усомниться въ правильности своего перваго положенія.

Столь же мало можно согласиться съ г. Мильманомъ относительно содержанія работы Пестеля. Его утвержденіе, что Пестель является защитникомъ мелко-буржуазныхъ потребительскихъ интересовъ, что объясняется именно вліяніемъ Сисмонди, ни на чемъ не основано. Это положеніе у г. Мильмана взято исключительно ради того, чтобы имѣть возможность потомъ развить марксистскій подходъ къ сужденіямъ о работѣ Пестеля, и по существу дѣла рѣшительно ничего не объясняетъ.

---

*) Tableau de l'Agriculture Toscane. 1801. La Richesse Commerciale — 1803. Memoire sur le papier monnaie dans les Etats autrichiens et des moyens de les supprimer. Weimar. 1810.

**) Henri Storch. Cours d'Economie Politique. Petersburg. 1815. На французскомъ языкѣ.

Вышеприведенный разборъ работы Пестеля показываетъ, что тамъ нельзя найти вліянія „Nouveaux Principes“ Сисмонди, въ чемъ нѣтъ ничего удивительнаго, если работа Пестеля дѣйствительно написана за нѣсколько лѣтъ до книги Сисмонди. Въ части, касающейся фабрикъ, система Пестеля ничѣмъ не отличается отъ той системы меркантилизма и принудительнаго воспитанія промышленной жизни въ народѣ, яркимъ примѣромъ которой у насъ былъ Мордвиновъ, выпустившій свою работу „Нѣкоторыя соображенія по предмету мануфактуръ въ Россіи“ въ 1815 году, одновременно съ книгой Шторха. Наконецъ, въ томъ же 1815 году началъ выходить еженедѣльникъ „Духъ Журналовъ“, приводившій въ изобиліи переводы изъ сочиненій современныхъ заграничныхъ экономистовъ, а также статьи и критики на русскія экономическія работы того времени.

То, что работа Пестеля написана именно въ 1815-16 г. г., можетъ подтверждать еще слѣдующее соображеніе. Его работа не представляетъ собой самобытнаго цѣлаго, но отражаетъ собой тѣ два направленія въ экономической мысли, боровшіяся въ Россіи какъ разъ въ то время. (Это ярко отразилось и въ „Духѣ Журналовъ“). Съ одной стороны — это своеобразное русское смитіанство. То смитовское ученіе въ русской трактовкѣ, которое Тургеневъ такъ часто влагалъ въ уста своимъ англоманамъ. Въ этомъ русскомъ изложеніи Смитъ представлялся, какъ сторонникъ фермерства въ земледѣліи и сторонникъ свободной торговли. При чемъ теоретическая сущность смитовскаго ученія, его мастерское изложеніе экономическаго значенія раздѣленія труда, его теорія ренты, теорія производительнаго и непроизводительнаго труда, наконецъ, его теорія цѣнности, — не получали никакого отраженія. По существу, даже взгляды Смита на земледѣліе и на мелкую собственность не отвѣчали въ русскомъ смитіанствѣ точному смыслу ученія Адама Смита

Несмотря на несомнѣнное знакомство Пестеля съ подлинной работой Смита, въ основѣ первой части „Практическихъ началъ“ Пестеля несомнѣнно лежитъ вотъ это русское, журнальное, упрощенное, дѣйствительно „практическое“ смитіанство.

Вторая часть работы Пестеля отражаетъ взгляды современнаго ему меркантилизма. Опять въ практической трактовкѣ той государственной экономической политики, которую мы найдемъ въ книгахъ Мордвинова, Василевскаго и др.*).

Интересно еще разъ подчеркнуть, что Пестель, зная хорошо работу А. Смита (и, во всякомъ случаѣ, книгу Шторха), даетъ формулировку меркантилизма, совершенно не отвѣчающую

---

*) Василевскій. Краткое разсужденіе о торговлѣ. СПБ. 1808.

той, которую даютъ Смитъ, Сэй, Шторхъ, Сисмонди, а принимаетъ ту формулировку, которую давали въ его время сторонники усиленнаго развитія фабричной дѣятельности въ Россіи, т. е. становится на точку зрѣнія меркантилизма. Учитывая то, что Пестель съ 1813 по 1815 г. принималъ участіе въ заграничномъ походѣ, затѣмъ, конецъ 1815 и весь 1816 и часть 1817 года находился въ Петербургѣ, гдѣ онъ какъ разъ въ это время слушалъ курсъ политическихъ наукъ въ квартирѣ акад. Германа, а въ 1817 уѣхалъ на службу въ Митаву, то самое вѣроятное предполагать, что „Практическія начала политической экономіи“ Пестеля написаны около 1816 года и представляютъ собой отраженіе вспыхнувшаго въ тотъ моментъ остраго интереса къ экономическимъ вопросамъ и той полемики, которая разразилась между сторонниками свободной торговли, смитіански настроенныхъ аграрныхъ круговъ — и сторонниками развитія русской промышленности — протекціонистами.

Н. Жекулинъ.

Первосовѣтникъ Думы Боярской.

I.

Въ изслѣдованіяхъ по исторіи Боярской Думы Московскаго государства до сихъ поръ почти вовсе не удѣлялось вниманія одной не лишенной интереса и значенія детали, для освѣщенія которой въ доступныхъ намъ источникахъ имѣется уже нѣкоторый матеріалъ. Эта деталь связана съ вопросомъ о предсѣдательствованіи въ Думѣ Боярской. Въ основныхъ трудахъ по исторіи Думы Боярской — Н. П. Загоскина [1]) и В. О. Ключевскаго [2]) — можно найти лишь по нѣскольку строкъ на указанную тему. Сужденіе автора первой по времени монографіи о Думѣ Боярской проф. Н. П. Загоскина, несмотря на всю свою категоричность, совершенно расходится съ историческою дѣйствительностью. „Предсѣдателемъ Думы", пишетъ Загоскинъ, „является самъ государь. Это вполнѣ явствуетъ какъ изъ самаго характера Думы, такъ и изъ того, что объ Думѣ Боярской упоминается всегда безъ означенія имени старшаго изъ бояръ «съ товарищи», что практиковалось во всѣхъ коллегіальныхъ установленіяхъ со старшинствомъ (предсѣдательствомъ) одного изъ членовъ". Этотъ единственный доводъ, который проф. Загоскинъ приводитъ въ подтвержденіе своего мнѣнія объ отсутствіи постояннаго предсѣдателя Думы Боярской, совершенно не состоятеленъ: имя старшаго боярина „съ товарищи", если не всегда, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ означалось какъ въ актахъ, исходившихъ отъ самой Думы Боярской, напримѣръ, въ ея перепискѣ, такъ и въ приказныхъ упоминаніяхъ о ней. Стоитъ только вспомнить о многочисленныхъ грамотахъ Думы Боярской въ безгосударную пору Смутнаго времени, со стереотипною вступительною формулою: „бояре, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславской съ товарищи" [3]). Не слѣдуетъ думать, что грамоты эти, какъ относящіяся къ періоду, когда нормальныя жизненныя отношенія въ Московскомъ государствѣ были нарушены, представляютъ собою исключеніе. Напротивъ, совершенно тождественныя формулы мы встрѣчаемъ и въ актахъ, исходившихъ отъ Думы Боярской въ періоды спокойствія и гражданскаго мира.

---

[1]) „Исторія права Московскаго государства". Т. II. Центральное управленіе Московскаго государства. Вып. I. Дума Боярская. Казань. 1879, стр. 120.

[2]) „Боярская Дума древней Руси", 5, стр. 408.

[3]) Напримѣръ: „Собраніе Государственныхъ Грамотъ и Договоровъ", т. II, стр. 438, 440, 488, 489, 570, 583. „Акты Историческіе". Т. II, стр. 349, 351, 373.

Такъ, напримѣръ, грамота о себежскихъ пограничныхъ дѣлахъ, отправленная Думою Боярскою изъ Москвы къ великому князю, поѣхавшему въ это время — май 1544 г. — на богомолье къ Николѣ Угрѣшскому, начинается слѣдующею формулою: *„Государю великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси Дмитрей Бѣлской и всѣ бояре челомъ бьютъ“*, а отвѣтная грамота посылается *„отъ великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи боаромъ нашимъ, князю Дмитрію Θедоровичу Бѣлскому и всѣмъ нашимъ боаромъ“* [1]). Въ 1552 году приставъ, высланный для встрѣчи гонца Литовской Рады, привѣтствовалъ послѣдняго отъ имени Думы Боярской: *„великаго государя царя и великого князя бояре, князь Иванъ Михайловичъ Шуйской и всѣ бояре послали меня къ тебѣ встрѣчю“* [2]). Грамоты, которыми обмѣнивались государь и Дума Боярская въ концѣ 60-хъ годовъ XVI-го столѣтія, имѣютъ ту особенность, что въ нихъ, кромѣ имени первенствовавшаго боярина, каковымъ въ ту пору былъ князь И. Д. Бѣльскій, постоянно упоминаются еще имена бояръ кн. И. Θ. Мстиславскаго и кн. М. И. Воротынскаго или только перваго изъ нихъ. Государь пишетъ въ Москву *„къ боаромъ, ко князю Ивану Дмитреевичю Бѣлскому, да ко князю Ивану Θедоровичю Мстиславскому да ко князю Михаилу Ивановичю Воротынскому и ко всѣмъ бояромъ“* [3]) и получаетъ отвѣтъ отъ *„холоповъ своихъ Иванца Бѣлского, да Иванца Мстиславского, да Михальца Воротынского и всѣхъ бояръ“* [4]).

Тѣ же самыя формулы мы находимъ и въ приказныхъ записяхъ о дѣятельности Думы Боярской, т. е. въ такого рода документахъ, въ которыхъ рѣчь о Думѣ Боярской идетъ не въ первомъ и не во второмъ, а въ третьемъ лицѣ: сентябрь 1542-го года, Дума Боярская — въ Москвѣ, великій князь — у Троицы въ Сергіевѣ монастырѣ; въ Москву приходитъ грамота отъ московскихъ пословъ изъ Литвы. *„И бояре князь Дмитрей Θедоровичъ Бѣлской и всѣ бояре тое грамоту и списокъ смотривъ, послали великому князю... къ Троицѣ“* [5]). Въ 1570-мъ году Посольская книга отмѣчаетъ, что государь велѣлъ Шведскимъ посламъ *„быти на своемъ государевѣ дворѣ у бояръ, у кн. И. Д. Бѣлского да у кн. И. Θ. Мстиславского да у кн. М. И. Воротынского и у всѣхъ бояръ“* [6]).

Легко можно умножить количество подобныхъ записей, но въ этомъ совершенно нѣтъ нужды. И приведенныхъ примѣровъ

---

[1]) Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества, т. 59. Спб. 1887 г., стр. 237 и 239.

[2]) Тамъ же, стр. 363.

[3]) Тамъ же, т. 71-й, стр. 564, 572, 586, 587, 603-605, 609, 611, 614, 623, 635; т. 129-й, стр. 126, 177.

[4]) А. И., т. I, стр. 340.

[5]) С. И. Р. И. Об., т. 59, стр. 200.

[6]) Тамъ же, т. 129, стр. 187-188.

вполнѣ достаточно, чтобы признать наиболѣе обычнымъ обозначеніемъ Думы Боярской въ актахъ московскаго приказнаго дѣлопроизводства формулу типа: „князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій и всѣ бояре“ или „бояре, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій съ товарищи“, т. е. ту самую формулу, которую проф. Загоскинъ считалъ характерной для московскихъ „коллегіальныхъ установленій со старшинствомъ (предсѣдательствомъ) одного изъ членовъ“.

Дума Боярская и была такимъ учрежденіемъ. Памятники московскаго дѣлопроизводства позволяютъ достаточно обосновать это положеніе. Особенно цѣнныя указанія въ этомъ смыслѣ даютъ памятники тѣхъ сношеній, которыя Дума Боярская въ XV-XVII в.в. неоднократно вела съ панами — радами Польско-Литовскаго государства въ моменты, когда нормальный обмѣнъ грамотами между государями представлялся по тѣмъ или другимъ соображеніямъ неудобнымъ или же былъ фактически неосуществимымъ. Московское правительство къ этому пріему своей дипломатической практики обычно прибѣгало въ періоды розмирья, въ тѣхъ случаяхъ, когда велись еще военныя дѣйствія, но ходъ послѣднихъ располагалъ его къ миролюбію, требовалось „позадрати“ противную сторону, „чтобъ король похотѣлъ миру съ великимъ княземъ“ [1]), а вмѣстѣ съ тѣмъ самому великому князю *„отъ собя того еще къ королю приказати непригоже того дѣля, что еще межи ихъ на мѣрѣ не стала посылка и дѣло не началось“* [2]). Къ этому же пріему московское правительство обращалось и тогда, когда желало напомнить въ Вильнѣ или Краковѣ о необходимости прислать въ Москву пословъ для возобновленія перемирія, срокъ котораго истекалъ. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ московскіе государи, считая ниже своего достоинства брать на себя иниціативу переговоровъ, передавали ее, правда, только формально своимъ боярамъ. Такъ же поступали при сходныхъ обстоятельствахъ и государи польско-литовскіе. Дипломатическія сношенія между московскими боярами и литовскими (позже польскими и литовскими) панами-радами имѣли двоякую форму. Въ однихъ случаяхъ переписка велась между отдѣльными думцами обоихъ государствъ, обыкновенно пользовавшимися въ данную эпоху наибольшимъ правительственнымъ вліяніемъ. Такъ, напримѣръ, въ 1492, 1493 и 1501 г.г. происходилъ обмѣнъ грамотами между паномъ Яномъ Заберезскимъ (Заберезинскимъ) и бояриномъ Яковомъ Захарьичемъ, однимъ изъ ближайшихъ сотрудниковъ великаго князя Ивана III; въ 1492 г. — между воеводою виленскимъ Николаемъ Радивиломъ и бояриномъ кн. И. Ю. Патрикѣевымъ; въ 1492-93 г.г. — между паномъ Я. Заберезскимъ и

[1]) Тамъ же, т. 35, стр. 548.
[2]) Тамъ же, т. 59, стр. 58.

тѣмъ же кн. И. Ю. Патрикѣевымъ; въ 1520-21 г.г. — между бояриномъ Г. Ѳ. Давыдовымъ и виленскимъ воеводою Н. Н. Радивиломъ; 1535-36 г.г. — между виленскимъ воеводою Ю. Н. Радивиломъ и бояриномъ кн. И. Ѳ. Овчиною-Телепневымъ-Оболенскимъ; 1593-95 г.г. — между канцлеромъ литовскимъ Львомъ Сапѣгою и Б. Ѳ. Годуновымъ. Въ другихъ случаяхъ грамоты посылались отъ имени обоихъ учрежденій in corpore. Таковы были сношенія между Радою великаго Княжества Литовскаго и Думою Боярскою въ 1502-03, 1508, 1513, 1533-34 г.г. и т. д. Въ этихъ грамотахъ съ московской стороны всегда (по крайней мѣрѣ въ XVI в.) обозначалось имя первенствующаго боярина, а въ большинствѣ случаевъ имена еще нѣсколькихъ болѣе видныхъ членовъ Думы Боярской въ порядкѣ ихъ мѣстнической чести [1]). Значеніе первенствующаго боярина — въ дальнѣйшемъ изложеніи будемъ называть его, пользуясь удачнымъ терминомъ московской эпохи, первосовѣтникомъ Думы Боярской [2]) — подчеркивалось особо громкимъ, но чисто титулярнымъ званіемъ, которымъ московское правительство надѣляло его спеціально для внѣшнихъ сношеній. Въ грамотахъ конца XV-го и начала XVI-го столѣтій первосовѣтникъ Думы Боярской обычно именуется „воеводою московскимъ", иногда „*наивышъшимъ воеводою государя нашего*", наконецъ, „*намѣстникомъ московскимъ*". Позже, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVI-го вѣка, онъ надѣляется званіемъ „воеводы владимирского" [3]). Наконецъ, въ 50-хъ годахъ XVI-го вѣка ему присваивается званіе „намѣстника владимірскаго", каковое и удерживается за первосовѣтникомъ Думы Боярской до самаго конца

---

[1]) Напримѣръ, грамота Думы Боярской 1502 г. была послана „*отъ князя Василія Даниловича, воеводы московскаго, и отъ князя Данила Васильевича, воеводы Великого Новгорода, и отъ Якова Захарьича, воеводы Коломенского, и отъ всѣхъ князей и отъ бояръ и отъ окольничихъ, рады Іоанна, Божіею милостью государя всея Руси*" (Сб. И. Р. И. Об. т. 35, стр. 336). Въ 1562 г. грамоту Литовской Радѣ отправляли „*государя нашего навысшая рада, боаринъ и воевода навышшій и намѣсникъ владимерскій князь Иванъ Дмитреевичъ Бѣлскій, да бояринъ и намѣсникъ Великого Новагорода князь Иванъ Ѳедоровичъ Мстиславскій, да боаринъ и намѣсникъ казанскій князь Василій Михайловичъ Глинскій, да бояринъ и намѣсникъ тверскій Данило Романовичъ Юрьевича Захарьина*" (тамъ же, т. 71, стр. 74). Въ 1565 г. сношенія съ литовскими панами-радами велись отъ имени кн. И. Д. Бѣльскаго, И. В. Шереметева Большого и Н. Р. Юрьева-Захарьина (тамъ же, № 13) и т. д.

[2]) В. О. Ключевскій, воскрешая въ своей „Боярской Думѣ" (стр. 408) забытое слово „первосовѣтникъ", ссылается на „Временникъ" дьяка И. Тимоѳеева: „первосовѣтникъ и предуказатель въ соборѣ всего сиглита" („Русская Историческая Библіотека", т. XIII, стр. 390). Но выраженіе это отнюдь не было нововведеніемъ падкаго на вычурные неологизмы автора „Временника". Оно встрѣчается и въ лѣтописяхъ (напримѣръ, П. С. Р. Л., т. XIII, ч. I, стр. 140 и ч. II, стр. 444) и даже, какъ будетъ отмѣчено ниже, въ офиціальномъ языкѣ того времени.

[3]) С. И. Р. И. Об., т. 35, стр. 71, 105, 109, 396; А. З. Р., т. II, стр. 96, III; С. И. Р. И. Об., т. 35, стр. 71, 83, 362.

XVII-го столѣтія, обогащаемое иногда различными ампфликаціями [1]). Какъ извѣстно, званіе это не имѣло внутри страны никакого реальнаго значенія, хотя за границей московское правительство настойчиво поддерживало фикцію, будто бы въ Московскомъ государствѣ намѣстничество владимірское есть *„болшей урядъ“* [2]). Вообще московское правительство заботилось о томъ, чтобы во внѣшнихъ сношеніяхъ придать побольше блеска лицу, возглавлявшему Думу Боярскую. Въ этомъ отношеніи особенно любопытно разъясненіе значенія званія первосовѣтника Думы Боярской, которое оно дало въ 1567 г. польскому королю Сигизмунду II Августу отъ имени тогдашняго первосовѣтника *„его царского величества совѣту боярина и воеводы навышшаго и намѣстника владимерского и державцы галичскаго и луховского и кинешемского князя Ивана Дмитреевича Литовского и Бѣльского“: „первое, его царского величества первосовѣтникъ есми; а другое держу столичное мѣстцо его царского величества Володимерь; третье коли государь мой царское величество посылаетъ меня противъ своихъ недруговъ и толды же мы въ его мѣсто царского величества всѣми овладуемъ; четвертое, коли царского величества къ его порогу пріѣзжаютъ цари и царевичи и иные государи разныхъ земель, и мы передъ тѣми передъ всѣми не безчестны есмя, а иныхъ и выше осѣдуемъ“* [3]).

Это заявленіе чрезвычайно цѣнно для насъ, поскольку свидѣтельствуетъ съ полной опредѣленностью о томъ, что понятіе „первосовѣтникъ Думы Боярской“ отнюдь не является нашимъ искусственнымъ построеніемъ, но что оно сложилось и жило уже въ московское время. Однако, мы не станемъ изслѣдовать приведенное опредѣленіе роли первосовѣтника Думы Боярской въ московскомъ государственномъ строѣ, ибо оно въ значительной мѣрѣ оперируетъ фикціями, а не фактами, и любопытно болѣе какъ политическая тенденція, чѣмъ какъ отраженіе исторической дѣйствительности. Равнымъ образомъ оставимъ въ сторонѣ за почти полнымъ отсутствіемъ данныхъ вопросъ о роли первосовѣтниковъ Думы Боярской въ московской повседневной правительственной практикѣ, сосредоточимъ свое вниманіе на иной сторонѣ въ институтѣ первосовѣтниковъ Думы Боярской. Она позволитъ намъ усмотрѣть въ немъ одно изъ наиболѣе яркихъ проявленій аристократическаго начала въ тѣхъ своеобразныхъ формахъ, какія это начало приняло при дворѣ самодержцевъ всея Руси. Для освѣщенія этой стороны вопроса

[1]) Тамъ же, т. 59, стр. 2, 5, 150, 268.

[2]) Тамъ же, т. 59, стр. 370; т. 71, стр. 74, 89, 94, 125, 148, 311; т. 142, стр. 211, 264, 275; А. И., т. I, стр. 396 и др. Въ 60-хъ годахъ XVI-го в. кн. И. Д. Бѣльскій именовался обычно *„бояриномъ и воеводою навышшимъ и намѣсникомъ володимерскимъ“*.

[3]) С. И. Р. И. Об., т. 71, стр. 499 и 502.

намъ, прежде всего, понадобится ознакомиться съ личнымъ составомъ первосовѣтниковъ Думы Боярской.

II.

Списокъ первосовѣтниковъ Думы Боярской можетъ быть установленъ, прежде всего, на основаніи упоминавшихся мною памятниковъ дипломатическихъ сношеній московскихъ бояръ съ литовскими и польскими панами-радами, а также при помощи грамотъ, которыми московскіе государи обмѣнивались со своею Думою, разрядныхъ записей и нѣкоторыхъ другихъ болѣе случайныхъ источниковъ. Въ дальнѣйшемъ я и представляю такой списокъ, не претендующій, впрочемъ, на исчерпывающую полноту, и привожу біографическія данныя объ отдѣльныхъ первосовѣтникахъ, необходимыя для освѣщенія затронутой мною темы.

Первымъ извѣстнымъ намъ по памятникамъ первосовѣтникомъ Думы Боярской былъ бояринъ великаго князя Ивана III-го *князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ*. Въ качествѣ первосовѣтника мы знаемъ его лишь въ 90-хъ годахъ XV-го столѣтія[1]). Но нѣтъ сомнѣнія, что это значеніе принадлежало ему съ самаго начала правленія Ивана III-го, потому что ни одинъ изъ бояръ первоначальнаго состава Думы Боярской при этомъ государѣ не могъ бы по своему „отечеству" оспаривать у кн. И. Ю. Патрикѣева высокой чести возглавленія Думы[2]). Князь И. Ю. Патрикѣевъ не довольствовался чисто внѣшнимъ почетомъ первенствованія въ Думѣ, но обладалъ и крупнымъ личнымъ вліяніемъ на дѣла государственныя, въ силу котораго даже удѣльные братья великаго князя искали его посредничества во время своихъ ссоръ съ державнымъ братомъ[3]). Повидимому, высокое положеніе кн. И. Ю. Патрикѣева, двоюроднаго брата великаго князя (онъ былъ сыномъ его родной тетки княгини Маріи Васильевны), должно было перейти къ его старшему сыну князю Василію Ивановичу Косому, впослѣдствіи иноку Вассіану, извѣстному литературному защитнику взглядовъ „нестяжателей". Однако, въ самомъ началѣ 1499-го года произошла катастрофа, повлекшая за собою политическую смерть этой хорошо привившейся въ Москвѣ вѣтви Патрикѣевскаго рода: *„Въ лѣто 7007, генваря, велѣлъ князь великый поимати бояръ своихъ, князя Ивана Юрьевича съ дѣтьми да князя Семена*

---

[1]) Тамъ же, т. 35, стр. 71, 105, 109 и др.

[2]) См. такъ называемую Шереметевскую боярскую книгу, т. е. принадлежавшій М. П. Шереметевой „послужной списокъ старинныхъ Бояръ и Дворецкихъ, Окольничихъ и нѣкоторыхъ другихъ придворныхъ чиновъ". „Древняя Россійская Вивліоѳика". Изд. 2-ое. Часть XX. М. 1791, стр. 2.

[3]) Полное собраніе Русскихъ Лѣтописей, томъ XII, стр. 219-220.

Ивановича Ряполовского, велѣлъ казнити князя Семена Ивановича Ряполовского, голову ему ссѣкоша на Москвѣ рѣцѣ пониже мосту, февраля 5, въ вторникъ, а князя Ивана Юрьевича пожаловалъ отъ казни отпустилъ его въ черньци къ Троици, а сына его князя Василья Ивановичя Кривого отпустилъ въ монастырь въ Кириловъ на Бѣлоозеро"[1]). Причинъ этой катастрофы мы въ точности не знаемъ. Повидимому, она стояла въ связи съ вопросомъ о престолонаслѣдіи и съ семейными неурядицами Ивана III-го, какъ разъ въ то время рѣзко измѣнившаго свое отношеніе къ опальному сыну своему Василію, будущему великому князю.

Честь возглавленія московскаго боярства перешла отъ Гедиминовича кн. Патрикѣева къ Рюриковичу, представителю Тверской вѣтви этого рода, *князю Василію Даниловичу Холмскому*[2]). Онъ былъ сыномъ знаменитаго московскаго воеводы кн. Даніила Дмитріевича Холмскаго и зятемъ великаго князя Ивана III-го, который въ февралѣ 1500-го года отдалъ за него дочь свою княжну Θеодосію. Съ нимъ, какъ съ первосовѣтникомъ Думы Боярской, мы встрѣчаемся впервые въ 1502-мъ году, въ послѣдній разъ — въ 1508-мъ[3]), т. е. какъ разъ въ томъ году, когда оборвалась его политическая карьера. Осенью этого года онъ былъ внезапно вызванъ въ Москву изъ-подъ Дорогобужа, куда былъ отправленъ во главѣ войскъ, назначенныхъ для дѣйствій противъ Литвы, въ Москвѣ былъ арестованъ и отправленъ въ заточеніе въ Бѣлоозеро, гдѣ и оставался до самой своей смерти въ 1524-мъ году, т. е. въ теченіе 16-ти лѣтъ[4]). Причинъ опалы, постигшей кн. В. Д. Холмскаго, мы не знаемъ. Въ его лицѣ старшая линія славнаго рода князей Холмскихъ также сошла съ политической сцены.

Отъ кн. В. Д. Холмскаго первенство въ Думѣ Боярской перешло къ старому боярину — боярство ему было сказано

---

[1]) Тамъ же, т. IV, стр. 13.

[2]) Возможно, что короткое время между паденіемъ князей Патрикѣевыхъ въ 7007 г. и своею смертью въ 7009 г. (Др. Р. В., XX, стр. 10) во главѣ Думы Боярской стоялъ старшій братъ кн. В. Д. Холмскаго князь Семенъ Даниловичъ: изъ двухъ братьевъ бояръ первенствовать долженъ былъ старшій и въ силу всевластныхъ въ Москвѣ житейскихъ традицій и на основаніи прямыхъ требованій мѣстническаго счета. Но боярство кн. С. Д. Холмскаго извѣстно намъ только изъ Шереметевскаго боярскаго списка, хронологическія указанія котораго для всего XVI вѣка, въ особенности же первой половины его, лишь приблизительны, а часто и вовсе ошибочны. Не будучи подтверждены свидѣтельствами другихъ источниковъ, они не могутъ служить опорою для какихъ-либо выводовъ. Поэтому мы не имѣемъ права включать, хотя бы только условно, въ списокъ первосовѣтниковъ Думы Боярской имя кн. С. Д. Холмскаго.

[3]) С. И. Р. И. Об., т. 35, стр. 336, 362, 484.

[4]) П. С. Р. Л., т. VI, стр. 248, Др. Р. В., т. XX, стр. 221.

еще въ 6984/1476 г. — *князю Даніилу Васильевичу Щенѣ*, наиболѣе успѣшному московскому полководцу конца XV-го и начала XVI-го в. в. Кн. Д. В. Щеня, племянникъ кн. И. Ю. Патрикѣева, занималъ при кн. В. Д. Холмскомъ второе по чести мѣсто въ Думѣ Боярской, а послѣ опалы кн. Холмскаго передвинулся на первое мѣсто, но не надолго: онъ умеръ въ 1515 году[1]).

Слѣдующимъ первосовѣтникомъ Думы Боярской былъ *князь Дмитрій Өедоровичъ Бѣльскій*, внучатый племянникъ Ивана III-го (внукъ его сестры великой княгини Рязанской Анны) и „сестричичъ" Василія III-го. Въ качествѣ первосовѣтника Думы Боярской онъ упоминается впервые лишь въ 1533 году[2]). Нѣтъ сомнѣнія, однако, что первенствующимъ членомъ Думы Боярской онъ сталъ съ того самаго момента, когда ему было „сказано" боярство, что произошло, согласно Шереметевскому боярскому списку, въ 7029/1520-21 г.[3]). Порукою въ этомъ служитъ то исключительно высокое служебное положеніе князей Бѣльскихъ, рѣчь о которомъ будетъ итти ниже. Кн. Д. Ө. Бѣльскій возглавлялъ Думу Боярскую въ теченіе цѣлыхъ 30-ти лѣтъ до самой смерти своей, послѣдовавшей въ 1551-омъ году[4]). Свое положеніе кн. Д. Ө. Бѣльскій успѣшно поддерживалъ, несмотря на всѣ дворцовыя бури, которыми столь богато было это 30-лѣтіе. Для него не имѣли печальныхъ послѣдствій ни бѣгство въ Литву въ 1534-омъ году его родного брата боярина князя Семена Өедоровича, ни неоднократныя опалы и трагическая смерть въ 1542-омъ году другого его брата

---

[1]) С. И. Р. И. Об., т. 35, стр. 336; А. З. Р., т. II, стр. 96, 111; Др. Р. В., т. XX, стр. 17.

[2]) С. И. Р. И. Об., т. 59, стр. 2, 5 и др.

[3]) Др. Р. В., т. XX, стр. 20. Такимъ образомъ, для насъ остается темнымъ 5-лѣтній промежутокъ (7023-7028) между смертью кн. Д. В. Щени и вступленіемъ въ Думу Боярскую кн. Д. Ө. Бѣльскаго. Прямыхъ указаній на то, кто въ это время возглавлялъ Думу Боярскую, мы не имѣемъ. Изученіе личнаго состава Думы Боярской за этотъ періодъ позволяетъ высказать увѣренность, что первосовѣтникомъ могъ быть только князь Даніилъ Александровичъ Пенко, сынъ послѣдняго владѣтельнаго великаго князя Ярославскаго, умершій въ 7028 (1519-20 г.) (Др. Р. В., т. XX. стр. 20). Согласно указаніямъ памятниковъ, онъ былъ „мѣстникомъ" князю Д. В. Щенѣ и, слѣдовательно, послѣ его смерти долженъ былъ совершенно безспорно первенствовать въ Думѣ Боярской. Но прямыхъ указаній на него, какъ на первосовѣтника, въ памятникахъ мы не имѣемъ, годъ его смерти извѣстенъ только благодаря Шереметевскому боярскому списку, а поэтому, въ силу соображеній, высказанныхъ мною выше по поводу кн. С. Д. Холмскаго, въ списокъ первосовѣтниковъ включать кн. Д. А. Пенка-Ярославскаго я также не стану.

[4]) Шереметевскій боярскій списокъ относитъ его смерть къ 7058 (1549-50 г.) (Др. Р. В., т. XX, стр. 36), но это его показаніе опровергается разрядными записями (см. „Древнѣйшая Разрядная книга оффиціальной редакціи", М. 1901, стр. 147).

князя Ивана, знаменитаго своею борьбою съ Шуйскими въ малолѣтство Грознаго.

Послѣ смерти кн. Д. Ѳ. Бѣльскаго первенство въ Думѣ Боярской перешло къ старому боярину *князю Ивану Михайловичу Шуйскому*, родному брату того князя Андрея Михайловича, казнь котораго 29-XII-1543 г. была первымъ самостоятельнымъ политическимъ актомъ юнаго Грознаго. Первенствующее свое положеніе этотъ представитель одной изъ старшихъ вѣтвей Рюрикова племени удерживалъ до самой своей смерти въ 7067/1558-59 г.[1]).

Отъ кн. И. М. Шуйскаго званіе первосовѣтника Думы Боярской перешло къ *князю Ивану Дмитріевичу Бѣльскому*, сыну знакомаго уже намъ князя Дмитрія Ѳедоровича. Кн. И. Д. Бѣльскій сохранялъ за собой это званіе въ теченіе всѣхъ 60-хъ годовъ XVI-го столѣтія, т. е. въ самую тяжелую для боярства эпоху, когда Грозный, опираясь на опричнину, всего безпощаднѣй и злѣй выводилъ боярскую измѣну. Временная опала постигла и кн. И. Д. Бѣльскаго: въ январѣ 1562-го года онъ подвергся обвиненію въ намѣреніи бѣжать въ Литву и былъ посаженъ подъ стражу, соумышленники же его изъ числа мелкихъ дворянъ и дѣтей боярскихъ болѣе дорогою цѣною заплатили за свой измѣнный умыселъ. Однако, опала эта не имѣла для него тяжелыхъ послѣдствій. Уже въ мартѣ того же 1562-го года онъ былъ освобожденъ подъ поручительство цѣлаго ряда бояръ и дѣтей боярскихъ и вновь вернулся на свое первое думное мѣсто[2]). Кн. И. Д. Бѣльскій погибъ въ маѣ 1571-го года во время набѣга на Москву Девлетъ-Гирея. Согласно нѣкоторымъ извѣстіямъ, онъ задохся отъ дыма въ своемъ собственномъ домѣ, раздѣливъ участь массы жертвъ страшнаго московскаго пожара. Со смертью его пресѣклась линія князей Бѣльскихъ-Гедиминовичей (были и другіе — захудалые — князья Бѣльскіе-Рюриковичи), представители которой въ продолженіе полустолѣтія занимали самыя почетныя мѣста у подножія престола самодержцевъ всея Руси. Въ 1567-мъ году московское правительство, отвѣчая отъ имени кн. И. Д. Бѣльскаго королю Сигизмунду II Августу на присланное имъ кн. И. Д. Бѣльскому предложеніе отъѣхать въ Литву, вкладывало въ уста кн. И. Д. Бѣльскому слѣдующее заявленіе: великій князь Иванъ III *„какъ есть государь правый христьянскій, дѣда нашего князя Ѳедора Ивановича великимъ своимъ жалаваньемъ и почестливостью пожаловалъ и достойную честь воздалъ и никого въ своей землѣ высочайши насъ не учинилъ, ни въ равенствѣ, даже и доселѣ, а*

[1]) С. И. Р. И. Об., т. 59, стр. 366, 370, 473 и др.; Др. Р. В., т. XX, стр. 42.

[2]) П. С. Р. Л., т. XIII, 2-ая половина, стр. 340; С. Г. Г. и Д., т. I, стр. 484-485.

много у царского величества прироженцовъ царскихъ и великихъ княжествъ многихъ и съ государствъ со многихъ, и тые вси по его царского величества велѣнію подъ нашимъ повелѣніемъ ходять"[1]). Въ этомъ заявленіи есть, конечно, преувеличенія, легко объяснимыя цѣлью, съ какою оно дѣлалось, но все же оно не далеко отъ истины.

Первенствующее положеніе князей Бѣльскихъ въ рядахъ московскаго боярства унаслѣдовала другая линія Гедиминовичей — *князья Мстиславскіе*. Два члена этой фамиліи: отецъ — *князь Иванъ Ѳедоровичъ* и сынъ — *князь Ѳедоръ Ивановичъ* стояли во главѣ Боярской Думы въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія съ 1571-го по 1622-ой годъ. Кн. И. Ѳ. Мстиславскій, двоюродный племянникъ Грознаго (внукъ родной сестры Василія III — Евдокіи), занималъ особо почетное мѣсто въ Думѣ Боярской еще при жизни кн. И. Д. Бѣльскаго. Въ перепискѣ Думы Боярской конца 60-хъ годовъ XVI-го вѣка имя его, какъ было уже отмѣчено выше, постоянно упоминается рядомъ съ именемъ кн. И. Д. Бѣльскаго, хотя всегда лишь на второмъ мѣстѣ[2]). Вполнѣ естественно, что послѣ смерти кн. И. Д. Бѣльскаго онъ занялъ освободившееся первое мѣсто, которое и удерживалъ за собою до конца царствованія Грознаго, хотя неоднократно навлекалъ на себя опалу въ общемъ покровительствовавшаго ему царя[3]). Въ теченіе перваго года царствованія Ѳедора Ивановича онъ былъ въ числѣ тѣхъ бояръ, которымъ молва приписывала значеніе регентовъ при недѣеспособномъ царѣ. Однако, уже въ 1585-омъ году его постигла опала, повидимому, въ результатѣ предпринятой имъ попытки положить предѣлъ росту придворнаго вліянія Бориса Годунова. Кн. И. Ѳ. Мстиславскій былъ сосланъ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь и постриженъ тамъ въ монахи. Въ монастырѣ онъ и умеръ въ томъ же году. Самую смерть его современники ставили въ вину Борису Годунову, который де, *„взявши его насильством, далеко сослалъ,*

---

[1]) С. И. Р. И. Об., т. 71, стр. 501.

[2]) Въ грамотѣ, посланной въ 1567 г. московскимъ правительствомъ отъ имени кн. И. Ѳ. Мстиславскаго королю Сигизмунду II Августу, говорится, что кн. И. Ѳ. Мстиславскій состоитъ членомъ „первосовѣта" (Сб. И. Р. И. Об., т. 71, стр. 505). Такимъ образомъ, въ московскомъ государственномъ обиходѣ существовало не только понятіе „первосовѣтникъ", но и понятіе „первосовѣтъ", т. е. своего рода президіумъ Боярской Думы. Этотъ „первосовѣтъ" во второй половинѣ 60-хъ и самомъ началѣ 70-хъ годовъ XVI в. складывался изъ бояръ кн. И. Д. Бѣльскаго, кн. И. Ѳ. Мстиславскаго и кн. М. И. Воротынскаго. Со смертью перваго (1571 г.) и третьяго (1573 г.) изъ нихъ — онъ фактически оказался упраздненнымъ. Указаній на наличность такого „первосовѣта" въ другіе періоды существованія Боярской Думы мы не имѣемъ.

[3]) С. Г. Г. и Д., ч. I, №№ 174, 196 - 199, 201.

в чернъцы силою стрычъ велелъ и уморилъ" [1]). Опала, постигшая князя Ивана Θедоровича, не распространилась, однако, на сына его, князя Θедора Ивановича, который унаслѣдовалъ положеніе отца и удерживалъ за собою званіе первосовѣтника Думы Боярской, несмотря на бурныя событія смуты, до самой своей смерти, послѣдовавшей въ 1622-омъ году. Онъ возглавлялъ Думу Боярскую при всѣхъ перемѣнахъ правительствъ, столь часто происходившихъ въ это время, а на одинъ моментъ оказался даже начальнымъ человѣкомъ въ Московскомъ Государствѣ. Это былъ тотъ краткій промежутокъ времени между низложеніемъ Василія Шуйскаго и избраніемъ на московскій престолъ королевича Владислава (17-VII—27-VIII 1610 г.), когда московскіе люди „*били челомъ бояромъ князю Θедору Ивановичю Мстиславскому с товарищи, чтобъ пожаловали приняли Московское гдрство...*" [2]).

Княземъ Θ. И. Мстиславскимъ обрывается линія хорошо засвидѣтельствованныхъ памятниками первосовѣтниковъ Думы Боярской. Составленіе полнаго списка первосовѣтниковъ за XVII-й вѣкъ для меня въ настоящій моментъ является неосуществимымъ, главнымъ образомъ, изъ-за невозможности использовать не изданныя еще польскія посольскія книги XVII-го столѣтія. Повидимому, короткое время послѣ смерти кн. Θ. И. Мстиславскаго первосовѣтникомъ Думы Боярской состоялъ *князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій,* сынъ знаменитаго воеводы временъ Грознаго, побѣдителя татаръ на Лопаснѣ князя Михаила Ивановича, занимавшаго въ составѣ Думы Боярской, какъ мы видѣли, особо почетное мѣсто. Со смертью кн. И. М. Воротынскаго (†7135 г.) первенство въ Думѣ Боярской перешло къ родному дядѣ царя Михаила Θедоровича боярину *Ивану Никитичу Романову*, а по смерти послѣдняго (†7148 г.) къ князю *Ивану Борисовичу Черкасскому,* двоюродному брату того же царя. Кн. И. Б. Черкасскій, человѣкъ, по отзывамъ современниковъ, „большого ума и крѣпкой памяти, скорый на удачливые совѣты, но высокомѣрный", послѣ смерти патріарха Филарета игралъ первую роль въ правительствѣ царя Михаила Θедоровича. Въ Думѣ Боярской первенствовалъ онъ не долго, такъ какъ скончался 4 апрѣля 1642 г. [3]). Съ конца царствованія Алексѣя Михайловича и до самой своей смерти (1689 г.) первосовѣтникомъ Думы Боярской былъ извѣстный сотрудникъ тишайшаго царя *князь Никита Ивановичъ Одоевскій*, „именитый

---

[1]) С. И. Р. И. Об,, т. 137, стр. 575.

[2]) С. Г. Г. и Д., т. II, стр. 390.

[3]) „Дворцовые разряды", т. I, стр. 663, 683, 797, 864, 960; т. II, стр. 115, 135, 200, 218, 738, 870 и др.; Др. Р. В., т. XX, стр. 94, 99; Сташевскій, „Очерки по исторіи царствованія Михаила Θедоровича". Ч. I. Кіевъ, 1913, стр. 361.

мужъ изъ всей знати" [1]). Его именемъ можно заканчивать исторію первосовѣтниковъ Думы Боярской, такъ какъ смерть его совпала съ тѣмъ временемъ, когда начиналась коренная ломка вѣками складывавшихся московскихъ установленій, въ которой и Боярской Думѣ суждено было сначала измѣнить свой прежній характеръ, а затѣмъ и вовсе исчезнуть, уступивъ свое мѣсто учрежденіямъ съ новымъ кругомъ дѣятельности и новою соціальною окраскою. Самое понятіе „первосовѣтникъ Думы Боярской" было такъ тѣсно связано со всею суммою мѣстническихъ отношеній и традицій московскаго боярства, что съ отмѣною мѣстничества закономъ и съ исчезновеніемъ его изъ жизненной практики, званіе первосовѣтника утрачивало прежнее свое содержаніе и лишалось интересующаго насъ своеобразія. Уловить это своеобразіе — задача дальнѣйшей части настоящаго очерка.

III.

Всѣ первосовѣтники Думы Боярской принадлежали, разумѣется, къ первѣйшимъ фамиліямъ московской знати. Это диктовалось всѣмъ строемъ понятій и традицій, которыми жило московское боярство и которыя полностью раздѣляли московскіе государи. Однако, предоставляя самое почетное положеніе среди своихъ слугъ тому или иному боярину, московскіе государи пользовались все же извѣстной свободой выбора, хотя бы эта свобода и ограничивалась довольно узкимъ кругомъ фамилій первостепенной знати. Выборъ въ предѣлахъ этого круга опредѣлялся, въ концѣ концовъ, личными симпатіями государя. Въ этомъ отношеніи очень показательно возвышеніе рода князей Мстиславскихъ. Въ концѣ XVI-го и въ первой четверти XVII-го в. в. въ Москвѣ не было болѣе „честнаго" рода. Князьямъ Мстиславскимъ должны были „безсловно" уступать первое мѣсто всѣ прочіе большіе княжескіе и боярскіе роды, въ томъ числѣ даже ближайшіе родственники правившихъ династій — Годуновы, князья Шуйскіе и Романовы. Однако, родоначальникъ на московской почвѣ князей Мстиславскихъ, литовскій выходецъ кн. Ѳ. М. Мстиславскій далеко не занималъ такого выдающагося положенія въ рядахъ московской знати и бывалъ въ разрядахъ ниже многихъ ея представителей. Объ этомъ внуку его кн. Ѳ. И. Мстиславскому напомнилъ въ 90-хъ годахъ XVI-го вѣка во время одного горячаго мѣстническаго спора бояринъ кн. Т. Р. Трубецкой, самъ человѣкъ очень высокой породы: „*по дѣдѣ по твоемъ съ тобою льзя было въ отечествѣ считаться, а по отцѣ по твоемъ съ тобою мѣстничатца нельзя,*

---

[1]) Тщательный подборъ ссылокъ на источники сдѣланъ въ статьѣ о кн. Н. И. Одоевскомъ въ „Русскомъ Біографическомъ словарѣ", т. „Обезьяниновъ — Очкинъ".

потому что Государь отца твоего жаловалъ и учинилъ его велика" [1]).

Итакъ, возвышеніе представителей той или иной фамиліи на первую степень въ государствѣ объяснялось не только высотою ея „отечества", но и государевымъ „жалованьемъ", до извѣстной степени создававшимъ самую эту высоту. Вполнѣ естественно, что солнце государевой милости лучами своими озаряло чаще всего лицъ, связанныхъ съ династіей узами родства. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 12-ти выше перечисленныхъ первосовѣтниковъ Думы Боярской лишь четверо — кн. Д. В. Щеня, кн. И. М. Шуйскій, кн. И. М. Воротынскій и кн. Н. И. Одоевскій — были лицами, не состоявшими въ родственныхъ отношеніяхъ къ правившей династіи. Всѣ прочіе первосовѣтники, какъ мы уже видѣли, были родственниками московскихъ государей, иногда, впрочемъ, довольно отдаленными: кн. И. Ю. Патрикѣевъ приходился двоюроднымъ братомъ великому князю Ивану III-му; кн. В. Д. Холмскій былъ зятемъ этого же государя; кн. Д. Ѳ. Бѣльскій былъ „сестричичемъ" великаго князя Василія III-го, а его сынъ кн. И. Д. Бѣльскій оживилъ свои родственныя связи съ династіей Калиты женитьбой на княжнѣ Марѳѣ Васильевнѣ Шуйской, внучкѣ родной сестры Василія III-го Евдокіи; кн. И. Ѳ. Мстиславскій, внукъ той же Евдокіи, приходился двоюроднымъ племянникомъ Грозному; наконецъ, И. Н. Романовъ былъ дядею, а кн. И. Б. Черкасскій — двоюроднымъ братомъ царя Михаила Ѳедоровича. Однако, самъ по себѣ моментъ родственной близости къ династіи не игралъ рѣшающей роли въ дѣлѣ выдвиженія того или другого боярина на роль первосовѣтника Думы Боярской. Кн. Т. Р. Трубецкой подчеркивалъ, какъ мы видѣли, значеніе другого фактора — государева жалованья, милостями котораго могли быть взысканы и лица, династіи совершенно постороннія. Воля государя играла большую роль въ дѣлѣ созданія высокаго мѣстническаго „отечества" отдѣльнаго боярина и цѣлой боярской фамиліи. Очень интересно, однако, что государи московскіе, создавая исключительно высокое „отечество" той или другой боярской фамиліи, въ дальнѣйшемъ должны были уже считаться съ этимъ „отечествомъ", какъ съ готовою данною, на измѣненіе которой они не посягали. Какъ мы видѣли, князья Мстиславскіе, напримѣръ, не столько сами по себѣ были „велики", сколько были возвеличены жаловавшими ихъ московскими государями. Но, учинивъ ихъ „великими" и заставивъ прочія знатнѣйшія московскія фамиліи признать высоту Мстиславскихъ и отказаться даже отъ мысли о счетѣ съ ними своимъ „отечествомъ", государи и самихъ себя

---

[1]) „Временникъ Императорскаго Московскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ", кн. XIV. М. 1852. „Счетныя дѣла", стр. 8.

обязали считаться съ этою высотою Мстиславскихъ и видѣть въ ней ограниченіе своей воли, „выносящей“ на первыя мѣста среди боярства новыхъ государевыхъ любимцевъ. Въ этомъ отношеніи очень интересна исторія возвышенія Бориса Годунова и вообще всего рода Годуновыхъ. Общеизвѣстно, что Годуновы благодаря исключительному расположенію къ Борису Ѳедоровичу царя Ивана, а въ особенности его сына, заняли среди московскаго боярства чрезвычайно высокое положеніе, совершенно не отвѣчавшее ихъ сравнительно малой родовитости. Вступивъ въ Думу Боярскую весьма скромно, въ чинѣ окольничихъ (старшій представитель рода Дмитрій Ивановичъ — въ 7081 г., Степанъ Васильевичъ — въ 7084 г., Иванъ Васильевичъ — въ 7089 г.; при Грозномъ одинъ лишь Борисъ Ѳедоровичъ былъ пожалованъ въ бояре прямо изъ крайчихъ, минуя чинъ окольничаго, — въ 7089 г.), какъ подобало представителямъ второразрядной знати, Годуновы уже въ самомъ началѣ царствованія Ѳедора Ивановича не только прочно укрѣпились въ Думѣ Боярской (5 бояръ изъ этой фамиліи), но и заняли въ ней первыя мѣста. Сохранившіеся списки членовъ Думы Боярской въ порядкѣ ихъ мѣстнической чести 1586-го [1]) и 1597-го гг. [2]) показываютъ, что старшій изъ Годуновыхъ Дмитрій Ивановичъ и царскій любимецъ Борисъ Ѳедоровичъ, занимая въ Думѣ Боярской 2-ое и 3-ье мѣста, стояли выше представителей такихъ перворазрядныхъ московскихъ фамилій, какъ князья Шуйскіе, Трубецкіе, Голицыны, Черкасскіе, Романовы и др. Это было явное попраніе всѣхъ тѣхъ началъ, которыми жило и дышало московское боярство и въ которыхъ обычно встрѣчала преграду царская воля, карающая и жалующая. Теперь такую преграду она встрѣтила только въ положеніи первосовѣтника Думы Боярской кн. Ѳ. И. Мстиславскаго, совершенно не поколебленномъ безмѣрнымъ возвышеніемъ Годуновыхъ. Самъ всемогущій Борисъ Ѳедоровичъ какъ въ официальной перепискѣ и при разнаго рода торжественныхъ церемоніяхъ, такъ и при командованіи войсками долженъ былъ постоянно уступать первое мѣсто кн. Ѳ. И. Мстиславскому, несмотря на всю несоизмѣримость ихъ личнаго вліянія и политическаго вѣса. Слѣдуетъ при этомъ отмѣтить, что и кн. Ѳ. И. Мстиславскій не прочь былъ при случаѣ подчеркнуть, какъ высокъ онъ по сравненію съ царскимъ любимцемъ. Очень любопытная въ этомъ отношеніи исторія разыгралась въ 1591-мъ году при отраженіи отъ Москвы Казы-Гирея. Послѣ бѣгства татаръ царь послалъ воеводамъ

---

[1]) Карамзинъ Н. М. „Исторія Государства Россійскаго“, т. X, прим. 139.

[2]) „Памятники дипломатическихъ сношеній древней Россіи“, т. I, стр. 486 - 487.

похвальную грамоту, адресованную первымъ двумъ воеводамъ большого полка кн. Ѳ. И. Мстиславскому и Б. Ѳ. Годунову. Кн. Мстиславскій счелъ, повидимому, унизительнымъ для себя такое адресованіе и отвѣтную грамоту царю отправилъ отъ своего только имени, за что и получилъ немедленно выговоръ: *„и государь к нему писалъ, июля въ 10 д, со князем̃ъ Михайломъ Козловскимъ, съ опалою, за то, что писано отъ государя в грамоте, с князь Петромъ Козловскимъ, къ нему ко князю Ѳедору да х конюшему боярину и дворовому воеводе г Борису Ѳедоровичю Годунову; а онъ противъ государевы грамоты писалъ одно свое имя“* [1]). Въ этомъ эпизодѣ любопытенъ не выговоръ, представлявшій собою нормальную реакцію на отступленіе кн. Мстиславскаго отъ тогдашнихъ правилъ офиціальной переписки, а фактъ нанесенія кн. Мстиславскимъ весьма чувствительнаго, по понятіямъ того времени, оскорбленія Борису Годунову, который уже рядъ лѣтъ самовластно *„правил землю рукою великого государя“*. Кн. Ѳ. И. Мстиславскій, обычно такой осторожный и нерѣшительный, въ данномъ случаѣ былъ, очевидно, глубоко убѣжденъ въ своей правотѣ и проникнутъ сознаніемъ высоты своего достоинства какъ первосовѣтника, „именитаго мужа изъ всей знати“: имя его являлось какъ бы синонимомъ всей Думы Боярской, и ставить рядомъ съ нимъ имя Бориса Годунова означало умалять достоинство первосовѣтника и всей Думы [2]). Картину сходную съ возвышеніемъ Годуновыхъ представляло собою четверть вѣка спустя продвиженіе къ первому мѣсту въ Думѣ Боярской боярина Ивана Никитича Романова, единственнаго оставшагося въ живыхъ дяди царя Михаила Ѳеодоровича. Юный царь, тщательно оберегая своего дядю въ мѣстническихъ спорахъ, заставлялъ разступаться передъ нимъ плотно сомкнутые ряды боярской знати и постепенно продвигалъ его на все болѣе и болѣе высокія мѣста. Не слишкомъ великъ былъ по своему „отечеству“ бояринъ Иванъ Никитичъ, и въ первое время послѣ воцаренія Михаила Ѳедоровича его возвышеніе вызывало острыя мѣстническія стычки. Съ нимъ мѣстничались и кн. Д. Т. Трубецкой и кн. Б. М. Лыковъ, и любопытно, что самъ царь призналъ обоснованность мѣстническихъ притязаній, по

---

[1]) „Синбирскій сборникъ“. М. 1844 г., стр. 118.

[2]) Повидимому, сходный случай имѣлъ мѣсто съ другимъ первосовѣтникомъ кн. И. Д. Бѣльскимъ. Въ царскомъ архивѣ времени Грознаго хранилось въ числѣ прочихъ *„дѣло князя Ивана Дмитреевича Бѣлского со княземъ Васильемъ Барбашинымъ, о наказѣ, что посыланъ ко князю Ивану съ наказомъ князь Василей Барабашинъ, и князь Иванъ у того наказу голову отклеилъ, для того что написаны къ нему въ товарыщѣхъ князь Иванъ Мъстиславской да князь Михайло Глинской“* (А. А. Э., т. I, стр. 352). Подробностей этой любопытной въ бытовомъ отношеніи исторіи мы совершенно не знаемъ.

крайней мѣрѣ перваго изъ нихъ, и просилъ кн. Д. Т. Трубецкого уступить болѣе высокое мѣсто И. Н. Романову въ видѣ личнаго одолженія ему, царю: *„и Государь сказалъ боярину князь Дмитрею Трубецкому: вѣдомо твое отечество предъ Иваномъ, мочно ему тебя менши быть; а нынѣ тебѣ быть для того, что мнѣ Иванъ Никитичъ по родству дядя; быть вамъ безъ мѣстъ“*[1]). А между тѣмъ и самъ кн. Д. Т. Трубецкой не принадлежалъ къ числу старѣйшихъ честью членовъ Думы Боярской. Другой же бояринъ, мѣстничавшійся съ И. Н. Романовымъ, кн. Б. М. Лыковъ, который *„билъ челомъ Государю, что ему менши Ивана Никитича никоторыми дѣлы быть не вмѣстно, лучше бъ его велѣлъ Государь казнить смертью, а менши Ивана быти не велѣлъ“* [2]), вообще не былъ человѣкомъ перворазрядной знати и считался менѣе „честнымъ“, чѣмъ, напримѣръ, Ѳ. И. Шереметевъ, В. П. Морозовъ или М. Б. Шеинъ. Эти мѣстническія стычки приблизительно опредѣляютъ то мѣсто, которое при нормальныхъ условіяхъ долженъ былъ бы занимать въ Думѣ Боярской И. Н. Романовъ. Тѣмъ не менѣе, настойчиво добиваясь своей цѣли, юный государь въ концѣ концовъ учинилъ своего дядю столь „великимъ“ въ разрядахъ, что ниже его пришлось стать представителямъ первѣйшихъ боярскихъ родовъ того времени, кн. Шуйскимъ, Голицынымъ, Черкасскимъ и др. И опять таки лишь положеніе первосовѣтника Думы Боярской, каковымъ и теперь, какъ въ пору фавора Годуновыхъ, былъ кн. Ѳ. И. Мстиславскій, осталось не поколебленнымъ безмѣрнымъ возвышеніемъ государева дяди: и И. Н. Романовъ, какъ прежде Б. Ѳ. Годуновъ, всегда долженъ былъ „безсловно“ уступать первое мѣсто кн. Ѳ. И. Мстиславскому до самой кончины этого боярина, въ теченіе почти четырехъ десятилѣтій (1585 - 1622 гг.) стоявшаго во главѣ Думы Боярской.

Любопытно, что даже то званіе, чисто титулярное, намѣстниковъ владимірскихъ, которое носили первосовѣтники Думы Боярской, оставалось недоступнымъ могущественнымъ фаворитамъ московскихъ государей, хотя послѣдніе стремились украсить своихъ любимцевъ возможно болѣе пышными и горделивыми титулами и званіями. Вспомнимъ хотя бы, какъ именовались Борисъ Годуновъ при царѣ Ѳедорѣ — „государю великому шуринъ и правитель, слуга и конюшій бояринъ и дворовый воевода и содержатель великихъ государствъ, царства Казанскаго и Астраханскаго“ [3]), или князь В. В. Голицынъ въ правленіе царевны Софіи — *„царственные большіе печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ Оберегатель, ближній*

---

[1]) „Дворцовые Разряды“, т. I, стр. 97.
[2]) Тамъ же, стр. 129 - 130.
[3]) С. Ѳ. Платоновъ, „Борисъ Годуновъ“. Прага. 1924. Стр. 57.

бояринъ и Намѣстникъ Новгородскій" [1]). Такимъ образомъ, ни тотъ, ни другой, несмотря на все свое желаніе подчеркнуть самымъ званіемъ своимъ исключительность роли своей въ государствѣ, не присвоили себѣ званія намѣстниковъ владимірскихъ, о которомъ за границей твердо знали, что это *„болшей урядъ"* въ Московскомъ государствѣ. Званіе это продолжало составлять прерогативу первосовѣтника Думы Боярской.

Прерогатива эта представляется, однако, совершенно ничтожной въ сравненіи съ другимъ преимуществомъ, которымъ они фактически пользовались. Я имѣю въ виду несмѣняемость первосовѣтниковъ Думы Боярской, разумѣется, нигдѣ не формулированную, юридически ничѣмъ не закрѣпленную, но въ жизни соблюдавшуюся неукоснительно въ продолженіе всего существованія Думы Боярской. Занявъ однажды первое мѣсто въ Думѣ Боярской, первосовѣтникъ уже никому его не уступалъ. Чести возглавленія всего боярства его лишала одна только смерть, физическая или политическая. Въ самомъ дѣлѣ, изъ 8-ми первосовѣтниковъ Думы Боярской XV-VI вв. пять сошли со своего перваго мѣста въ Думѣ Боярской въ могилу (князья Д. В. Щеня, Д. Ѳ. Бѣльскій, И. М. Шуйскій, И. Д. Бѣльскій и Ѳ. И. Мстиславскій), а трое были сведены въ государевой опалѣ — въ монастырь (кн. И. Ю. Патрикѣевъ и кн. И. Ѳ. Мстиславскій) или въ темницу (кн. В. Д. Холмскій). Въ XVII в., въ болѣе спокойную для московскаго боярства пору, всѣ извѣстные первосовѣтники Думы Боярской мирно оставались до самой своей смерти на своемъ высокомъ посту. Не было въ исторіи Думы Боярской ни одного случая, чтобы первосовѣтникъ уступилъ первое мѣсто въ Думѣ вновь пожалованному великому породою боярину. Мало того, если въ рядахъ придворной знати появлялось лицо, очень высокое по своему „отечеству", быть можетъ, болѣе высокое, чѣмъ бояринъ, первенствовавшій въ это время въ Думѣ Боярской, то такое лицо, повидимому, не вводилось въ составъ Думы Боярской до самой смерти первосовѣтника. Лишь послѣ этого высокородный новичекъ, будучи „сказанъ" въ бояре, сразу же занималъ въ Думѣ Боярской освободившееся первое мѣсто. Такова была, напримѣръ, думная карьера кн. И. Д. Бѣльскаго. Сынъ князя Д. Ѳ. Бѣльскаго, долголѣтняго первосовѣтника Думы Боярской, старшій наличный представитель рода, милостью московскихъ государей исключительно высоко поставленнаго надъ всѣмъ московскимъ боярствомъ, князь Иванъ Дмитріевичъ, какъ только достигъ возраста, позволявшаго ему принять участіе въ дѣятельности правящаго класса, сразу же занялъ положеніе, вполнѣ отвѣчавшее его „отечеству". Въ 7064/1555-56 г., не имѣя

---

[1]) „Опытъ трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ", ч. IV. М. 1778. Стр. 20.

еще думнаго чина и будучи сравнительно молодымъ человѣкомъ, онъ назначается — это первое его служебное назначеніе, извѣстное намъ по разрядамъ, — на высшую должность, доступную слугѣ московскаго государя — первымъ воеводою большого полка въ походѣ „на берегъ". Въ послѣдующіе годы, все еще не имѣя думнаго чина, онъ повторно получаетъ то же назначеніе[1]), ставящее его выше (въ мѣстническомъ смыслѣ) самыхъ знатныхъ бояръ, давно уже засѣдающихъ въ Думѣ Боярской, какъ-то князей И. Ѳ. Мстиславскаго, М. В. Глинскаго, И. И. Пронскаго и др. Въ Думѣ Боярской въ это время первенствовалъ кн. И. М. Шуйскій-Плетень. Кн. И. Д. Бѣльскому по его высокому „отечеству" было бы невмѣстно сидѣть въ Думѣ Боярской ниже И. М. Шуйскаго, занять же въ Думѣ первое мѣсто, оттѣснивъ стараго первосовѣтника, не позволяла традиція, очевидно, уже прочно сложившаяся къ этому времени. И вотъ князь И. Д. Бѣльскій, внѣ Думы Боярской занимавшій первыя мѣста, въ составъ Думы не вводится въ продолженіе пяти лѣтъ до самой смерти кн. И. М. Шуйскаго. Въ 7067/1559 г. скончался этотъ бояринъ и въ этомъ же году, согласно показанію Шереметевскаго боярскаго списка, подтвержденному и разрядными записями, было „сказано" боярство кн. И. Д. Бѣльскому[2]), который получилъ такимъ образомъ возможность возглавить Думу Боярскую, какъ онъ уже возглавлялъ въ теченіе ряда лѣтъ военную іерархію Московскаго государства. Случай этотъ очень интересенъ и показателенъ. Объясненія его слѣдуетъ искать, конечно, не въ тонкой деликатности московскаго правительства или Грознаго лично, не желавшаго обижать престарѣлаго боярина[3]), а въ той исключительной почетности и авторитетности положенія первосовѣтника Думы Боярской, которая успѣла уже сложиться въ Москвѣ. Случай съ кн. И. Д. Бѣльскимъ не былъ единичнымъ. Весьма вѣроятно, что такимъ же образомъ вступилъ въ Думу Боярскую и отецъ его кн. Д. Ѳ. Бѣльскій. Шереметевскій боярскій списокъ относитъ пожалованіе его въ бояре къ 7029/1520-21 г., смерть же его предшественника (предполагаемаго) по предсѣдательствованію въ Думѣ Боярской кн. Д. А. Пенка-Ярославскаго этотъ списокъ отмѣчаетъ подъ предыдущимъ 7028/1519-20 г.[4]), — послѣдовательность фактовъ, истинный

---

[1]) „Древнѣйшая Разрядная Книга", стр. 147, 187, 193, 207.

[2]) Др. Р. В., т. XX, стр. 42; „Древнѣйшая Разряд. Кн.", стр. 218.

[3]) Кстати сказать, Грозный не могъ питать никакихъ особыхъ симпатій къ кн. И. М. Шуйскому: не говоря уже о дѣтскихъ воспоминаніяхъ царя, связанныхъ съ безцеремоннымъ хозяйничаньемъ во дворцѣ, произволомъ и жестокостью Шуйскихъ, вспомнимъ хотя бы о той позиціи, которую кн. И. М. Шуйскій занялъ въ 1553 г. во время болѣзни Грознаго въ вопросѣ о присягѣ маленькому царевичу Дмитрію (П. С. Р. Л., т. XIII, 2-я половина, стр. 522-526).

[4]) Др. Р. В., т. XX, стр. 20.

характеръ которой разъясненъ мною выше. Впрочемъ, послѣдній случай нельзя признать хорошо засвидѣтельствованнымъ въ силу соображеній относительно Шереметевскаго боярскаго списка, мною ранѣе высказанныхъ.

Въ XVI-мъ вѣкѣ положеніе первосовѣтника Думы Боярской достигалось двумя путями: его пріобрѣталъ или вновь пожалованный бояринъ великой породы, по своему „отечеству“ стоявшій выше всѣхъ наличныхъ членовъ Думы Боярской (кн. В. Д. Холмскій, князья Д. Ѳ. и И. Д. Бѣльскіе), или же бояринъ, занимавшій въ Думѣ второе мѣсто и послѣ выбытія изъ Думы первосовѣтника, естественно, передвигавшійся на первое мѣсто (князья Д. В. Щеня, И. М. Шуйскій, И. Ѳ. и Ѳ. И. Мстиславскіе). Въ XVII-омъ вѣкѣ всѣ извѣстные намъ первосовѣтники (кн. И. М. Воротынскій, И. Н. Романовъ, кн. И. Б. Черкасскій, кн. Н. И. Одоевскій) достигали своего высокаго положенія нѣсколько инымъ путемъ: обычно долголѣтняя думная карьера, повышая со степени на степень, лишь очень постепенно подводила ихъ къ первому мѣсту въ Думѣ Боярской. Кн. И. Б. Черкасскій, напримѣръ, прежде чѣмъ стать первосовѣтникомъ, пробылъ въ Думѣ 27 лѣтъ, а кн. Н. И. Одоевскій свыше 30-ти, причемъ оба они первоначально занимали въ Думѣ Боярской мѣста не выше 5-го — 6-го. Такъ, и на положеніи первосовѣтниковъ Думы Боярской сказался давно уже подмѣченный изслѣдователями фактъ генеалогическаго оскудѣнія московскаго боярства въ XVII-мъ вѣкѣ и постепеннаго роста значенія личной выслуги, все болѣе успѣшно конкурировавшей съ началомъ великой породы.

Исключительно почетное положеніе, пріобрѣтенное въ Москвѣ первосовѣтниками Думы Боярской, сообщало тѣмъ боярскимъ фамиліямъ, члены которыхъ достигали этого званія, особый блескъ и облегчало сыновьямъ первосовѣтниковъ повтореніе думной карьеры ихъ отцовъ. Можно сказать, что въ Москвѣ готова была сложиться наслѣдственность положенія первосовѣтниковъ Думы Боярской и только быстрое угасаніе всплывавшихъ наверхъ боярскихъ фамилій не позволяло реализоваться этой возможности. Вспомнимъ князей Бѣльскихъ и князей Мстиславскихъ, изъ коихъ первые возглавляли Думу Боярскую въ продолженіе 4-хъ, а вторые — даже 5-ти десятилѣтій. Обѣ эти линіи Гедиминовичей были въ XVI-омъ вѣкѣ милостью московскихъ государей такъ высоко взнесены надо всѣмъ остальнымъ московскимъ боярствомъ, что переходъ положенія первосовѣтника Думы Боярской отъ отца къ сыну, имѣвшій мѣсто среди лицъ этихъ фамилій, казался дѣломъ совершенно естественнымъ, не вызывавшимъ никакихъ сомнѣній. Кн. И. Д. Бѣльскій и кн. Ѳ. И. Мстиславскій, сами первосовѣтники Думы Боярской, были сыновьями первосовѣтниковъ, но въ то же время оба

они были послѣдними представителями своихъ фамилій, такъ что дальнѣйшая передача по наслѣдству достоинства первосовѣтника въ этихъ княжескихъ линіяхъ уже не могла имѣть мѣста.

Всѣ эти наблюденія свидѣтельствуютъ о томъ, что въ положеніи первосовѣтника Думы Боярской было много интереснаго и своеобразнаго. Едва ли въ какой либо другой детали московскаго государственнаго порядка такъ явственно обнаруживалось значеніе аристократическаго начала, поскольку послѣднее уживалось съ самодержавіемъ московскихъ государей. Въ этой комбинаціи было много внутренней противорѣчивости, за которую боярство расплатилось дорогою цѣною: при Грозномъ — опричниною, при Борисѣ Годуновѣ — закулисными расправами. Если боярство было всецѣло проникнуто понятіями и традиціями, съ такою аристократическою гордостью выраженными въ знаменитой формулѣ: „За службу жалуетъ Государь помѣстьемъ и деньгами, а не отечествомъ“ [1]), то московскіе государи охотно противопоставляли этой формулѣ библейскую реминисценцію: „можетъ Богъ и изъ камней воздвигнуть чадъ Аврааму“ [2]). Но склонные къ производству подобнаго превращенія московскіе государи, когда дѣло касалось первосовѣтниковъ Думы Боярской, обнаруживали особую осторожность, брали лишь наиболѣе самоцвѣтные камни и, вставивъ ихъ въ драгоцѣнную оправу, въ дальнѣйшемъ проявляли къ нимъ тщательнѣйшую бережливость. А если въ XVI-омъ вѣкѣ чуть ли не 40% первосовѣтниковъ Думы Боярской кончило все же свой вѣкъ въ государевой „конечной“ опалѣ, то это лишь свидѣтельствуетъ о характерной для XVI-го вѣка напряженности отношеній между московскими самодержцами и ихъ полнымъ родословнаго гонора боярствомъ. Слишкомъ свѣжій вѣтеръ гулялъ на вершинахъ государственной жизни, доступныхъ московскому боярству, слишкомъ трудно было удержаться на нихъ. Въ XVII-мъ вѣкѣ, при Романовыхъ, когда для московскаго боярства наступили болѣе спокойныя времена, мы не знаемъ уже ни одного случая опалы, постигшей первосовѣтника Думы Боярской.

Мы подошли къ чисто политической сторонѣ роли первосовѣтника Думы Боярской. Она не отличалась особою яркостью. Первенство въ чести далеко не совпадало съ первенствомъ въ политическомъ вѣсѣ или придворномъ вліяніи. Самые знатные обычно не были ни самыми сильными, ни самыми властными. Напротивъ, почти всѣ первосовѣтники Думы Боярской были фигурами политически безцвѣтными, людьми дюжинными, безъ большихъ государственныхъ заслугъ и „безъ вкуса къ власти“.

---

[1]) „Книги Разрядныя“, т. I, стр. 206 и „Дворцовые Разряды“, т. I, стр. 224.

[2]) Ключевскій. „Боярская Дума“, 5, стр. 228.

Только эта блѣдность, служившая лучшей защитной окраской въ пору дворцовыхъ интригъ и политическихъ бурь, и позволила, очевидно, кн. Д. Ѳ. Бѣльскому безъ ущерба для себя удержаться на первомъ мѣстѣ въ Думѣ Боярской во все время напряженной дворцовой борьбы въ эпоху регенства Елены Глинской и сумбурной боярской опеки надъ малолѣтнимъ Грознымъ. Фактическая власть переходила изъ рукъ въ руки, отъ кн. И. Ѳ. Овчины-Телепнева-Оболенскаго къ Шуйскимъ, затѣмъ къ родному брату первосовѣтника кн. И. Ѳ. Бѣльскому, послѣ его гибели снова къ Шуйскимъ, наконецъ, къ Глинскимъ, но формально во главѣ правительства все это время оставался кн. Д. Ѳ. Бѣльскій, не связавшій своего имени ни съ однимъ изъ боярскихъ кружковъ, боровшихся изъ-за власти, очевидно, потому, что этой власти онъ и не искалъ. По этой же причинѣ удалось и кн. Ѳ. И. Мстиславскому сохранить свое высокое положеніе во всѣхъ перипетіяхъ смуты, оставаясь неизмѣннымъ первосовѣтникомъ Думы Боярской при семи государяхъ. Изъ всѣхъ перечисленныхъ выше первосовѣтниковъ Думы Боярской XV-XVI в. в. едва ли не одинъ кн. И. Ю. Патрикѣевъ пользовался подлиннымъ личнымъ авторитетомъ и извѣстнымъ политическимъ вліяніемъ. Тѣмъ любопытнѣе, что нѣкоторая личная сѣрость и политическая незначительность, присущія почти всѣмъ первосовѣтникамъ Думы Боярской, до извѣстной степени уравновѣшивались тою исключительною авторитетностью, которую имъ сообщало долголѣтнее возглавленіе Думы. Мѣсто красило человѣка, сообщало авторитетъ лицу, занимавшему его, превращало безталаннаго человѣка и заурядгаго государственнаго дѣятеля въ относительно крупную политическую фигуру. Въ этомъ отношеніи особенно любопытна политическая карьера кн. Ѳ. И. Мстиславскаго. Въ его характерѣ мы не знаемъ ни одной яркой черты, съ его именемъ не связано ни одно крупное государственное дѣло. Онъ лойяльно и даже усердно служилъ всѣмъ государямъ, которымъ довелось ему присягать: и царю Ѳедору Ивановичу, и Борису Годунову (былъ раненъ, сражаясь за Бориса противъ Разстриги), и его юному сыну (не спѣшилъ съ присягою Лже-Дмитрію и не принималъ участія въ жестокой расправѣ съ семействомъ царя Бориса), и названному Дмитрію (не былъ посвященъ въ заговоръ Шуйскихъ и Голицыныхъ), и Василію Шуйскому (не интриговалъ противъ него во время осады Москвы тушинцами и не агитировалъ за его сверженіе послѣ Клушина), и королевичу Владиславу (считался чуть ли не главнымъ доброхотомъ его среди большихъ бояръ), и, наконецъ, первому Романову. Онъ не участвовалъ ни въ заговорахъ, ни въ политическихъ интригахъ, которыя столь часто плелись въ это время какъ въ тиши кремлевскихъ дворцовъ, среди „лукавыхъ царедворцевъ", такъ и въ шумной сутолокѣ Красной площади,

среди „торговыхъ мужиковъ“. Даже въ той интригѣ, которая стоила перваго мѣста въ Думѣ Боярской, свободы, можетъ-быть, и самой жизни его отцу кн. И. Ѳ. Мстиславскому, онъ не принималъ, повидимому, никакого участія. Такой образъ дѣйствій въ такую эпоху служитъ, дѣйствительно, вѣскимъ доказательствомъ отсутствія въ кн. Ѳ. И. Мстиславскомъ какого-либо политическаго честолюбія и вкуса къ власти. Тѣмъ не менѣе, каждый разъ, когда московскій престолъ оказывался вакантнымъ, въ числѣ претендентовъ на царскій вѣнецъ молва упорно повторяла и имя кн. Ѳ. И. Мстиславскаго. Такъ было въ 1598 г., въ 1606 г., въ 1610 г. и, наконецъ, въ 1613 г. И любопытно, что, напримѣръ, гетманъ Жолкѣвскій, отражая въ своихъ запискахъ мнѣнія, подслушанныя имъ, конечно, въ Москвѣ, считалъ кн. Ѳ. И. Мстиславскаго самымъ законнымъ и самымъ подходящимъ кандидатомъ на московскій престолъ [1]). Если бы съ тѣмъ политическимъ вѣсомъ, какой ему сообщали память объ его отцѣ, первомъ послѣ государя лицѣ *„во всемъ господарстве Московскомъ местцомъ и боярствомъ“* [2]), и его собственное долголѣтнее предсѣдательствованіе въ Думѣ Боярской, кн. Ѳ. И. Мстиславскій соединялъ и соотвѣтствующую дозу политическаго честолюбія, то, безъ сомнѣнія, Москва увидала бы его на престолѣ. Такъ первосовѣтникъ Думы Боярской, благодаря высокой авторитетности своего положенія въ государствѣ, превращался въ крупную политическую фигуру, какъ бы мало ни отвѣчали этому его личные рессурсы.

Представленныя мною наблюденія надъ ролью и значеніемъ первосовѣтниковъ Думы Боярской въ правительственномъ аппаратѣ и политической жизни Московскаго государства не претендуетъ, конечно, на всестороннее исчерпаніе затронутой мною темы. По условіямъ моей работы я не былъ въ состояніи использовать всѣ тѣ источники, которые могли бы послужить для болѣе полнаго и насыщеннаго жизненными красками освѣщенія ея. Но все же думается, что и тѣ данныя, которыя были извлечены мною изъ доступныхъ мнѣ матеріаловъ, достаточно оттѣняютъ своеобразіе положенія первосовѣтника Думы Боярской и позволяютъ дополнить наши свѣдѣнія о государственномъ строѣ Московской Руси новой деталью, не лишенной значенія и интереса.

Е. Максимовичъ.

---

[1]) „Pisma Stanislava Żolkiewskego“. Lwow. 1861., стр. 67-68.
[2]) С. И. Р. И. Об., т. 137, стр. 575.

Князь А. А. Щербатовъ.

Положеніе объ общественномъ управленіи города Москвы 20 марта 1862 г. опредѣляетъ собой промежуточный періодъ въ исторіи Московскаго городского общественнаго самоуправленія. Это положеніе заканчиваетъ долгій періодъ, тянувшійся для Москвы съ 1799 г. (годъ изданія „Устава столичнаго города Москвы"), когда городское устройство Москвы не имѣло на дѣлѣ никакихъ признаковъ общественнаго управленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ Положеніе 62 года начинаетъ собой новый періодъ въ исторіи русскихъ городовъ, въ которомъ права и обязанности городовъ, положеніе ихъ среди органовъ государственной власти послѣдовательно опредѣлились Городовымъ Положеніемъ 1870 г., Городовымъ Положеніемъ 1892 г. и, наконецъ, просуществовавшимъ невступно 5 мѣсяцевъ Городовымъ Положеніемъ 1917 г. Періодъ почти въ полстолѣтія.

Этотъ промежуточный періодъ отъ 20 марта 1862 г. по 16 іюня 1870 г. совпалъ съ эпохой преобразованій Александра II и былъ знаменательнымъ въ жизни городского самоуправленія Москвы. Онъ отразилъ на себѣ радостный подъемъ эпохи преобразованій, вызвалъ къ дѣятельности творческія силы русскаго общества, былъ овѣянъ духомъ эпохи. Въ этотъ періодъ создавалось то „городское общество", представляемое Общей Думой, которое на общемъ дѣлѣ объединяло еще вчера замкнутыя и не соприкасавшіяся между собой сословія. Б. Н. Чичеринъ назвалъ этотъ періодъ „золотымъ вѣкомъ" городского управленія Москвы.

Что представляли собой городскія управленія въ дореформенное время? Что было въ городахъ послѣ бурмистровой палаты 1699 г., послѣ магистратовъ и ратушъ, послѣ Екатерининскаго „всесословнаго общества градскаго" съ Общей Думой и Шестигласной Думой, послѣ Городского Правленія или Ратгауза Павла I, подчиненнаго „Комиссіи о снабженіи резиденціи припасами, распорядкомъ квартиръ и прочихъ частей до полиціи относящихся", наконецъ, что было послѣ того, какъ Александръ I отмѣнилъ Ратгаузы и повелѣлъ считать Городовое Положеніе Екатерины „непреложнымъ и неприкосновеннымъ"?

Министерство Внутреннихъ Дѣлъ въ теченіе XIX столѣтія нѣсколько разъ производило обслѣдованіе русскихъ городовъ: въ 1825 году, въ сороковыхъ годахъ, въ 1852 и 1867 г. г. Эти

обслѣдованія, произведенныя въ разное время, дали въ сущности одну и ту же картину. По словамъ А. А. Корнилова, это была „картина затхлой, неподвижной и какъ бы остановившейся въ своемъ развитіи городской жизни“. По закону, возстановленному Александромъ I, всѣ городскія сословія, а ихъ было шесть, должны были выбирать Общую Думу, а эта послѣдняя должна была выбрать свой исполнительный органъ — Шестигласную Думу, на которой и лежало завѣдываніе городскимъ хозяйствомъ. Такъ было по закону. На дѣлѣ же было совершенно иначе. Министерство Внутреннихъ Дѣлъ ревизіей 40-хъ годовъ констатировало, что даже въ Москвѣ вовсе не было Общей Думы съ самаго начала XIX столѣтія. Московскій городской голова А. А. Мазуринъ еще въ 1828 г. возбудилъ вопросъ о необходимости возобновленія Общей Думы. Даже въ столицахъ городскія учрежденія существовали только на бумагѣ. Ни въ С.-Петербургѣ, ни въ Москвѣ не существовало, напримѣръ, „городского депутатскаго собранія“, которое должно было вести учетъ обывателей, пользующихся избирательными правами. Поэтому не было никакого порядка въ выборахъ, выборы производились случайными группами избирателей. Интереса къ общему дѣлу не было никакого. По словамъ Дитятина, при выборахъ городского головы избирателей изъ мѣщанъ являлось отъ $^1/_2{}^0/_0$ до одной десятой процента. Любопытно, что взамѣнъ учрежденій, установленныхъ въ законѣ, возникали самочинныя учрежденія, которыя существовали годами, которыми администрація пользовалась, какъ своими подсобными органами и своего рода исполнительными канцеляріями. Такъ, въ Москвѣ существовалъ непредусмотрѣнный закономъ „Домъ Московскаго Городского Общества“, какъ учрежденіе, замѣнявшее Общую Думу, невѣдомо какъ составленное и являвшееся покорнымъ исполнителемъ требованій всесильной полиціи. Традиціонно сохранялся городской голова и Шестигласная Дума. Еще при Екатеринѣ Москва просила, чтобы городскіе головы, избиравшіеся особыми собраніями вмѣстѣ съ депутатами Екатерининскихъ Комиссій для составленія новаго Уложенія 1766 г., оставались, какъ постоянная должность. (Рѣчь В. И. Герье 21 апрѣля 1885 г. въ Моск. Думѣ). Однако, ни городской голова, ни Шестигласная Дума при тѣхъ условіяхъ не могли представлять собой городского общества. Узкосословная Шестигласная Дума превратилась какъ бы въ органъ мѣстной администраціи, исполнявшій ея требованія и мало заботящійся объ интересахъ городского населенія. Въ итогѣ получилась задолженность московскаго городского управленія, истощеніе его запасныхъ средствъ и даже расточеніе на текущія надобности его неприкосновенныхъ капиталовъ.

Въ этомъ отношеніи мы находимъ интересную иллюстрацію въ № 3 Аксаковскаго „Дня“ отъ 28 октября 1861 г. Въ

статьѣ Алексѣя Козлова „Бюджетъ Москвы" на 1860 г. приведено много штриховъ, мѣтко характеризующихъ какъ состояніе средствъ города, такъ и общее положеніе городского хозяйства. Статьѣ предшествуетъ эпиграфъ, стрѣлы котораго направлены противъ гласныхъ того времени. Эпиграфъ гласитъ: „Чтобы образовалось слово, мысль, нужно къ гласнымъ присоединить согласныхъ, иначе гласные будутъ такими же безсмысленными звуками, какъ и безгласные (правило грамматики)". Въ статьѣ приведена характеристика городского хозяйства Москвы, которую даетъ Министръ Внутреннихъ Дѣлъ: „1. Городское хозяйство Московской столицы находится въ крайне неудовлетворительномъ состояніи вслѣдствіи укоренившихся, по удостовѣренію Губернскаго Комитета, съ давняго времени, по городскимъ присутственнымъ мѣстамъ, неправильныхъ и не сообразныхъ съ законами распоряженій, по всѣмъ частямъ городского управленія. 2. Городскія росписи столицы, утверждаемыя ежегодно Высочайшею властію, не были исполняемы, не смотря на неоднократныя подтвержденія о томъ; напротивъ, въ расходованіи городскихъ суммъ допускался совершенный произволъ; доходами одного года покрывались расходы другого года, истраченъ значительный городской капиталъ и вообще допущена запутанность въ городскомъ хозяйствѣ". Чтобы устранить злоупотребленія и привести къ лучшему положенію городское хозяйство, Губернскій Комитетъ находилъ лучшимъ средствомъ „приступить черезъ опытныхъ и благонадежныхъ чиновниковъ къ подробному обозрѣнію нынѣшняго общественнаго хозяйства и управленія въ Москвѣ, дабы за тѣмъ принять въ установленномъ порядкѣ мѣры къ лучшему и болѣе сообразному съ современными требованіями устройству этой части".

Таково мнѣніе администраціи о состояніи городского хозяйства Москвы и о мѣрахъ къ его улучшенію. Авторъ статьи и съ нимъ редакція еженедѣльника не соглашаются съ этой точкой зрѣнія. По ихъ мнѣнію, контроля заглаза достаточно; не смотря на контроль Губернскаго Комитета, Министерства Внутреннихъ Дѣлъ и Государственнаго Совѣта произволъ городской администраціи „укоренился съ давнихъ поръ". Для правильнаго веденія городского хозяйства, по мнѣнію автора статьи, нужно чтобы оно велось гласно, чтобы въ управленіи городскимъ хозяйствомъ участвовали выборные представители отъ всѣхъ городскихъ сословій и чѣмъ въ большемъ числѣ, тѣмъ лучше. Между тѣмъ какъ теперь оно на рукахъ представителей только одного купеческаго сословія.

По этому поводу редакція „Дня" замѣчаетъ: „этотъ вопросъ уже имѣется ввиду; въ Петербургѣ устроена Общая Дума и мы слышали, что нѣчто подобное будетъ устроено и для Москвы". Эта замѣтка сдѣлана за годъ до введенія Положенія 1862. г.

Въ приведенной статьѣ съ полной опредѣленностью выражены двѣ точки зрѣнія, два пониманія задачи и способовъ ея разрѣшенія. Въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, какъ своеобразно обѣ точки зрѣнія нашли свое примѣненіе при введеніи въ Москвѣ Положенія 62 г.

Почему такъ обстояло дѣло? Почему въ тѣ времена не пробуждался общественный интересъ и общественное сознаніе? Почему въ тѣ сравнительно недавнія времена въ области городского дѣла была безплодная пустыня? На эти вопросы уже неоднократно давались отвѣты. „Весь дореформенный укладъ жизни, построенный на крѣпостническомъ и сословномъ фундаментѣ, исключалъ всякую общественную, т. е. безсословную дѣятельность на поприщѣ общегражданскомъ" (Джаншіевъ). Полное отсутствіе самостоятельности и независимости органовъ городского управленія. Всевластіе полиціи и администраціи, распространявшей свое вліяніе на всѣ отрасли управленія. Поглощеніе иногда большей части городского бюджета расходами на общегосударственныя надобности, на содержаніе полиціи, административныхъ мѣстъ, на издержки по воинской части. Мѣстные органы дѣлали главнымъ образомъ „казенное дѣло". На мѣстные нужды оставались „крохи". Къ тому же всякое постановленіе городского управленія требовало утвержденія власти, вплоть до продажи навоза городскихъ пожарныхъ лошадей, стоимостью не болѣе 50 р. На сдачу въ аренду городской земли въ Москвѣ нужно было испросить разрѣшеніе центральной власти.

Въ 1860 г. изъ бюджета гор. Москвы (нѣсколько болѣе 1 мил. р.) больше половины доходовъ шло на покрытіе расходовъ по содержанію полиціи и расквартированію войскъ. На благоустройство города, на нужды его населенія шло немного болѣе 7% всего бюджета, а на дѣло просвѣщенія — всего 1,25%. Такъ было въ Москвѣ, а въ провинціи иногда $^2/_3$ всего бюджета, а бывали случаи, когда и весь бюджетъ шелъ на покрытіе, такъ называемыхъ, обязательныхъ расходовъ. Не мудрено, что при этихъ условіяхъ интересъ къ городскимъ дѣламъ былъ невеликъ.

Въ № 18 Аксаковскаго „Дня", отъ 10 февраля 1862 г., приводится характерная картинка изъ жизни городскихъ управленій провинціи.

Ярославскій городской голова жалуется начальству на ярославское городское общество, которое, несмотря на неоднократные призывы его, вовсе не является на собранія для совѣщанія по общественнымъ дѣламъ и для составленія общественныхъ приговоровъ. Мѣстное губернское начальство публикуетъ

объ этомъ въ Губернскихъ Вѣдомостяхъ и предписываетъ обществу являться на общественныя сходки и совѣщаться о своихъ пользахъ подъ страхомъ денежной пени или иныхъ въ законѣ указанныхъ взысканій.

Угличане просили возложить обязанности городского головы на городничаго, а ихъ отъ убыточной и разорительной службы избавить. Къ такому рѣшенію угличане пришли послѣ того, какъ ихъ постановленіе о сооруженіи лампады при ракѣ царевича Димитрія въ Московскомъ Архангельскомъ соборѣ, утвержденное въ свое время начальствомъ, было отмѣнено черезъ нѣсколько лѣтъ пріѣхавшимъ изъ Петербурга ревизоромъ.

Въ гор. Мологѣ, наряду съ Думой официіальной, въ составѣ тѣхъ же лицъ существовала Дума неофиціальная. Дума официіальная имѣла скудныя средства, не превышавшія 4 т. р., тогда какъ неофиціальная Дума имѣла капиталъ въ 50 т. р., который шелъ на благоустройство города, только внѣ воздѣйствія начальства. Первая Дума влачила жалкое существованіе. А вторая успѣшно заботилась о нуждахъ города и его благоустройствѣ. Такое двоевластіе длилось шестьдесятъ лѣтъ, съ 1786 по 1847 г., когда городской голова отказался передать губернскому начальству отчетъ о капиталѣ, собранномъ въ порядкѣ § 42 Екатерининскаго Город. Полож. и былъ удаленъ отъ должности, а на капиталъ было наложено запрещеніе. Благоустройство города замерло. Правда губернскаго начальства восторжествовала.

Этихъ примѣровъ достаточно, а ихъ можно было бы извлечь безъ конца въ обслѣдованіи городовъ, чтобы понять, откуда происходило равнодушіе городского населенія къ своимъ дѣламъ, надъ которыми тяготѣла тяжелая рука административной опеки. Отсюда и та затхлость и застой, о которомъ сказано выше.

Знаменательно, однако, что лишь только къ городамъ обратились съ вопросомъ, что нужно для того, чтобы улучшить городское хозяйство, они безъ сговора отвѣтили, что для оживленія городского дѣла необходимо дать имъ самостоятельность, освободить ихъ отъ парализующаго гнета губернаторовъ, губернскихъ правленій и мѣстнаго полицейскаго начальства. Сверхъ того, указывали города, необходимо уравненіе сословныхъ правъ.

Нужно замѣтить, что съ давнихъ поръ создалось нѣчто вродѣ традиціи, согласно которой городское дѣло считалось несоотвѣтствущимъ достоинству дворянскаго сословія. Это дѣло купцовъ — имъ и заниматься городскимъ дѣломъ. Московское дворянство считало неумѣстнымъ участіе дворянъ въ городскомъ управленіи въ виду „естественнаго права разсуждать о коммерціи купцамъ, о помѣстьяхъ помѣщикамъ". Бутурлинъ полагалъ унизительнымъ для дворянства „смѣшеніе сословій", считая его „просто несообразнымъ съ монархическимъ бытомъ

нашего государства". Въ екатерининскія времена отъ городской службы освобождались дворяне, „ради своего достоинства", военные и гражданскіе чины. Такой взглядъ на городское дѣло держался долго и дворяне не участвовали въ городскихъ управленіяхъ. Эта своеобразная традиція оказалась, однако, разрушенной реальными жизненными интересами. Въ 1832 г. петербургское дворянство добивалось участія въ Городской Думѣ „для наблюденія за оброчными статьями и вообще за всѣми доходами и расходами города". Въ концѣ 50-хъ годовъ московское дворянство ходатайствовало о дозволеніи московскимъ домовладѣльцамъ изъ дворянъ принимать участіе въ городскомъ управленіи и о распространеніи на Москву Городового Положенія С.-Петербурга 1846 г.

А что представляла собой „барская Москва" того времени, мы знаемъ изъ московской комедіи „Горе отъ ума" и изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ современниковъ. Батюшковъ, Вигель, Печеринъ не щадятъ московскіе нравы и Москву барскую и чиновничью.

Въ письмѣ къ Панаеву Бѣлинскій такъ отзывается о москвичахъ конца 30-хъ годовъ: „Всѣ мы, москвичи, прекрасные и умные люди, но все дѣлаемъ спустя рукава. Въ насъ не достаетъ бездѣлицы — настоящаго практическаго смысла и настоящей дѣятельности. На словахъ мы герои, а чуть до дѣла! О, москвичи, москвичи!"

А Грановскій въ 1855 г. въ такихъ безпощадныхъ выраженіяхъ отзывался о „барской Москвѣ": „Съ этой Москвой барской, пошлой, тупоумной, представителемъ которой является Англійскій клубъ, съ этой апатичной, лѣнивой Москвой, которая только спросонья важничаетъ и, какъ старая баба, хвастаетъ своимъ древнимъ родомъ, своими прежними заслугами, толкуетъ по старой памяти о своемъ умственномъ превосходствѣ, нелѣпо хвастаетъ своею какой-то будто бы независимостью, которую пріобрѣла она — съ этой Москвой я не могу, не хочу и не долженъ имѣть ничего общаго... Въ Москвѣ могутъ жить только остановившіеся, самодовольные люди, отживающіе. Человѣку со свѣжими силами, съ неостывшей энергіей, съ жаждой дѣятельности въ Москвѣ дѣлать нечего. Самодовольство есть признакъ отсталости и дряхлости".

Кто были дѣятели того времени въ области городского дѣла? Въ памяти современныхъ поколѣній сохранилось мало именъ и лицъ того не столь отдаленнаго времени.

У Максимова („Крылатыя слова") мы находимъ интересную страничку, касающуюся городскихъ головъ на Москвѣ. Своимъ своеобразнымъ языкомъ Максимовъ разсказываетъ, что

нравы и обычаи первой половины прошлаго вѣка требовали, чтобы въ городскихъ головахъ на Москвѣ сидѣлъ такой, который былъ бы всѣмъ пріятенъ и всему потрафлялъ, а если онъ, сверхъ того, богатъ, тароватъ и хлѣбосоленъ, то еще того лучше. „Противъ такихъ сговаривались цѣлымъ обществомъ и, если они сами не напрашивались, то ихъ выбирали заочно и потомъ кланялись и неотступно упрашивали. Особенно важныхъ требованій, какъ къ хозяину такого огромнаго и богатаго города, тогда не предъявлялось, ни образованія, ни убѣжденій, ни особенной силы воли и характера вовсе не требовалось. Производились и самые выборы на добрую половину въ шутку". Но вотъ, однажды, случилось такъ, что выбрали такого голову, который вызвалъ общее недоумѣніе, настолько онъ оказался необычнымъ. Выбрали головою Шестова. Онъ сталъ доходить до самаго мелкаго дѣла, „не жалѣя своей головы". Сталъ онъ доходить, напримѣръ, до того, кто пожарныхъ лошадей кормитъ, почемъ для нихъ покупаютъ овесъ и сѣно. „И когда дознался до старыхъ цѣнъ, объявилъ наново, что самъ будетъ кормить, по прямому закону, съ вольныхъ цѣнъ, какая установится на торгахъ". Докопался такимъ же путемъ и до фонарнаго масла, которое покупалось вмѣстѣ съ овсомъ, и до другихъ статей городского расхода, которыя шли особнякомъ. Шелъ онъ просто, все по дорогѣ, просто и доходилъ и все прямо, не жалѣя себя, и словно не вѣдая того, что на дорогѣ стояло самое ненастное время... Въ это время на Москвѣ хозяйничала „голая, какъ пузырь, голова гр. Закревскаго". Онъ топалъ, кричалъ, угрожалъ и исполнялъ угрозы. Шестовъ не замѣчалъ, да и не хотѣлъ слышать и видѣть, что противъ него собираются враги и предпринимаютъ воинственный походъ. На городскую казну смотрѣлъ онъ купеческимъ окомъ и сторожилъ и умножалъ ее такъ, что когда къ концу года стали ее считать, то вышло дивное дѣло, неслыханное событіе: возросла казна до большихъ размѣровъ отъ скопленія и сбереженія, отъ умѣлаго и умнаго хозяйства. Самъ Шестовъ вошелъ въ большую цѣну и славу и имя его стало извѣстнымъ даже малымъ ребятамъ. Даже старая московская пословица о правдѣ, ушедшей къ Петру и Павлу, и о кривдѣ, пошедшей по землѣ, была передѣлана и выговаривалась такъ: „пришла къ намъ правда не отъ Петра и Павла, а отъ Воскресенья въ Кадашахъ и стала матушка въ барышахъ". Въ Кадашахъ, у Воскресенья, жилъ голова московскій Шестовъ. Въ 50-хъ годахъ только и говорили, что о подвигахъ этого Шестова.

Знаемъ, что тотъ же гр. Закревскій возмутительно грубо обошелся съ только что избраннымъ въ 1849 г. городскимъ головой Клавдіемъ Афанасьевичемъ Кирьяковымъ, который послѣ выходки Закревскаго вышелъ въ отставку. Населеніе города

стало на сторону своего избранника и при первыхъ же выборахъ въ Городскую Общую Думу въ 1862 г. избрало его первымъ по числу избирательныхъ шаровъ гласнымъ Общей Думы.

Знаемъ, что былъ случай, когда нѣкій московскій купецъ пожелалъ стать головой въ Москвѣ, онъ пожертвовалъ на угощенье 1000 р. и былъ выбранъ голосами мѣщанъ головой. Знаемъ, наконецъ, Находкина, назначеннаго маршаломъ Мюратомъ городскимъ головой Москвы въ 1812 г., Находкина, съ красной лентой черезъ плечо и съ бѣлымъ поясомъ, знаками отличія мэра. Знаемъ его смѣлое слово, сказанное Лесепсу: „Ваше Превосходительство, я какъ благородный человѣкъ, долженъ сказать Вамъ, что не намѣренъ дѣлать ничего противнаго моей вѣрѣ и моему государю". Упомянуто уже было имя Мазурина, который находилъ необходимымъ возстановленіе въ Москвѣ Общей Думы. Знаемъ городскихъ головъ Еф. Ф. Гучкова (1859), М. Л. Королева. Можно встрѣтить въ мемуарной литературѣ и другія имена. Но все это были бы лишь слабыя тѣни прошлаго... суроваго и безправнаго.

20 марта 1862 г. было опубликовано „Высочайше утвержденное Положеніе объ общественномъ управленіи города Москвы". Это было петербургское Положеніе 1846 г. съ небольшими измѣненіями и дополненіями, примѣнительно, какъ говорилось въ Положеніи, къ мѣстнымъ потребностямъ Москвы. Это не была реформа. Это было ея преддверіе. Старый законъ былъ распространенъ на Москву въ эпоху реформъ. И что же! Общее высокое настроеніе эпохи овѣяло старый, слегка подновленный законъ, и сообщило ему живую душу.

Одновременно съ этимъ было опубликовано Высочайшее повелѣніе „безотлагательно приступить къ улучшенію общественнаго управленія во всѣхъ городахъ имперіи". Такимъ образомъ, послѣ освобожденія крестьянъ было положено начало измѣненія въ управленіи городовъ.

Касающееся Москвы Высочайше утвержденное Положеніе гласило: „Въ видахъ лучшаго устройства общественнаго управленія города Москвы и отвращенія вкравшихся въ оное со времени изданія въ 1785 году Городового Положенія безпорядковъ и разныхъ отъ силы и истиннаго разума сего постановленія отступленій, составлено въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ новое объ общественномъ управленіи города Москвы положеніе, основанное на тѣхъ же главныхъ началахъ, которыя приняты были въ изданномъ 13 февраля 1846 года Положеніи объ общественномъ управленіи города С.-Петербурга, съ примѣненіемъ оныхъ къ мѣстнымъ обстоятельствамъ и потребностямъ Московской столицы".

Такимъ образомъ, это было Положеніе „для устраненія безпорядковъ и разныхъ отступленій отъ истинной силы и

разума" почти 100 лѣтъ назадъ изданнаго Екатериной Городового Положенія. Это было примѣненіе къ мѣстнымъ нуждамъ Москвы устарѣвшихъ петербургскихъ правилъ 1846 г., которыя въ это же время подвергались пересмотру и коренному измѣненію. Но это было въ то же время исполненіе ходатайства московскаго дворянства и несомнѣнный шагъ впередъ.

Въ статьѣ И. А. Лебедева въ Извѣстіяхъ Московской Городской Думы отъ апрѣля 1913 г. „Къ пятидесятилѣтію Московскаго Городского Управленія" приведенъ отзывъ извѣстнаго стараго москвича Н. А. Найденова объ этомъ Положеніи. „Шестидесятые годы прошлаго столѣтія — время крупныхъ преобразованій во внутреннемъ строѣ Россіи, время, относиться къ которому должно не иначе, какъ съ высшимъ благоговѣніемъ... 20 марта 1862 г. было утверждено новое положеніе объ общественномъ управленіи Москвы, давшее какъ городскому обществу, такъ и отдѣльнымъ городскимъ сословіямъ совершенно иное противъ прежняго устройство и расширившее самый кругъ ихъ дѣятельности... Появленіе его, послѣ существовавшаго дотолѣ порядка, вызвало новый интересъ въ средѣ общества; во всѣхъ слояхъ его явилось стремленіе приложить трудъ свой къ дѣлу общественному. Интересъ этотъ былъ естественнымъ и потому, что это совпадало со временемъ начавшихся преобразованій въ различныхъ другихъ отрасляхъ внутренняго устройства, послѣ многолѣтняго неподвижнаго существованія устарѣвшаго направленія". И дѣйствительно, интересъ проявился полный. Общество живо отозвалось на предоставленную возможность работать для общаго дѣла. Московскія Вѣдомости дали на своихъ страницахъ мѣсто спеціальному отдѣлу по городскимъ выборамъ. Аксаковъ въ своемъ „Днѣ" неоднократно касался вопросовъ, связанныхъ съ городскими дѣлами, усиленно подчеркивая идею соединенія сословій и новой роли дворянства послѣ отмѣны крѣпостного права.

Положеніе объ общественномъ управленіи города Москвы 1862 г. было повтореніемъ Положенія 1846 г. для Петербурга съ нѣкоторыми измѣненіями. Измѣненія эти сводились въ основныхъ чертахъ къ слѣдующему: въ Петербургѣ было гласныхъ 250, въ Москвѣ — 175. Въ Петербургск. гор. головы избирался изъ „почетнѣйшихъ лицъ отъ сословій — дворянскаго, почетн. гражданъ или купцовъ первой гильдіи". Въ Москвѣ — гор. голова могъ быть избираемъ изъ лицъ всѣхъ сословій. Городской голова долженъ былъ обладать имущественнымъ цензомъ стоимостью не ниже 15.000 руб. и имѣть не менѣе 30 лѣтъ.

По Положенію — „гор. голова есть главный уполномоченный отъ всего городского общества, а потому на немъ главнѣйше лежитъ обязанность заботиться о нуждахъ и пользахъ общественныхъ". Общая Дума представляетъ собой городское

общество и дѣйствуетъ его именемъ во всѣхъ случаяхъ, когда законъ того требуетъ. Общая Дума собирается два раза въ годъ. Всѣ дѣла рѣшаетъ Распорядительная Дума, въ которой предсѣдательствуетъ гор. голова, но предсѣдательствовать можетъ и гражданскій губернаторъ, когда признаетъ это необходимымъ".

Однако, Дума созывалась гор. головой безъ предварительнаго разрѣшенія губернатора. Изъ Распорядительной Думы былъ устраненъ *коронный чиновникъ*. Гор. Управленіе *получило нѣкоторую самостоятельность.*

Хотя строй оставался строго сословный, однако, привилегированное положеніе дворянъ и купцовъ въ Распорядительной Думѣ было умалено. Въ Городск. Управленіе были допущены крестьяне-домовладѣльцы.

Въ Москвѣ 5 сословій выбирали на 3 года по 100 выборныхъ. Выборные отъ каждаго сословія выбирали по 35 гласныхъ на 3 года. Тѣ же выборные избирали 5 сословныхъ старшинъ и гор. гол. на 4 года. Распорядительная Дума составлялась изъ 10 членовъ, по два отъ каждаго сословія.

Число избирателей по Москвѣ, имѣвшихъ право голоса, опредѣлялось цифрой 13.240. (По Гор. Положенію 1870 г. это число возросло до 20.000, а по Гор. Положенію 1892 г. для Москвы оно упало до 8.000).

Это Положеніе было распространено въ послѣдующіе годы на Одессу (63 г.) и Тифлисъ (66 г.).

Заслуживаетъ вниманія, какъ вводилось въ Москвѣ новое Положеніе 62 г. Въ той же статьѣ Лебедева мы находимъ чрезвычайно любопытныя черты, лишній разъ напоминающія отношеніе власти къ мѣстнымъ общественнымъ органамъ.

Новое Положеніе вводилось съ полнымъ игнорированіемъ старыхъ, еще существовавшихъ органовъ городского управленія. Правда, городской голова Мих. Леонт. Королевъ былъ привлеченъ къ дѣлу организаціи новаго городского устройства, но наряду съ московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства и другими почетными гражданами, а именно: С. Д. Ширяевымъ, И. И. Четвериковымъ, А. А. Рябининымъ, И. В. Селивановымъ, И. М. Родзевичемъ, Н. Д. Игнатьевымъ. Эти лица составили Высочайше утвержденную Комиссію для введенія Положенія объ общественномъ управленіи гор. Москвы. Комиссія была подъ предсѣдательствомъ Московск. Военнаго Генералъ-Губернатора П. А. Тучкова.

Эта Комиссія, минуя органы городского управленія, должна была подготовить все для введенія новаго Положенія о городскомъ устройствѣ для открытія, какъ было сказано въ ея первомъ журналѣ, и устройства городскихъ присутственныхъ мѣстъ, подготовить и произвести выборы „выборныхъ", городского

головы, Шестигласной Думы и, наконецъ, гласныхъ. По окончанiи выборовъ Комиссiя должна была: „открыть городскiя присутственныя мѣста, ввести каждое мѣсто въ опредѣленный ему кругъ дѣйствiй, опредѣлить и ввести въ каждомъ мѣстѣ внутреннiй порядокъ дѣлопроизводства и для того подвергнуть ближайшему наблюденiю ходъ дѣлъ каждаго мѣста, наконецъ, заняться устройствомъ канцелярiи каждаго учрежденiя впредь до изданiя штатовъ".

Комиссiя хотѣла все предвидѣть, все предусмотрѣть, все направить. Она усердно создавала инструкцiи по нѣскольку сотъ статей въ каждой. Канцелярская регламентацiя новаго устройства была цѣлью Комиссiи. Это такъ не отвѣчало настроенiю сословiй, которыя стремились къ новому не бумажному дѣлу, въ которомъ видѣли общественныя задачи. Тѣмъ интереснѣе и знаменательнѣе заслуги городскихъ общественныхъ дѣятелей того времени, сумѣвшихъ одухотворить канцелярскую работу, созданную Комиссiей, влить въ нее содержанiе, о которомъ Комиссiя и не помышляла.

А Комиссiя, дѣйствительно, готовила *все* самымъ тщательнымъ образомъ. Кромѣ труднаго дѣла составленiя избирательныхъ списковъ, подготовки „обрядовъ производства выборовъ" и проведенiя самихъ выборовъ, Комиссiя выработала, а Военный Генералъ-Губернаторъ подписомъ своимъ утвердилъ образецъ будущей разносной книги, утвердила штаты, указала даже предметы обзаведенiя: 12 креселъ, 192 стула для гласныхъ, 70 чернильницъ съ песочницами для засыпки пескомъ написаннаго. Комиссiя, помимо органовъ городского управленiя, по порученiю Генералъ-Губернатора, присмотрѣла помѣщенiе для Общей и Распорядительной Думы, признала его подходящимъ и *предложила* Городской Думѣ заключить контрактъ съ уполномоченнымъ гр. Шереметева д. с. с. К. Ф. Фонъ-Вендрихомъ съ 1 января 1863 г. на 6 лѣтъ съ платою по 4.000 р. серебромъ въ годъ. Думѣ было указано, на какой источникъ должна быть отнесена уплата наемной суммы для утвержденiя росписи. Такъ нанятъ былъ для новой Думы домъ графа Шереметева на Воздвиженкѣ, гдѣ Дума просуществовала почти 30 л. Замѣтивъ, что архивъ городского управленiя въ безпорядкѣ, Комиссiя приказала разобрать оный, а для „видимости успѣха исполненiя сего" вмѣнила въ обязанность представлять ей двухнедѣльные отчеты.

Такъ Выс. утвержденная Комиссiя готовила новое городское устройство и расправлялась со старымъ.

Выборы „выборныхъ" производились по сословiямъ въ разныхъ избирательныхъ собранiяхъ. Такихъ собранiй было пять.

Собранія: 1) дворянъ, 2) личныхъ дворянъ, почетныхъ гражданъ, въ гильдію не записанныхъ, иностранцевъ и другихъ лицъ, не принадлежащихъ къ купечеству и городскимъ податнымъ сословіямъ; сюда входило духовенство и крестьяне-домовладѣльцы, 3) почетныхъ гражданъ, въ гильдію записанныхъ, и купцовъ, 4) мѣщанъ, 5) ремесленниковъ.

Дружнѣе всего прошли выборы у купцовъ. Цѣлыхъ семь собраній заняли выборы дворянъ. Процедура выборовъ была мучительна. Баллотировали сразу лишь небольшое число лицъ. Выборы тянулись съ 10 часовъ утра до 5-9 часовъ вечера, при чемъ двери запирались. Уходить можно было только съ разрѣшенія предсѣдателя. Выборы въ купеческомъ собраніи по замоскорѣчью ознаменовались происшествіемъ. Участокъ этотъ прославился криками „ура" въ буфетѣ, когда избирателей пригласили идти къ баллотировкѣ. Одного изъ столповъ купечества водили подъ руки, ибо самъ идти не могъ. Буфетъ пришлось закрыть. Петербургъ подсмѣивался надъ Москвой. Москва была сконфужена, оправдывалась: нѣсколько нетрезвыхъ не могутъ бросить тѣнь на все сословіе.

Въ составъ выборныхъ для избранія городского головы и гласныхъ, среди прочихъ, вошли: Н. Т. Аксаковъ, С. И. Баршевъ, Д. Д. Голохвастовъ, М. Н. Катковъ, Н. Я. Кетчеръ, А. И. Кошелевъ, П. М. Леонтьевъ, М. П. Погодинъ, П. Ф. Самаринъ, Гр. А. С. Уваровъ, бр. Шиповы, Д. Д. Шумахеръ, Н. М. Щепкинъ, кн. А. А. Щербатовъ... Н. М. Бостанжогло, П. П. Боткинъ, В. П. Вишняковъ, А. Н. Кирьяковъ, М. Л. Королевъ, А. И. Абрикосовъ, И. Ф. Гучковъ, С. А. Живаго, С. П. Калашниковъ, А. К. Крестовниковъ, И. А. Ляминъ, Прохоровы, Д. И. Расторгуевъ, П. М. Рябушинскій, К. Т. Солдатенковъ, Г. И. Хлудовъ, И. Ф. Челноковъ, Четвериковы, С. А. Шиловъ, В. И. Якунчиковъ... Эти имена много говорятъ москвичамъ. Въ нихъ сочетаніе коренного московскаго купечества съ представителями московской интеллигенціи. Это сочетаніе традиціонно продолжалось въ Москвѣ и въ дальнѣйшіе годы.

31 января 63 г. выборы по сословіямъ были закончены. Въ февралѣ происходили частныя совѣщанія выборныхъ. Нужно было рѣшить, кого избрать городскимъ головой. Тогда же были произведены выборы сословныхъ старшинъ и ихъ товарищей, какъ бы совѣтъ при городскомъ головѣ. Старшиной потомственныхъ дворянъ былъ избранъ кн. А. А. Щербатовъ (59-10 голосовъ).

Наступилъ важный моментъ. Кто будетъ городскимъ головой, первымъ головой городского управленія, получившаго нѣкоторыя черты самоуправленія? Задача была трудна. Сословія имѣли своихъ кандидатовъ. Московское купечество доселѣ нераздѣльно управляло городскимъ хозяйствомъ. Теперь оно

должно было считаться съ дворянствомъ, получившимъ права въ городѣ. Вопросъ о томъ, какое сословіе дастъ Москвѣ перваго всесословнаго голову, живо обсуждался въ Москвѣ. Указывалось, что было бы обидно купечеству показать свое „недостоинство" и уступить главенство вновь приходящимъ дворянамъ. Но съ другой стороны было опасно, что старые пріемы беззастѣнчиваго канцелярскаго принужденія со стороны мѣстной и центральной администраціи — могутъ остаться въ силѣ и при новомъ положеніи, если во главѣ города не будетъ поставлено „стойкое по преданіямъ сословнымъ и авторитетное по положенію лицо", съ которымъ должна была бы считаться администрація. Это казалось особенно необходимымъ при большой неопредѣленности правъ Общей Думы. Какое мнѣніе должно было пересилить, какъ можно было согласовать интересы сословныхъ группъ и самолюбія этихъ группъ, особенно дворянъ, какъ можно было преодолѣть старые пріемы выборовъ, при которыхъ мѣщане наводили страхъ на купечество, безпрекословно слѣдуя указкѣ коноводовъ... Изъ всѣхъ этихъ трудностей выходъ былъ найденъ. Предположено было устроить соединенныя собранія сословій для выясненія возможныхъ кандидатуръ. Такое собраніе состоялось между прочимъ въ домѣ К. Т. Солдатенкова. Собралось 84 выборныхъ. Дворяне назвали своими кандидатами А. И. Кошелева, А. А. Рябинина и кн. А. А. Щербатова. Купцы — М. Л. Королева, Г. И. Хлудова и И. А. Лямина. Въ этомъ собраніи была отмѣчена рѣчь купца В. И. Якунчикова — едва ли не первое удачное выступленіе съ публичной рѣчью человѣка не изъ привилегированнаго сословія, — замѣчаетъ И. А. Лебедевъ. Затѣмъ съ разрѣшенія Военнаго Генералъ-Губернатора происходило 19 февраля въ помѣщеніи будущей Общей Думы новое частное совѣщаніе. Личные дворяне указали своихъ кандидатовъ — П. П. Боткина и В. В. Пѣгова. Пробивалъ себѣ дорогу въ головы и бывшій предсѣдатель московской уголовной палаты И. В. Селивановъ, произносившій демагогическія рѣчи о безправіи, о пользѣ гласности, о необходимости, чтобы кандидаты въ головы излагали свои программы, которыя были бы „позорнымъ столбомъ, къ которому общественное мнѣніе пригвоздитъ тѣхъ, кто не сдержитъ своихъ обѣщаній".

Списокъ кандидатовъ въ городскія головы оказался довольно большимъ. Въ порядкѣ, по жребію предложенныхъ къ баллотировкѣ кандидатовъ, списокъ оказался такимъ: А. И. Кошелевъ, Г. И. Хлудовъ, С. Д. Ширяевъ, кн. А. А. Щербатовъ, М. Л. Королевъ, В. В. Пѣговъ, Д. И. Шиповъ, В. И. Якунчиковъ, И. А. Ляминъ и К. А. Кирьяковъ. Послѣ отказовъ и новыхъ предложеній окончательный списокъ кандидатовъ къ 16 марта опредѣлился такъ: А. И. Кошелевъ, И. А. Ляминъ, И. Ф. Мамонтовъ, И. В. Селивановъ, Г. И. Хлудовъ и кн. А. А. Щербатовъ.

16 марта въ залѣ Благороднаго собранія и на хорахъ собралось до 1000 человѣкъ. Жребіемъ была опредѣлена очередь, въ которой сословія должны были подходить къ баллотировкѣ. Начать баллотировку должны были личные дворяне, за ними ремесленники и т. д. Всѣхъ голосовъ было 461. Селивановъ то заявлялъ объ отказѣ, то бралъ свое заявленіе назадъ.

Вотъ какъ Н. А. Найденовъ въ своихъ воспоминаніяхъ передаетъ эти знаменательныя минуты: „Когда былъ начатъ счетъ шаровъ, водворилась совершенная тишина. За счетомъ можно было слѣдить на хорахъ, по звуку отъ падающаго шара, бросаемаго на металлическій лотокъ". Во время счета шаровъ Г. И. Хлудова, когда считавшій произнесъ 231, т. е. когда избирательные шары перешли за половину, раздались общія рукоплесканія, повторившіяся также и при окончаніи счета. Далѣе слѣдовалъ кн. Щербатовъ. Первыя рукоплесканія раздались при счетѣ 231, затѣмъ они повторились при 279 шарѣ, когда онъ перегналъ Хлудова, далѣе при 300 и, наконецъ, при завершеніи счета".

Московскія Вѣдомости въ № 61, 19 марта 1863 г., писали: „вся Россія слѣдила за выборами со вниманіемъ"; „равно принимали въ нихъ участіе и сановникъ, украшенный звѣздами, и низменный ремесленникъ въ люстриновомъ пальто, и потомокъ боярскаго рода, идущаго отъ Рюрика, и мѣщанинъ, едва помнящій, какъ звали его дѣда"; „каждый чувствовалъ себя не купцомъ, не мѣщаниномъ, а равнымъ членомъ общественнаго цѣлаго, каждый дохнулъ глубже и шире". „Въ продолженіи 5-6 часовъ были минуты, которыя останутся памятны для принимавшихъ участіе въ этомъ скромномъ, но знаменательномъ дѣлѣ". „Когда кончилась баллотировка кн. А. А. Щербатова, всѣ столпились вокругъ баллотировальнаго стола и слѣдили за счетомъ. Вотъ цифры переступаютъ роковой предѣлъ, вотъ онѣ приближаются къ 270, 277, 8, 9, и неудержимыя восклицанія, оглушительныя рукоплесканія потрясаютъ залу. Все слилось въ одинъ гулъ... Увлеченіе было общее и сильное". „Кн. Щербатову досталась честь сдѣлаться виновникомъ одной изъ достопамятныхъ минутъ нашей общественной жизни". „Вмѣстѣ съ движеніемъ жизни не замедлитъ почувствоваться въ нашемъ народѣ присутствіе долго дремавшаго въ немъ историческаго духа".

Такъ былъ избранъ кн. Щербатовъ первымъ всесословнымъ Городскимъ Головой города Москвы. Онъ получилъ 338 избирательныхъ и 123 неизбирательныхъ голосовъ. Хлудовъ получилъ 278 избират. и 183 неизбират. Остальные получили больше неизбирательныхъ шаровъ. Селивановъ собралъ только 82 избирательныхъ голоса.

20 марта послѣдовало избраніе гласныхъ въ Общую Думу и выборы 10 членовъ Распорядительной Думы (Городская Управа).

Въ эту послѣднюю вошли: отъ дворянъ — Н. М. Строевъ и В. Н. Петровъ, отъ личныхъ дворянъ — А. А. Боккъ и А. П. Умовъ, отъ купцовъ — А. К. Крестовниковъ и В. С. Марецкій, отъ мѣщанъ — М. Н. Ананьинъ и Е. В. Ботвинскій, отъ ремесленниковъ — Н. А. Богомоловъ и Е. С. Крюковъ. Первое собраніе Общей Думы состоялось 10 апрѣля 1863 г.

Какъ случилось, что въ эту исключительную пору, въ пору великихъ реформъ, именно кн. Щербатовъ оказался избраннымъ на должность московскаго городского головы, который сталъ тогда движущей силой новыхъ общественныхъ органовъ?

На этотъ вопросъ мы находимъ, приводимый ниже, краснорѣчивый и достаточно полный отвѣтъ въ Воспоминаніяхъ Б. Н. Чичерина. Но сначала нѣсколько словъ изъ біографіи кн. Щербатова.

Кн. А. А. Щербатовъ принадлежалъ къ старинному русскому княжескому роду, происходившему отъ Рюрика, отъ князей Черниговскихъ. Среди предковъ, служившихъ воеводами, окольничими, стряпчими, стольниками, боярами, изъ которыхъ нѣкоторые до конца XVII в. прозывались Щербатой — извѣстенъ воевода Меркурій Александровичъ, Лука Осиповичъ. Константинъ Осиповичъ побѣдилъ поляковъ и сообщниковъ Стеньки Разина при с. Мурашкинѣ. Иванъ Андреевичъ былъ посланникомъ при Петрѣ II въ Испаніи, при Аннѣ Іоанновнѣ въ Константинополѣ и Лондонѣ, президентомъ Юстицъ-Коллегіи. Въ родѣ Щербатовыхъ — извѣстный исторіографъ XVIII ст. кн. Мих. Мих. Щербатовъ. Отецъ кн. А. А. Щербатова генералъ отъ инфантеріи кн. Алексѣй Григорьевичъ Щербатовъ участвовалъ въ войнѣ 1812-14 г., при чемъ одержалъ блестящую побѣду надъ французами подъ Левенбергомъ, въ 1831 г. принималъ участіе въ подавленіи польскаго возстанія и въ штурмѣ Варшавы, а съ 1844 г. занималъ постъ Московскаго Военнаго Генералъ-Губернатора, который оставилъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти, послѣдовавшей въ 1848 г. Мать А. А. Щербатова, статсъ-дама кн. Софья Степановна, урожденная Апраксина, была просвѣщенной женщиной своего времени и ревностно занималась общественной благотворительностью. Она учредила въ Москвѣ Дамское попечительство о бѣдныхъ (прообразъ будущихъ городскихъ попечительствъ о бѣдныхъ) и состояла предсѣдательницей этого попечительства болѣе 50 лѣтъ.

Кн. А. А. Щербатовъ родился въ Москвѣ 12 февраля 1829 г.*). Свое дѣтство и молодые годы онъ провелъ въ Москвѣ и родовой подмосковной Литвиновѣ Верейскаго у. Воспитывался дома подъ непосредственнымъ наблюденіемъ матери,

*) Нѣкоторыя біографическія данныя о кн. А. А. Щербатовѣ заимствованы изъ статьи Е. К—ая въ Извѣстіяхъ Моск. Гор. Думы № XXXVII.

которая привлекла къ дѣлу воспитанія лучшія педагогическія силы того времени. Въ университетъ кн. А. А. поступилъ 16 лѣтъ и здѣсь тѣсно сблизился съ кн. Черкасскимъ, братьями Чичериными и др.

Б. Н. Чичеринъ, рѣзкій и нерѣдко безпощадный въ своихъ характеристикахъ и отзывахъ о своихъ современникахъ, такъ говоритъ о кн. Щербатовѣ: „Изъ нашихъ однокурсниковъ самымъ близкимъ мнѣ пріятелемъ остался сынъ тогдашняго генералъ-губернатора, князь А. А. Щербатовъ, человѣкъ, котораго высокое благородство и практическій смыслъ впослѣдствіи оцѣнила Москва, выбравъ его первымъ своимъ городскимъ головой при введеніи всесословнаго городского управленія. Недаромъ она на немъ остановилась; она нашла въ немъ именно того человѣка, который способенъ былъ соединить вокругъ себя всѣ сословія, русскаго барина въ самомъ лучшемъ смыслѣ, безъ аристократическихъ предразсудковъ, съ либеральнымъ взглядомъ, съ высокими понятіями о чести, неуклоннаго прямодушія, способнаго понять и направить практическое дѣло, обходительнаго и ласковаго со всѣми, но тонко понимающаго людей и умѣющаго съ ними обращаться. Знающіе его близко могутъ оцѣнить и удивительную горячность его сердца, въ особенности рѣдкую участливость ко всему, что касается его близкихъ и друзей. Его дружба — твердыня, на которую можно опереться. Когда мнѣ въ жизни приходилось рѣшать какой-нибудь практическій вопросъ, особенно требующій нравственной оцѣнки, я ни къ кому не обращался за совѣтомъ съ такимъ довѣріемъ, какъ къ Щербатову“ (стр. 53 Воспоминаній).

По окончаніи университета кн. А. А. поступилъ на военную службу въ кирасирскій полкъ. Во время войны 1854 - 55 г. былъ адьютантомъ кн. Горчакова, участвовалъ въ штурмѣ Силистріи, а также успѣшно выполнилъ важное порученіе въ Севастополь, куда былъ посланъ гонцомъ въ самый моментъ начала осады. Позднѣе онъ служилъ въ Варшавѣ. Тамъ онъ женился на Маріи Павловнѣ Мухановой, дочери министра народнаго просвѣщенія П. А. Муханова. Съ 1858 г. кн. А. А. поселился въ Москвѣ въ домѣ на углу Никитской и Скарятинскаго пер. Съ этого времени начинается его разнообразная общественная дѣятельность. Онъ съ жаромъ отдался работѣ въ мѣстномъ комитетѣ по крестьянской реформѣ. Обнародованіе манифеста объ освобожденіи крестьянъ застало его уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ Верейскомъ у. Московской губерніи. Объ этомъ періодѣ жизни онъ навсегда сохранилъ отрадное воспоминаніе: „счастливъ тотъ, говорилъ онъ, кому выпало на долю пережить эту эпоху“.

Къ этому времени относится его выступленіе въ московскомъ дворянскомъ собраніи, сразу выдвинувшее его въ первые

ряды общественныхъ дѣятелей того времени. Б. Н. Чичеринъ такъ говоритъ объ этомъ выступленіи (Восп. Моск. Унив. стр. 67).

„Освобожденіемъ крестьянъ дворянство было выбито изъ прежней колеи, ему приходилось уяснять себѣ, какое оно приметъ положеніе при новомъ порядкѣ вещей. Тутъ обозначилось двоякое теченіе. Съ одной стороны закоренѣлые дворяне хотѣли замкнуться въ своихъ сословныхъ привилегіяхъ. Въ связи съ этими стремленіями были и конституціонныя поползновенія. Прикрываясь мантіей либерализма, вздыхая о старыхъ порядкахъ, дворяне думали этимъ способомъ забрать власть въ свои руки и повернуть дѣло въ свою пользу. Они прямо говорили: «это единственное средство связать настоящее съ прошедшимъ». Изъ этого страннаго сочетанія крѣпостническихъ вожделѣній и конституціоннаго либерализма вышелъ представленный государю отъ московскаго дворянства адресъ, который, однако, былъ возвращенъ при рескриптѣ, объявившемъ подобныя заявленія незаконными. Представителями этихъ теченій были Н. А. Безобразовъ, Орловъ-Давыдовъ и Голохвастовъ. Истинные либералы, конечно, не могли сочувствовать подобнымъ демонстраціямъ, а люди болѣе радикальнаго направленія и вся либеральная печать высказывались за полное упраздненіе дворянства, какъ излишняго отнынѣ политическаго органа. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права дворянство должно было распуститься въ земствѣ“.

„Среднее положеніе между этими двумя теченіями принялъ мой старый университецкій товарищъ и короткій пріятель, кн. А. А. Щербатовъ, который въ то время былъ Верейскимъ уѣзднымъ предводителемъ. Я былъ свидѣтелемъ первой рѣчи, которую онъ произнесъ въ собраніи. Когда онъ всталъ, я, стоя въ публикѣ, слышалъ вокругъ себя скептическія восклицанія; но какъ только онъ началъ говорить, все собраніе было увлечено. Нѣсколько запинаясь, но съ тономъ глубокой искренности, онъ сдѣлалъ воззваніе къ стоящей выше сословныхъ интересовъ любви къ отечеству. Онъ умолялъ своихъ сочленовъ, чтобы они, не отрекаясь отъ созданнаго исторіей государственнаго положенія, не отдѣлялись отъ другихъ сословій, а протянули имъ руку для совокупной работы на общую пользу. Онъ говорилъ, что не само дворянство должно возлагать на себя вѣнецъ, а пусть на него возлагаютъ другіе, видя его ревность къ общему дѣлу и его способность быть руководителемъ общества. Взрывъ рукоплесканій встрѣтилъ эту прочувственную рѣчь. Съ этой минуты Щербатовъ пріобрѣлъ выдающееся положеніе, какъ одинъ изъ разумно-либеральныхъ дѣятелей среди московскаго дворянства. Онъ былъ выбранъ членомъ комиссіи о дворянскихъ нуждахъ; его чествовали обѣдомъ, на которомъ присутствовалъ и я“.

Въ комиссіи Щербатовъ выступилъ съ предложеніемъ о нѣкоторомъ преобразованіи дворянскаго сословія. „Съ освобожденіемъ крестьянъ, очевидно, значительная часть дворянскихъ имѣній должна была перейти въ другія руки. Ему казалось полезнымъ для дворянства, залогомъ силы и прочности его положенія — принятіе въ свою среду избранной части этихъ новыхъ землевладѣльцевъ. Въ этихъ видахъ онъ предложилъ включить въ число дворянъ всѣхъ землевладѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе пятисотъ десятинъ и окончившихъ курсъ въ университетѣ. Онъ прочелъ, говоритъ Чичеринъ, мнѣ записку, которую хотѣлъ представить комиссіи, и я ее одобрилъ, считая эту мѣру политическою, способною въ будущемъ упрочить положеніе дворянства постояннымъ пополненіемъ его лучшими земледѣльческими элементами“ (стр. 68).

Эти выступленія кн. Щербатова предшествовали его избранію городскимъ головой. Въ нихъ можетъ быть и слѣдуетъ искать главное основаніе, по которому выборъ сословій остановился на немъ. Его происхожденіе обезпечивало ему и учрежденію, которое онъ долженъ былъ возглавить, вниманіе администраціи, а его образъ мыслей и настроенія въ полной мѣрѣ гармонировали съ общимъ настроеніемъ лучшихъ людей того времени. У Чичерина находимъ слѣдующія строки по этому поводу: „Первымъ городскимъ головой огромнымъ большинствомъ выбранъ былъ Щербатовъ, который успѣлъ пріобрѣсти себѣ значительную репутацію участіемъ въ дворянскихъ совѣщаніяхъ и, въ особенности, своимъ искреннимъ стремленіемъ къ сближенію сословій. Лучшаго выбора нельзя было сдѣлать. Онъ принялся за работу со всѣмъ пыломъ своей горячей и благородной души и съ тѣмъ практическимъ смысломъ, которымъ онъ отличался. Новая городская дума сдѣлалась одушевленнымъ центромъ московской общественной жизни. Участіе было всеобщее. Симпатичная личность предсѣдателя привлекала всѣхъ, а его умѣніе ладить и примирять сглаживало всѣ столкновенія. Можно сказать, что это былъ золотой вѣкъ московскаго городского самоуправленія“ (95).

Новому городскому головѣ въ новыхъ условіяхъ нужно было съумѣть на общемъ дѣлѣ объединить разобщенные до тѣхъ поръ элементы городского общества, нужно было преодолѣть старую рутину въ веденіи городского хозяйства, пріучить и общество и администрацію къ новымъ отношеніямъ, къ работѣ новаго городского общества. Все было трудно. Но искренняя преданность дѣлу руководителя и общій подъемъ облегчали работу и помогали разрѣшить, казалось, неразрѣшимыя задачи.

Прошло три года. „Мы всѣ, говорилъ кн. Щербатовъ въ своей рѣчи гласнымъ, всѣ безъ исключенія были люди новые на томъ поприщѣ, на которое были призваны дѣйствовать.

Опыта у насъ не было и быть не могло. Этотъ опытъ, умѣніе вести общее дѣло, надо было пріобрѣсти, а между тѣмъ жизнь не ждала, общество относилось къ преобразованному управленію съ требованіями, отчасти справедливыми, отчасти преувеличенными, не взвѣсивъ иногда трудности дѣла".

Въ другой своей рѣчи 18 февраля 1869 г. кн. Щербатовъ говорилъ: „Успѣхъ въ нашемъ общественномъ начинаніи требовалъ, прежде всего, чтобы разрозненные элементы городского общества дѣйствительно сплотились въ одно цѣлое для совокупнаго служенія общему дѣлу. Мы можемъ, кажется, сказать безъ самохвальства, что эта цѣль достигнута. Существованіе сословій, выработанныхъ исторіей, отнюдь не предполагаетъ сословной розни, и установленіе между ними въ составѣ городского общества полнаго согласія и объединенія не требовало даже усилій, такъ какъ почва къ тому была подготовлена. Такое объединеніе установилось не въ ущербъ самостоятельности сословій, хозяйства которыхъ продолжали самостоятельно развиваться въ вѣдѣніи сословныхъ управленій, и моею заботой было только то, чтобы излишнимъ вмѣшательствомъ не мѣшать этому самобытному развитію. Въ рѣдкихъ случаяхъ, когда интересы сословій сталкивались съ интересами общегородскими, гарантіею для сословныхъ интересовъ представлялся всесословный составъ Общей Думы... Общая Дума имѣла въ виду общественную пользу и была чужда сословныхъ и одностороннихъ стремленій".

Это была прощальная рѣчь кн. Щербатова съ Думой. Такъ, оглядываясь назадъ, оцѣнивалъ работу Общей Думы и свою собственную работу первый всесословный городской голова. А гласный Общей Думы М. П. Погодинъ, подтверждая эту оцѣнку, говорилъ: „Общая Дума, не смотря на разнородный составъ свой, была однимъ дружнымъ, какъ бы родственнымъ обществомъ... безъ малѣйшей сословной розни, ревности, или какого либо непріязненнаго чувства. Здѣсь вѣяло какимъ-то добромъ, здѣсь носился какой-то особенный духъ, который и сообщалъ свой особенный характеръ всѣмъ происходившимъ дѣйствіямъ. Отчего же это произошло, спрашивалъ Погодинъ. Есть русская пословица, которая можетъ послужить, кажется, объясненіемъ: „каковъ попъ, таковъ и приходъ".

Эти слова въ полной мѣрѣ опредѣляли значеніе кн. Щербатова въ процессѣ сліянія сословій на общемъ дѣлѣ.

А вотъ въ какихъ словахъ исключительный авторитетъ въ вопросахъ городского дѣла той эпохи, М. П. Щепкинъ, изображалъ этотъ процессъ: „Городскія сословія, благодаря новому устройству общественныхъ учрежденій въ Москвѣ, перетирались, шлифовалось одно о другое, и въ результатѣ такой совмѣстной

работы на пользу общаго дѣла и взаимнаго подчиненія получалось и то, что московская общая дума изъ всесословнаго учрежденія совершенно незамѣтно вырабатывалась въ учрежденіе безсословное; другими словами: на глазахъ всего города совершался благотворный процессъ сліянія сословій, безъ котораго не мыслимо никакое развитіе общественнаго дѣла". (Общ. хоз. Москвы, I. I, 86).

Кн. В. М. Голицынъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Московскомъ Университетѣ 60-хъ годовъ говоритъ: „Кн. А. А. Щербатовъ шесть лѣтъ пробылъ городскимъ головой и завоевалъ себѣ общую любовь и уваженіе, вполнѣ заслуженныя тѣмъ, какъ мастерски онъ справился съ трудной задачей изъ архаическаго учрежденія сдѣлать нѣчто, отвѣчающее современнымъ требованіямъ и новымъ теченіямъ общественной жизни. Въ числѣ его заслугъ нужно отмѣтить его умѣніе слить и согласовать сословія, въ то время гораздо болѣе обособленныя, чѣмъ теперь, и сдѣлать это на почвѣ общаго городского дѣла". (Гол. Мин. 1917 г.).

Чичеринъ не безъ основанія называетъ годы Щербатова „золотымъ вѣкомъ московскаго городского общественнаго самоуправленія". Помимо созданія новаго общественнаго органа для веденія общественнаго дѣла, при немъ, его заботой и стараніями было положено начало правильному веденію городского хозяйства. Въ развившемся въ громадное общественное хозяйство городскомъ дѣлѣ нашего времени не было отрасли городского хозяйства, которое не восходило бы въ какой то степени въ своихъ начальныхъ стадіяхъ ко времени Щербатова и Общей Думы 1862 г.

По словамъ редакціоннаго замѣчанія Аксаковскаго „Дня" Москва въ отношеніи удобства сообщеній и безопасности въ началѣ 60-хъ годовъ была похожа на „уѣздный городъ въ захолустьѣ". Замѣтка горько жалуется на убогое освѣщеніе улицъ, на ужасающее состояніе мостовыхъ, на ночныхъ сторожей съ трещетками...

Съ первыхъ же шаговъ новое городское управленіе стало ставить городское хозяйство на новыхъ раціональныхъ началахъ. Были упорядочены городскіе финансы, достигнуто равновѣсіе между расходами и доходами, урегулированы денежныя отношенія между городомъ и казной, упорядочено дѣло погашенія городскихъ долговъ, произведена новая оцѣнка городскихъ недвижимыхъ имуществъ, упорядочены городскіе сборы, уничтоженъ дореформенный сборъ съ домовладѣльцевъ, называвшійся квартирнымъ сборомъ за освобожденіе отъ воинскаго постоя. Городъ получилъ въ свое завѣдываніе и управленіе городскія имущества, которыя ранѣе были въ завѣдываніи и безконтрольномъ управленіи другихъ вѣдомствъ и т. д. и т. д. Словомъ, все ожило, Городское Управленіе стало дѣйственнымъ органомъ,

сознающимъ свою жизненную силу и ставшимъ на защиту и развитіе своихъ правъ.

Особенно знаменательно постановленіе Московской Общей Думы по вопросу народнаго образованія. Приступая къ работѣ въ этой области, Общая Дума въ 1863 г., по словамъ М. П. Щепкина, „вѣрно, точно и твердо“ установила принципъ, которымъ должно руководиться въ этомъ дѣлѣ городскому общественному управленію. Принципъ этотъ былъ выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: „Нѣтъ общественной нужды, которая могла бы сравниться съ этой нуждой. Всякая другая надобность можетъ быть отклонена на время, въ виду неудовлетворительнаго положенія городскихъ доходовъ; но эта нужда — неотлагаемая“. (Общ. хоз. г. Москвы, ч. IV, в. I).

При кн. Щербатовѣ Моск. Общая Дума въ 1867 г. открыла пять собственныхъ городскихъ начальныхъ женскихъ училищъ. Это были первыя училища городского управленія. До тѣхъ поръ городъ тратилъ небольшія средства (около 16.000 р.) на пособіе приходскимъ училищамъ. Это было начало работы города въ области народнаго образованія, развившейся впослѣдствіи въ грандіозныхъ размѣрахъ.

Начало организаціи и планомѣрнаго развитія лѣчебной помощи населенію относится также къ годамъ кн. Щербатова. До него призрѣніе больныхъ находилось въ вѣдѣніи различныхъ казенныхъ учрежденій, на содержаніе которыхъ городъ долженъ былъ дѣлать обязательныя денежныя взносы. При кн. Щербатовѣ въ 1866 г. открыта была временная больница на 240 кроватей. Больница эта стала постоянной и получила впослѣдствіи наименованіе по имени кн. Щербатова. При немъ впервые было введено газовое освѣщеніе и заключенъ былъ договоръ на устройство въ Москвѣ газоваго завода. Поставленъ былъ вопросъ о постройкѣ городскихъ боенъ. Замѣнена натуральная повинность по содержанію въ исправности мостовыхъ — денежной и т. д.

Только со времени Щербатова можно считать начало правильной постановки городского хозяйства въ Москвѣ. Съ этихъ поръ нужно искать начало и зарожденіе славныхъ традицій Московской Городской Думы, традицій, поставившихъ московское городское общественное управленіе безспорно на первое мѣсто среди городовъ Россіи. Начало этихъ, окрѣпшихъ и развившихся впослѣдствіи, традицій мы видимъ уже въ годы Щербатова. Это защита правъ самоуправленія и его независимости; забота объ интересахъ не сословія, не класса, а всего населенія города; установленіе правильныхъ взаимоотношеній между исполнительнымъ и распорядительными органами городского управленія, наконецъ, умѣнье привлечь къ общему дѣлу, къ общественной работѣ высококультурныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей эпохи.

Застой и затхлость дореформеннаго времени исчезли какъ то сразу. Словно въ старомъ домѣ, по веснѣ, настежь растворили всѣ окна и двери. Новый, свѣжій воздухъ проникъ повсюду. Новый духъ овѣялъ новое учрежденіе, сдѣланное еще изъ стараго матеріала. Какъ непохожа стала Москва въ 60-хъ годахъ на то, что писалъ о ней Грановскій въ 50-хъ годахъ! Пришли новые люди и принесли съ собой энтузіазмъ, бодрость, вѣру и безпокойное желаніе дѣйствовать и творить. Лучшіе люди того времени взялись за дѣло и работа закипѣла. Среди этихъ лучшихъ людей и во главѣ ихъ оказался кн. А. А. Щербатовъ.

Онъ названъ былъ въ свое время первымъ Городскимъ Головой въ Москвѣ. Это названіе сохранилось и понынѣ, не смотря на то, что до него была цѣлая вереница городскихъ головъ (имена нѣкоторыхъ изъ нихъ были названы). Онъ первый потому, что онъ возглавилъ первую всесословную Думу, онъ первый и потому, что съ него начинается правильная постановка стремившагося освободиться отъ административной опеки городского хозяйства.

Кн. Щербатовъ пробылъ въ должности московскаго городского головы 6 лѣтъ — два полныхъ трехлѣтія (срокъ избранія Общей Думы), но своего срока не довелъ до конца. 18 февраля 1869 г. онъ подалъ въ отставку и трогательно простился съ Общей Думой. Еще раньше, въ 1866 г., Московская Дума просила кн. Щербатова во вниманіе къ его „неутомимымъ, тяжелымъ трудамъ на пользу столицы" принять званіе почетнаго гражданина столичнаго города Москвы. Въ 1867 г. выборные пяти сословій, „желая навсегда сохранить въ Москвѣ воспоминаніе о кн. Щербатовѣ, дѣятельность котораго принесла существенную пользу городу", собрали по добровольной подпискѣ капиталъ, предназначенный на содержаніе изъ процентовъ по одной стипендіи имени кн. А. А. Щербатова въ Московскомъ Университетѣ и въ Мѣщанскомъ училищѣ и по одной кровати его имени во временной больницѣ и въ Андреевской богадѣльнѣ купеческаго общества. Въ залѣ думскихъ засѣданій былъ помѣщенъ портретъ кн. Щербатова.

Оставивъ должность городского головы, кн. Щербатовъ продолжалъ оставаться гласнымъ Городской Думы до 1883 г. и продолжалъ работу въ Московскомъ Губернскомъ Земствѣ. И въ новомъ положеніи онъ не оставался бездѣятельнымъ. При его участіи была построена въ Москвѣ на Сокольничьемъ полѣ первая дѣтская больница св. Владиміра. Онъ входилъ въ составъ совѣщанія, разработавшаго положеніе о городскихъ участковыхъ попечительствахъ о бѣдныхъ. Онъ былъ первымъ предсѣдателемъ одного изъ участковыхъ попечительствъ о бѣдныхъ (I-го Прѣсненскаго).

Въ губернскомъ земствѣ въ 1874 г. кн. Щербатовъ вмѣстѣ съ Юріемъ Самаринымъ вступилъ въ ожесточенную борьбу съ кн. А. В. Мещерскимъ, губернскимъ предводителемъ дворянства, внесшимъ въ училищный совѣтъ программу полнаго переустройства въ Москвѣ и московской губерніи школьнаго дѣла. Въ основу новой программы должно было быть положено чтеніе псалтыря и катехизиса митр. Иннокентія. (Нольде. „Юрій Самаринъ и его время"). Въ 80-хъ годахъ кн. Щербатовъ, по приглашенію Правительства, принималъ участіе въ совѣщаніи свѣдущихъ людей по вопросамъ о выкупныхъ платежахъ. Особенно горячо онъ отдался дѣлу благотворительности, какъ бы продолжая въ этомъ отношеніи дѣло своей матери.

Уже глубокимъ старцемъ, опираясь на неизмѣнную палку-костыль, кн. Щербатовъ изрѣдка появлялся въ новомъ зданіи Московской Городской Думы на Воскресенской площади. Его высокая, нѣсколько грузная фигура, его благородная осанка привлекали общее вниманіе. Среди дѣловой сутолоки городского управленія появленіе кн. Щербатова съ его характерной головой и характерными чертами стараго барина — было событіемъ. Это былъ начинатель общественной организованной жизни. Это онъ помогалъ выходить наружу общественнымъ силамъ, создавалъ благопріятныя условія для обнаруженія общественной самодѣятельности. Новыя поколѣнія почтительно разступались передъ нимъ, узнавая въ немъ перваго Московскаго Городского Голову и перваго Почетнаго Гражданина города Москвы. А онъ съ большой простотой и ласковостью привѣтствовалъ эти новыя поколѣнія, пришедшія на смѣну. Радовался росту своего дѣла, которому отдалъ въ свое время столько силъ и иниціативы. Сравнивая бюджетъ города Москвы къ началу 1900 г. (около 15 милл. руб.) съ бюджетомъ въ 1 милл., который былъ принятъ имъ, когда онъ вступалъ въ должность городского головы, онъ благостно улыбался и говорилъ: вотъ какъ жизнь то идетъ! какое большое дѣло дѣлаете вы!

Прошли годы, смѣнились люди, городское дѣло Москвы совсѣмъ уже не походило на скромные размѣры его въ 60-хъ годахъ, а память о кн. Щербатовѣ, благодарная и всеобщая, сохранилась и послѣ его кончины.

Кн. Щербатовъ умеръ 5 января 1902 г. въ своемъ домѣ на Никитской улицѣ, въ которомъ прожилъ съ 1859 г. Москва воздала послѣдній долгъ своему любимому городскому головѣ и всѣмъ извѣстному благотворителю. Несмѣтныя толпы народа провожали его гробъ до Донского монастыря, гдѣ онъ былъ погребенъ.

Московская Дума рѣшила увѣковѣчить память о немъ въ трехъ областяхъ попеченія о нуждахъ городского населенія, наиболѣе привлекавшихъ его вниманіе. Въ области врачебнаго

дѣла его имя было присвоено 2-ой городской больницѣ, которая стала называться „Щербатовской“. По его имени названа обширная дѣтская амбулаторія при Владимірской дѣтской больницѣ. Въ области народнаго просвѣщенія его имя было присвоено тремъ женскимъ городскимъ начальнымъ училищамъ (Прѣсненскому 1-му, Рогожскому 1-му и Лефортовскому 1-му). Для этихъ училищъ былъ построенъ великолѣпный училищный домъ, названный Щербатовскимъ. Въ области благотворительности съ именемъ кн. Щербатова, „всегда служившаго символомъ всего добраго и хорошаго“, былъ связанъ домъ дешевыхъ квартиръ въ районѣ попечительства о бѣдныхъ, въ которомъ онъ былъ предсѣдателемъ.

Едва ли кого изъ дѣятелей городского управленія Москва почтила съ такой общей признательностью, какъ кн. А. А. Щербатова. Въ этомъ было признаніе его личныхъ качествъ и заслугъ. Его любили и помнили „за нравственное вліяніе, за вліяніе добра, за спокойное, безпристрастное, благонамѣренное, миротворное веденіе дѣла“, какъ въ свое время говорилъ Погодинъ, предлагая помѣстить портретъ кн. Щербатова въ залѣ засѣданій, „чтобы онъ служилъ... назидательнымъ напоминаніемъ для нашихъ преемниковъ, въ какомъ духѣ должны происходить русскія совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ“.

Тогда же болѣе простое признаніе было высказано другимъ гласнымъ, принадлежащимъ къ другому сословію: „Князь Щербатовъ, говорилъ этотъ гласный, оправдалъ нашу довѣренность и явилъ себя достойнымъ членомъ семейства, для насъ, москвичей, дорогого. Мы помнимъ его отца, который долговременную почетную службу отечеству заключилъ начальствомъ въ Москвѣ; мы знаемъ его мать, которая до сихъ поръ разливаетъ вокругъ себя добро... Засвидѣтельствуемъ же всѣми нашими пятью сороками нашу искреннюю, совершенную признательность первому, по новому уставу, Городскому Головѣ, кн. А. А. Щербатову“.

Такъ современники воздали дань собирателю сословій и обращавшему всесословную Думу въ безсословную.

Но не только личное достоинство и благородныя качества кн. А. А. Щербатова снискали признаніе и признательность Москвы и москвичей. Тутъ было признаніе его благотворнаго участія въ эпохѣ, съ которой у русскихъ людей связаны самыя дорогія и свѣтлыя воспоминанія. Эту эпоху, „какъ первую любовь“, Москва и москвичи никогда не забывали.

Н. Астровъ.

Отчетъ

о дѣятельности Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ за время съ 7-го апрѣля 1927 года по 28-ое апрѣля 1930 года.

Русское Историческое Общество въ Прагѣ возникло 7-го апрѣля 1925 года. Отчетъ о его дѣятельности за первые два года существованія былъ помѣщенъ въ 1-й книгѣ Записокъ Русскаго Историческаго Общества, вышедшей въ Прагѣ въ концѣ 1927 года. Въ настоящей, 2-й, книгѣ Записокъ Правленіе Общества печатаетъ отчетъ о дѣятельности Общества за три послѣдующіе года его существованія.

Къ началу отчетнаго трехлѣтняго періода въ спискахъ Об-ва состояло: 1 почетный членъ, 55 дѣйствительныхъ членовъ и 5 сотрудниковъ. Къ концу того же періода — почетныхъ членовъ 1, дѣйствительныхъ 54 и 4 сотрудника. За истекшій періодъ Общество понесло утрату въ лицѣ скончавшихся дѣйствительныхъ членовъ проф. К. Кадлеца и А. В. Попова.

Слѣдуетъ отмѣтить, что Общество объединяетъ не только историковъ, живущихъ въ предѣлахъ Чехословакіи, но въ составъ его входятъ и ученые, проживающіе въ другихъ странахъ, какъ то во Франціи (5), Германіи (1), Югославіи (5), Болгаріи (2), Соед. Штатахъ Сѣв. Америки (1).

Средства Общества составлялись изъ установленныхъ членскихъ взносовъ и изъ выручки за продажу изданій Общества. Кромѣ того сумму, обезпечивающую изданіе 2-й книги Записокъ, Общество получило отъ Славянскаго Института въ Прагѣ. Необходимо отмѣтить также помощь Обществу со стороны Русскаго Народнаго Университета въ Прагѣ и Русскаго Очага, предоставлявшихъ безплатно или за небольшую плату свои помѣщенія для научныхъ засѣданій и общихъ собраній Общества.

Въ истекшій трехлѣтній періодъ Об-во продолжало вести работу въ направленіи, приданномъ ему учредителями, а именно: устраивало научныя засѣданія, отмѣчало спеціальными собраніями нѣкоторыя историческія даты и событія, посвящало засѣданія памяти скончавшихся выдающихся русскихъ дѣятелей науки и делегировало своихъ представителей для участія въ международныхъ съѣздахъ и конференціяхъ.

За отчетные три года Общество имѣло 45 научныхъ засѣданій, на которыхъ было заслушано и обсуждено 72 доклада и выслушано 9 рѣчей. Приводимъ списокъ докладовъ и рѣчей въ хронологическій послѣдовательности.

1927-1928.

1. Докладъ *И. И. Лапшина* „О мифологическомъ творчествѣ въ исторіи философіи" — 11 апр. 1927 г.

2. Докладъ *Е. Ф. Шмурло* „Архивъ пропаганды фидэ, какъ источникъ по русской исторіи" — тогда же.

3. Рѣчь *Е. Ф. Шмурло,* посвященная общей характеристикѣ русско-турецкой войны 1877-78 г. г. — 3 мая 1927 г.

4. Докладъ *Е. Ф. Максимовича* „Международное положеніе ко времени начала русско-турецкой войны 1877-78 г. г." — тогда же.

5. Докладъ *Е. В. Спекторскаго* „Объ отношеніи къ восточному вопросу западнаго общественнаго мнѣнія" — тогда же.

6. Докладъ *М. А. Иностранцева* „Объ отношеніи политики къ стратегіи и стратегіи къ тактикѣ въ русско-турецкую войну 1877-78 г. г." — тогда же.

7. Докладъ *А. В. Флоровскаго* „Объ общественномъ движеніи въ Россіи въ эпоху освободительной войны" — тогда же.

8-10. Доклады *Г. В. Вернадскаго, М. А. Андреевой* и *А. П. Калитинскаго* о 2-мъ Международномъ Съѣздѣ Византинистовъ въ Бѣлградѣ — 9 мая 1927 г.

11. Докладъ *В. В. Саханева* „Академія исторіи матеріальной культуры, ея организація и труды" — 23 мая 1927 г.

12. Докладъ *Д. И. Чижевскаго* „Тютчевъ и нѣмецкая романтика" — тогда же.

13. Докладъ *А. А. Кизеветтера* „Карамзинъ, какъ двигатель русской культуры" — 7 іюня 1927 г.

14. Докладъ *Н. С. Жекулина* „Практическія начала политической экономіи Пестеля" — тогда же.

15. Докладъ *А. А. Кизеветтера* „О новыхъ трудахъ по исторіи крѣпостного хозяйства" — 17 окт. 1927 г.

16. Докладъ *В. В. Саханева* „Къ вопросу о происхожденіи сюжетныхъ и орнаментальныхъ мотивовъ въ русскомъ народномъ искусствѣ" — тогда же.

17. Докладъ *А. В. Флоровскаго* „О конференціи историковъ Восточной Европы и славянскаго міра въ Варшавѣ" — 2 ноября 1927 г.

18. Докладъ *М. В. Шахматова* „Государственный уставъ Московской Руси" — тогда же.

19. Докладъ *Е. А. Ляцкаго* „Къ вопросу о происхожденіи и строеніи Слова о Полку Игореви" — 21 ноября 1927 г.

20. Докладъ *Д. И. Чижевскаго* „Шиллеръ и братья Карамазовы Достоевскаго (изъ исторіи русскаго шиллеріанства)" — 12 декабря 1927 г.

21. Докладъ *Е. Ф. Шмурло* „Самозванный сынъ царя Василія Ивановича Шуйскаго" — тогда же.

22. Докладъ *А. В. Флоровскаго* „Русская историческая наука въ эмиграціи въ 1921-1926 г. г.“ — 16 января 1928 г.

23. Докладъ *В. В. Саханева* „Одинъ изъ узоровъ народныхъ русскихъ вышивокъ“ — тогда же.

24. Докладъ *Е. Ф. Максимовича* „Кн. С. П. Трубецкой въ подготовкѣ къ возстанію 14 декабря“ — 30 января 1928 г.

25. Докладъ *Б. А. Евреинова* „Записка псковскаго губернатора Обухова“ — 13 февраля 1928 г.

26. Докладъ *М. А. Андреевой* „Уровень образованія при византійскомъ дворѣ въ XIII вѣкѣ“ — тогда же.

27. Докладъ *Н. Л. Окунева* „Новый памятникъ византійской живописи XII вѣка“ — 27 февраля 1928 г.

28. Докладъ *Ю. А. Яворскаго* „Къ вопросу о литературной дѣятельности Ермолая Эразма, писателя XVI вѣка“ — 12 марта 1928 г.

29. Докладъ *Е. А. Ляцкаго* „Гончаровъ, какъ преподаватель вел. князя Николая Александровича“ — 26 марта 1928 г.

30. Докладъ *А. Д. Григорьева* „Русскіе говоры въ Пермской губ. и ихъ происхожденіе“ — 11 апрѣля 1928 г.

1928-1929.

1. Докладъ *Д. И. Чижевскаго* „Объемъ философскаго чтенія въ Кіевской академіи XVII-XVIII в. в.“ — 23 апрѣля 1928 г.

2. Докладъ *А. Ф. Изюмова* „Русскіе архивы за десятилѣтіе 1917-1927 г. г.“ — тогда же.

3. Докладъ *С. Г. Пушкарева* „Псковская церковь въ XIV-XV в. в.“ — 30 мая 1928 г.

4. Докладъ *М. В. Шахматова* „Господствующій моментъ русской національной идеи въ XVII в.“ — тогда же.

5. Рѣчь *А. А. Кизеветтера* „Левъ Толстой, какъ историческій романистъ“ — 22 октября 1928 г.

6. Рѣчь *С. В. Завадскаго* „Къ познанію личности Л. Н. Толстого (великій упроститель)“ — тогда же.

7. Докладъ *Н. С. Жекулина* „Экономическая политика Ч. С. Р. за 10 лѣтъ ея самостоятельнаго существованія“ — 8 ноября 1928 г.

8. Докладъ *П. А. Остроухова* „Замѣтки чешскаго путешественника конца XVIII в. о хозяйственномъ положеніи Россіи“ — тогда же.

9. Докладъ *А. В. Флоровскаго* „Чехъ - декабристъ (изъ исторіи чешско-русскихъ отношеній)“ — тогда же.

10. Докладъ *Н. Л. Окунева* „Ѳ. И. Успенскій и его археологическая дѣятельность“ — 22 ноября 1928 г.

11. Докладъ *М. А. Андреевой* „Труды Ѳ. И. Успенскаго по византиновѣдѣнію“ — тогда же.

12. Докладъ *Е. Ф. Шмурло* „Ѳ. И. Успенскій, какъ изслѣдователь русской исторіи“ — тогда же.

13. Докладъ *П. Н. Милюкова* „Воспоминанія о совмѣстной научной работѣ съ Ѳ. И. Успенскимъ“ — тогда же.

14. Докладъ *Д. И. Чижевскаго* „Сковорода и античность“ — 6 декабря 1928 г.

15. Докладъ *А. Л. Бема* „Л. Н. Толстой въ оцѣнкѣ Достоевскаго“ — 10 января 1929 г.

16. Докладъ *А. Н. Фатѣева* „О нѣкоторыхъ литературныхъ источникахъ художественнаго образа Сперанскаго въ «Войнѣ и Мирѣ» въ связи съ философско-исторической концепціей этого произведенія“ — тогда же.

17. Докладъ *П. Н. Савицкаго* „Международный съѣздъ историковъ въ Осло“ — 31 января 1929 г.

18. Докладъ *И. И. Лапшина* „Творческая догадка въ наукахъ о духѣ“ — 14 февраля 1929 г.

19. Докладъ *Е. Ф. Шмурло* „А. С. Пушкинъ — наслѣдіе Африки“ — 7 марта 1929 г.

20. Докладъ *А. Н. Поплавко-Конь* „Политика Франціи по отношенію къ Россіи отъ 18 брюмера до конца VIII республиканскаго года“ — 21 марта 1929 г.

21. Докладъ *Е. Ф. Шмурло* „Царь Алексѣй Михайловичъ (къ 300-лѣтію со дня рожденія)“ — тогда же.

22. Докладъ *А. А. Кизеветтера* „Первое пятилѣтіе правленія Екатерины II“ — 11 апрѣля 1929 г.

23. Докладъ *Е. Ф. Шмурло* „Екатерина II и Радищевъ“ — тогда же.

24. Докладъ *В. М. Козловскаго* „Тадеушъ Костюшко въ исторіи и въ литературѣ“ — 25 апрѣля 1929 г.

1929-1930.

1. Рѣчь *А. А. Кизеветтера* памяти академика М. М. Богословскаго — 16 мая 1929 г.

2. Докладъ *Б. А. Евреинова* „Къ пребыванію Юрія Самарина въ Прагѣ въ 1867-68 г. г.“ — тогда же.

3. Докладъ *М. В. Шахматова* „Новыя грамоты Доможировскаго архива XVII столѣтія“ — 6 іюня 1929 г.

4. Докладъ *Ю. А. Яворскаго* „Литературные отголоски «руско-краинскаго» періода въ Закарпатской Руси 1919 года“ — тогда же.

5. Докладъ *Е. В. Спекторскаго* „Тэнъ и его идеи“ — 4 октября 1929 г.

6. Докладъ *А. Л. Погодина* „Теорія академика Соболевскаго о двоякомъ происхожденіи славянскаго племени“ — тогда же.

7. Докладъ *А. В. Соловьева* „Законодательныя попытки XIV в. въ Польшѣ, Чехіи и Югославіи“ — тогда же.

8. Рѣчь *А. А. Кизеветтера* памяти А. Е. Прѣснякова — 21 октября 1929 г.

9. Рѣчь *И. И. Лапшина* памяти А. Е. Прѣснякова — тогда же.

10. Докладъ *З. Розовой* „Къ исторіи Пушкинскаго Ленскаго“ — тогда же.

11. Докладъ *И. И. Лапшина* „Пушкинъ и Монтэнь“ — тогда же.

12. Докладъ *Е. Ф. Шмурло* „Памяти С. М. Соловьева“ — 4 ноября 1929 г.

13. Докладъ *А. А. Кизеветтера* „Первый набросокъ курса В. О. Ключевскаго“ — 18 ноября 1929 г.

14. Рѣчь *Д. Н. Вергуна* памяти П. А. Лаврова — 2 декабря 1929 г.

15. Докладъ *Д. П. Севастьянова* „Отчетъ объ изслѣдованіяхъ въ Пряшевской Руси 1923-1929 г. г.“ — тогда же.

16. Докладъ *С. Г. Пушкарева* „Русско-турецкая война 1828-29 г. г. и Адріанопольскій миръ“ — 16 декабря 1929 г.

17. Докладъ *В. М. Козловскаго* „Переписка Александра I съ Джефферсономъ въ связи съ такъ называемой конституціей Новосильцева“ — тогда же.

18. Докладъ *П. Н. Милюкова* „Русская церковь въ эпоху революціи“ — 17 декабря 1929 г.

19. Докладъ *М. В. Шахматова* „Купчія грамоты въ Московскомъ государствѣ“ — 20 января 1930 г.

20. Докладъ *В. А. Мякотина* „Прошеніе малороссійскаго шляхетства 1775 года“ — 3 февраля 1930 г.

21. Докладъ *А. Л. Бема* „Рукописи къ Идіоту Достоевскаго и ихъ мѣсто въ общемъ планѣ романа“ — 10 февраля 1930 г.

22. Докладъ *Н. Л. Окунева* „Памятники Сельджукскаго искусства въ Эрзерумѣ и въ Эрзерумской области“ — 24 февраля 1930 г.

23. Докладъ *Н. И. Астрова* „Положеніе объ общественномъ управленіи г. Москвы 20 марта 1862 года и первый всесословный московскій городской голова кн. А. А. Щербатовъ“ — 10 марта 1930 г.

24. Докладъ *Д. И. Чижевскаго* „О нѣкоторыхъ источникахъ символики Сковороды“ — 24 марта 1930 г.

25. Рѣчь *Е. Ф. Максимовича* памяти В. И. Саввы (къ 10-лѣтію его смерти) — 14 апрѣля 1930 г.

26. Докладъ *А. В. Флоровскаго* „Князь Витовтъ и Чехія“ — тогда же.

Кромѣ устройства собственныхъ научныхъ засѣданій Общество за отчетный періодъ ежегодно принимало участіе, наряду съ другими русскими организаціями, въ устройствѣ торжественнаго собранія въ день государственнаго праздника Чехословацкой республики (28-го октября), ежегодно участвовало въ праздновaніи „Дня Русской Культуры“, совмѣстно съ Русскимъ Юридическимъ факультетомъ въ Прагѣ организовало собраніе памяти профессора Кадлеца, при чемъ отъ имени общества рѣчь произнесъ С. Г. Пушкаревъ, участвовало въ собраніи памяти А. С. Грибоѣдова (по случаю 100-лѣтія со дня его кончины), организованномъ Русскимъ Институтомъ въ Прагѣ, принимало участіе въ торжественномъ юбилейномъ засѣданіи по случаю 80-лѣтія г-на Президента Чехословацкой республики д-ра Т. Г. Масарика и поднесло юбиляру адресъ художественной работы, наконецъ, участвовало въ устройствѣ научнаго собранія памяти Св. Вацлава по случаю 1000-лѣтія со дня его кончины; въ этомъ собраніи отъ имени Общества выступали А. А. Кизеветтеръ и А. В. Флоровскій.

За отчетный періодъ Общество, путемъ делегированія своихъ представителей, приняло участіе въ двухъ международныхъ съѣздахъ: конгрессѣ славянскихъ географовъ и этнографовъ весной 1927 года въ Краковѣ (представителями Общества были проф. д-ръ М. Мурко и А. П. Калитинскій) и въ конференціи историковъ Восточной Европы и славянскаго міра въ Варшавѣ лѣтомъ 1927 года (делегація Общества состояла изъ А. В. Флоровскаго, В. В. Саханева и Б. А. Евреинова). По окончаніи означенной конференціи Общество вступило членомъ въ созданную на конференціи федерацію историческихъ обществъ Восточной Европы, въ правленіе которой на конференціи былъ избранъ членъ Общества А. В. Флоровскій.

Въ отчетный періодъ положено начало созданія библіотеки Общества. Библіотека эта пополняется путемъ пожертвованій членами Общества своихъ печатныхъ трудовъ и путемъ обмѣна изданій Общества на изданія другихъ научныхъ учрежденій. Въ настоящее время библіотека насчитываетъ 115 томовъ.

Издательская дѣятельность Общества выразилась пока въ изданіи I-ой книги Записокъ Общества, вышедшей въ Прагѣ въ концѣ 1927 года, въ количествѣ 300 экземпляровъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ERRATA.

Стр.	Напечатано	Должно быть
63 — 14 св.	воплитися	воплотитися
77 — 11 св.	доселе	доселѣ
125, примѣч.	Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ весной 1928 г.	Докладъ, прочитанный въ засѣданіи Русскаго Историческаго Общества въ Прагѣ 7 іюня 1927 г.
126 — 1 сн.	напримѣръ,	(напримѣръ,
131 — 19 св.	изложени	изложены
135 — 23 св.	показываютъ	показываетъ
183 — 22 сн.	обязательныя денежныя взносы	обязательные денежные взносы.

